

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СРЪДЯ

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2019

5

**СЕНТЯБРЬ –
ОКТАБРЬ**

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2019

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2019

5

**SEPTEMBER -
OCTOBER**

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Y. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Demytyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *Н. Г. Брагина, А. Н. Кузьмина.* Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке
- 22..... *Е. Н. Геккина.* Из истории слов *сосуля* и *сосулька*
- 34..... *А. В. Занадворова.* Роль цитаты в семейном общении
- 47..... *А. Д. Козеренко.* Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом
- 59..... *М. Н. Панова.* О паронимах в деловой речи
- 71..... *А. Е. Сомова.* Можно ли понять русский спортивный репортаж без переводчика?
- 79..... *Цуй Лили.* Речевой акт отказа в повседневной русской речи (с учетом социальных отношений говорящих)

Из истории русского языка

- 93..... *Л. И. Маршова.* Трудные места из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского на церковнославянском языке (варианты чтения на примере песни 1)

Язык художественной литературы

- 107..... *Е. М. Матвеев.* Об одной риторической фигуре в одической поэзии М. В. Ломоносова

В помощь изучающим русский язык

- 116..... *Е. В. Корпечкова.* Школьные диалектные словари на уроках русского языка

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Natalia G. Bragina, Anastasia N. Kuzmina.* Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian
- 22..... *Elena N. Gekkina.* History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*
- 34..... *Anna V. Zanadvorova.* Quotation in Family Communication
- 47..... *Anastasiya D. Kozerenko.* Strong Emotions Reflected in Phraseology: Marginal Behaviour as a Symptom
- 59..... *Marina N. Panova.* The Paronyms in Business Language
- 71..... *Aleksandra E. Somova.* Understanding a Russian Sports Report Without an Interpreter: Is It Possible?
- 79..... *Cui Lili.* The Refusal Speech Act in Russian Everyday Speech (Considering the Social Relations Aspect)

From the History of the Russian Language

- 93..... *Larisa I. Marsheva.* Difficult Passages from the Great Canon of St. Andrew of Crete in Church Slavonic (Interpretation Options Based on Song 1)

The Language of Fiction

- 107..... *Evgeniy M. Matveev.* On One Rhetorical Figure in M. V. Lomonosov's Solemn Odes

Learning Russian

- 116..... *Elena V. Korpechkova.* Using School Dialect Dictionaries in Russian Language Classes

Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке

Наталья Георгиевна Брагина, Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва),
natasha_bragina@mail.ru

Анастасия Николаевна Кузьмина, независимый исследователь (Россия, Москва),
fil_russ_kuzmina@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005688-5

АННОТАЦИЯ: В статье представлены результаты исследования русских прилагательных, описывающих тактильные ощущения. Предметом анализа стали переносные значения этих лексем. Составлен и проанализирован словарь тактильных метафор, на выходе состоящий из 39 единиц. Дано определение тактильной метафоры в соответствии с более ранними исследованиями, посвященными описанию перцептивных метафор. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка. По ходу работы приводится классификация исследуемых единиц в соответствии с основными компонентами значения и употребления в современном русском языке. Особое внимание уделено оценочному компоненту значения каждой лексемы. Исследование показало, что тактильные метафоры чаще имеют отрицательное значение и реже — положительное. В статье предложено объяснение этой тенденции. Статья представляет интерес для лингвистов, специалистов в области когнитивной лингвистики и нейролингвистики, а также для преподавателей русского языка и русского языка как иностранного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора, русский язык, тактильная метафора, категория оценки, положительная оценка, отрицательная оценка

для цитирования: Брагина Н. Г., Кузьмина А. Н. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. 2019. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5.

Issues of Modern Russian Language

Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian

Natalia G. Bragina, Pushkin State Russian Language Institute, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow), natasha_bragina@mail.ru

Anastasia N. Kuzmina, independent researcher (Russia, Moscow), fil_russ_kuzmina@mail.ru

ABSTRACT: The paper presents a study of Russian adjectives for tactile sensations. In this study we have analyzed the figurative meanings of the adjectives for tactile sensations and compiled a glossary consisting of 39 tactile metaphors. The article defines the conceptual status of a tactile metaphor in relation to the other groups of perceptual metaphors. The research material was collected in the Russian National Corpus. The words under analysis are classified in accordance to the main components of the meaning and usage in Russian language. The study focuses on the evaluative component of every lexical item. The research shows that tactile metaphors have negative meanings more often than the positive ones, which is further explained in the paper. This article is recommended for linguists, specialists in cognitive linguistics and neurolinguistics, as well as for teachers of Russian language.

KEYWORDS: metaphor, Russian language, tactile metaphor, evaluation category, positive evaluation, negative evaluation

FOR CITATION: Bragina N. G., Kuzmina A. N. Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5.

Введение

Статья представляет результаты исследования русских прилагательных, описывающих тактильные ощущения. Тактильные ощущения возникают, как правило, в процессе прикосновения руки, кончиков пальцев (иногда кончиков пальцев ног, реже — других частей тела) к какому-либо предмету. В толковых словарях при семантизации тактильных прилагательных используются словосочетания «по ощущениям», «при прикосновении», «на ощупь» и др., например: *теплый* — ‘имеющий высокую, но терпимую температуру, которую можно определить при прикосновении. Приятный на ощупь’.

Предметом анализа являются переносные значения прилагательных, которые в прямом значении используются для описания тактильных ощущений. Под тактильной метафорой понимается признаковая метафора, которая возникла как результат сопоставления свойств объектов, воспринимаемых с помощью органов осязания, с особенностями темперамента человека, его эмоциями и характером. В основной список включены также слова, имеющие синкретические значения, в которых соединяются тактильные и визуальные ощущения. В связи с этим мы разделяем понятия: контактное тактильное прилагательное (например, *липкий*) и дистантное тактильное прилагательное (например, *пушистый*).

Исследовательские подходы к описанию перцептивных метафор

Переносные (метафорические) значения прилагательных образуются с помощью механизма отождествления. Если исходить из того, что человек воспринимает мир пятью органами чувств, то формы отождествления можно классифицировать как зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и тактильные. Следовательно, можно говорить о разных видах перцептивных метафор: зрительных, слуховых, вкусовых, обонятельных и, наконец, тактильных. Вполне очевидно, что все виды метафор участвуют в формировании категории оценки, например: *светлая голова, кислый вид, громкая история, дурно пахнущие мысли, скользкий человек*. Возникает вопрос, существует ли какая-либо связь между определенным видом оценки и определенным видом перцептивных метафор.

А. Вежбицкая предложила описывать такие единицы с помощью семантического примитива «воспринимать» [Вежбицкая 1999]: метаязык, используемый для описания восприятия с помощью зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания, стал одной из важных тем современных семантических исследований.

Согласно Ю. Д. Апресяну, каждая из подсистем восприятия должна обслуживаться тройкой глаголов: «воспринимать» — «восприниматься» — «использовать способность восприятия». В русском языке существует пять троек глаголов, которые выражают физическое восприятие (плюс синонимы лексем): *видеть* — *быть видным* — *смотреть*, *слышать* — *быть слышимым* — *слушать*, *обонять (чуять)* — *пахнуть* — *нюхать*, *ощущать вкус* — *быть на вкус* — *пробовать*, *осязать* — *быть на ощупь* — *ощупывать* [Апресян 1995].

Зрение и слух являются главенствующими перцептивными способностями взрослого человека. С их помощью человек получает до 95% информации об окружающем его мире. Ю. Д. Апресян приводит два языковых аргумента в пользу этого утверждения: во-первых, количество лексем, обозначающих слуховое и зрительное восприятие, намного больше по сравнению с другими сферами восприятия; во-вторых, очень большое разнообразие метафор описывает именно слуховое и зрительное восприятие, и именно эта сфера нуждается в новых видах выразительных средств.

Язык — антропоцентрическая система, и именно поэтому он отражает факт доминирования зрительно-слуховой перцепции, а также факт связи этого типа восприятия с когнитивными процессами. При этом, в отличие от обоняния, вкуса и осзания, ложные выводы относительно услышанного и/или увиденного — не редкость, язык показывает, что ложная интерпретация зрительно-слуховых впечатлений возможна. Так, например, словосочетания *обман зрения*, *слуха* закреплены в языке, а *обман обоняния*, *осзания*, *вкуса* — нет [Апресян 1995: 350–351].

В работе [Sweetser 1990] был дан анализ перцептивных метафор. И. Свитсер проанализировала следующие метафорические переносы: 1) зрение => мышление: *точка зрения*, *рассмотреть вопрос*; 2) слух => языковое общение => внимание => внутренняя восприимчивость => послушность: *ты слышал о...*, *послушник*; 3) вкус => симпатии и антипатии: *вкус к авантюрам*, *одеваться со вкусом*; 4) осзание => эмоции: *душевная рана*, *задеть кого-л. неосторожным словом*. И. Свитсер отмечала при этом, что обоняние имеет меньше метафорических связей. Также она высказывала предположение, что удаленность может соотноситься с мышлением и объективностью, а близость связана с эмоциями и субъективностью. Зрительное и слуховое восприятие предполагают наличие определенной дистанции между объектом восприятия и самим воспринимающим, а тактильное и вкусовое восприятие — наоборот, предполагают непосредственный физический контакт. Соответственно, согласно И. Свитсер, некоторые метафорические переносы могут быть потенциально универсальными, как, например, зрение => мышление, а другие могут иметь

большую культурную обусловленность. Позднее это предположение было скорректировано рядом исследователей, показавших, что существуют языки, в которых мышление метафорически связано со слухом, а не со зрением¹.

Отдельно обонятельные, вкусовые, слуховые, зрительные и тактильные метафоры описывались с разных позиций. Охарактеризуем некоторые из них.

Ю. Н. Молодкина описывает обонятельные метафоры, основываясь на понятии синестезии. В своей работе она предлагает их классификацию по следующим признакам: модальность, количественный признак, воздействие, тип референта [Молодкина 2010]. Например, для категории, выделенной на основании первого признака, привлекаются номинации других перцептивных сфер, из которых наиболее широко представлены обонятельные синестезии модели 'запах-осязание': *мягкий аромат, резкий запах*. Лексические единицы, выделенные на основании количественного признака, имеют градацию по интенсивности проявления запаха. Третий признак, названный воздействием, объединяет внешние физические и физиологические ощущения с эмоциональным восприятием. Четвертый признак охватывает референционную область обонятельной метафоры. Так, можно составить ряд метафор, апеллирующий к эстетическому переживанию, например, *запах ветхости, запах преступника, запах цивилизации* и др. [Молодкина 2010].

В работе [Бойчук 2011] исследуется группа вкусовых метафор. Вкусовые метафоры автор относит к группе гастрономических, которые, в свою очередь, делятся на шесть групп. Первая группа — номинативные единицы со значением «пища», например: *Если классическая музыка — прожаренный бифштекс со стаканом красного вина, то попса — «Доширак»*. Вторая группа — основные характеризующие свойства пищи (включая описание характерных вкусовых параметров и других пищевых свойств), например: *Вкусное слово «вереск», эдакое пряное и таинственное...* Третья группа — номинативные единицы, связанные с обозначением испорченной пищи, например: *...Не эстетично — с душком-ссс...* Четвертая группа — номинации процесса приготовления пищи, например: *сделать выжимки из философского сочинения*. Пятая группа — номинации презентации пищи к употреблению, например: *Месть — это блюдо, которое подают холодным*. Наконец, шестая группа — номинации процесса употребления пищи, например: *упиваться чтением интересной книги, давиться телесериалами* [Бойчук 2011].

¹ Подробнее об этом см. работу [Скребцова 2018].

Метафоры слуха в настоящее время описываются вкуче со зрительным, тактильным и вкусовым восприятием, так, например, анализируются метафоры типа *высокий/низкий звук, мягкий голос, кислый возглас* [Жантурина 2010].

Похожим образом исследуются цвето-звуковые метафоры в русском языке. Определяются те, которые активно используют носители русского языка: *бесцветный голос, пестрые голоса, зеленый шум, черная тишина* [Бардовская 2013].

Зрительные, или оптические, метафоры исследуются также на материале других языков, например английского языка [Данилова 2000].

Таким образом, в большинстве работ, посвященных перцептивным метафорам, основной задачей является создание классификации на основе некоторого набора выделяемых исследователями признаков.

Этапы формирования исследовательского материала, посвященного тактильным метафорам

На первом этапе исследования тактильных метафор ставилась задача создать словник тактильных прилагательных. Он был сформирован методом сплошной выборки, проводившейся по материалам толкового словаря русского языка [Ожегов 2007], и скорректирован с учетом информации, содержащейся в словарях синонимов [Апресян 2004] и [Абрамов 1999]. В результате было отобрано 63 единицы. Приведем их список: *холодный, теплый, горячий, острый, мягкий, сухой (засохший), жесткий, твердый, нежный, грубый, ровный, ледяной, жаркий, колючий, шелковый, огненный, прохладный, скользкий, бархатный, липкий (липучий), жгучий, рыхлый, пушистый, пламенный, шершавый, цепкий, плюшевый, раскаленный, режущий, черствый, шелковистый, клейкий, колкий, бархатистый, колючий, шероховатый, склизкий, щетинистый, влажный, вязкий, загрубевший, загрубелый, закаменелый, заостренелый, занозистый, затверделый, махровый, морозный, обжигающий, огрубевший, огрубелый, одревенелый, окаменелый, окостенелый, ослизлый, осклизлый, пиящий, погрубевший, погрубелый, прилипчивый, притупленный, сучковатый.*

На втором этапе исследования отбирался корпус примеров, иллюстрирующих метафорические употребления тактильных прилагательных. Примеры были взяты из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Ставилась задача определить роль метафорических употреблений прилагательных при оценке тех или иных свойств объекта. Затем на основе лексикографических источников производилось исследование частотности первого и второго значений. Определение частотности прямого значения единиц словника осуществлялось по словарю [Ляшевская, Шаров 2009].

Анализ частотности переносных значений единиц словника проводился на основании данных НКРЯ. Были исключены 24 единицы словника, сочетания с которыми можно отнести к сугубо авторским или к наименее употребительным, а именно: *влажный, вязкий, загрубевший, загрубелый, закаменелый, закаменелый, заостенелый, занозистый, затверделый, махровый, морозный, обжигающий, огрубевший, огрубелый, одеревенелый, окаменелый, окостенелый, ослизлый, оклизлый, пилящий, погрубевший, погрубелый, прилипчивый, притупленный, сучковатый*. Соответственно, в окончательный вариант словника вошло 39 единиц.

Тактильные метафоры: общая классификация

При классификации тактильных метафор рассматривались разные виды тактильности, выделяемые у первых (неметафорических) значений прилагательных по признакам 'способ касания' и 'цель касания': 1) скользящие касания — совершается движение руки по поверхности объекта; 2) сжимающие или ощупывающие касания — после касания осуществляется сжатие; 3) обрамляющее касание — ладонь и пальцы ощупывают весь предмет. Также были дополнительно выделены тестовые касания, служащие для привлечения внимания другого человека, и температурные касания, служащие для определения тепловых свойств объекта [Крейдлин 2002].

Рассматриваемые тактильные метафоры были поделены на группы на основании следующих характеристик: 1) температура (10 единиц); 2) мягкость / жесткость (6 единиц); 3) гладкость / колкость (11 единиц); 4) пушистость / шершавость (7 единиц); 5) липкость (4 единицы); 6) сухость / влажность (1 единица). Внутри выделенных групп лексемы могут градуироваться по степени выраженности признака: от слабой до сильной.

Первая тематическая группа тактильных прилагательных описывает температурные ощущения, вызываемые прикосновением к жидкости или к поверхности твердого предмета. Прикосновения к поверхности могут осуществляться кончиками пальцев, ладонью, другой частью тела, например щекой. В рассматриваемой группе из десяти прилагательных семь имеют значение повышенной температуры (*теплый, горячий, жаркий, жгучий, раскаленный, пламенный, огненный*), три — пониженной (*прохладный, холодный, ледяной*). Анализ метафорических употреблений данных прилагательных показал, что наиболее частотными являются прилагательные *горячий, теплый, холодный, ледяной*, наименее частотным — *прохладный*. Прилагательные *жаркий, жгучий, огненный, пламенный, раскаленный* занимают срединное положение.

Метафоры с температурным значением сочетаются с именами, относящимися к следующим сферам: 1) чувства, внутренний мир человека: *жаркий, жгучий, огненный, теплый, горячий* (о любви, ревности, душе); 2) орган зрения, выражение глаз: *жгучий, огненный, пламенный, раскаленный, теплый, ледяной, прохладный, холодный* (о глазах, взгляде); 3) внешний вид: *жгучий* (о внешности); 4) свойства человека: *горячий, ледяной, холодный* (о натуре, характере); 5) проявление чувств: *горячий, прохладный* (о поцелуе, объятиях, улыбке); 6) звуки голоса: *теплый, ледяной, холодный* (о голосе, манере говорить). Тактильные прилагательные сочетаются с именами абстрактной и конкретной семантики.

Наиболее типичной является метафорическая сочетаемость прилагательных, описывающих температурные ощущения, с именами, имеющими значение 'орган зрения', 'выражение глаз' (*глаза, взгляд, взор* и др.). Менее типично описание внешности человека с использованием этих метафор.

К метафорам положительной оценки можно отнести: *теплый, жаркий, огненный, пламенный*; отрицательной оценки — *ледяной, прохладный, раскаленный, холодный*. Слова *горячий* и *жгучий* меняют свой оценочный компонент в зависимости от контекста.

Вторая тематическая группа тактильных прилагательных, характеризующая объекты по мягкости и жесткости, включает шесть единиц. Из них два прилагательных используются при метафорическом описании мягкости (*мягкий, рыхлый*), а остальные — жесткости (*грубый, жесткий, твердый, черствый*).

Анализ примеров из НКРЯ позволил выделить следующие группы слов, сочетающихся с метафорами, описывающими жесткость и мягкость объекта: 1) человек, совокупность людей: *грубый, черствый, жесткий, твердый, рыхлый, мягкий* (о человеке, людях, народе, персонале, начальнике, учителе, мужчине, женщине и т. д.); 2) звуки, воспроизводимые человеком, а также его речь: *грубый, жесткий, твердый, мягкий, рыхлый* (о голосе, крике, смехе, словах); 3) интеллектуальные способности человека: *грубый* (об уме, мысли); 4) свойства человека/людей: *грубый, черствый, жесткий, твердый, мягкий* (о характере, нраве/нравах, натуре); 5) орган зрения, выражение глаз: *грубый, жесткий, мягкий* (о глазах, взгляде, зоре); 6) внутренний мир человека: *черствый, мягкий* (о сердце, душе); 7) волевые действия человека: *жесткий* (о решении, контроле, поступке, условиях); 8) вера, мораль, этика: *твердый* (об идеалах, убеждении, вере, порядке); 9) намерение человека: *твердый* (о стремлении, желании, намерении); 10) движение ноги при перемещении: *твердый* (о шаге); 11) проявление чувств, выражение лица: *мягкий* (об улыбке, лице).

Прилагательные данного типа имеют высокую частотность при описании человека, его взгляда, голоса, его внутреннего мира (сердце, душа)

и этики (мораль, идеалы). К универсальным метафорам, т. е. описывающим все или почти все выделенные группы имен, можно отнести прилагательные *мягкий, грубый, твердый, жесткий*.

Метафоры, относящиеся к этой группе, имеют либо отрицательную, либо контекстно обусловленную оценку. К первым относятся: *грубый, черствый, рыхлый*. Ко вторым — *жесткий, мягкий и твердый*.

Третья тематическая группа описывает объекты по гладкости (*гладкий, ровный, тупой, шелковистый, шелковый*) и колкости (*колкий, колющий (колющийся), колючий, режущий, острый, цепкий*). Она включает в себя 11 единиц.

Были выделены следующие семантические группы слов, сочетающихся с метафорами, которые описывают гладкость и колкость объекта: 1) звуки, воспроизводимые человеком, а также его речь: *гладкий, ровный, режущий, шелковистый, шелковый, острый, колкий, колючий, колющий* (о словах, голосе, крике, смехе); 2) человек, совокупность людей: *гладкий, тупой, колкий, шелковый, шероховатый, цепкий* (о человеке, людях, народе и т. д.); 3) орган зрения, выражение глаз: *тупой, режущий, шелковистый, цепкий, острый, колючий, колющий, притупленный* (о взгляде, глазах, взоре); 4) выражение лица: *тупой, острый, колкий* (об улыбке, усмешке); 5) способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления: *цепкий* (о памяти); 6) движение ног при перемещении: *ровный* (о шаге); 9) интеллектуальные способности: *острый, колкий* (об уме). Наиболее частотными метафорами данной тематической группы являются *гладкий, тупой, колкий, колючий, острый, шелковый*. Тактильные прилагательные этой группы хорошо сочетаются с лексемами: *человек, слово/слова, голос, взгляд*.

Внутри группы выделяются метафоры положительной оценки (*ровный, шелковистый, шелковый*); метафоры отрицательной оценки (*колкий, колючий, колющий, режущий, тупой, цепкий*); контекстно обусловленные метафоры (*гладкий, острый*).

В четвертую группу тактильных прилагательных, описывающих свойство быть пушистым (*бархатистый, бархатный, нежный, плюшевый, пушистый*) или шершавым (*шероховатый, шершавый*), входят семь слов. Наиболее частотными являются метафоры *бархатный, нежный, пушистый*.

Следующие семантические группы слов сочетаются с тактильными метафорами, которые являются производными от значений лексем, описывающих свойство объекта быть пушистым или шершавым: 1) звуки, воспроизводимые человеком, а также его речь: *бархатный, бархатистый, шершавый, шероховатый* (о голосе, смехе, словах); 2) человек: *нежный, белый и пушистый, шершавый, шероховатый*; 3) свойства человека/людей: *нежный, шероховатый* (о характере, нраве/нравах, натуре); 4) орган зрения, выражение глаз: *бархатистый, бархатный* (о глазах, взгляде, взоре);

5) внутренний мир человека, проявление чувств: *нежный* (о сердце, душе, поцелуе).

Прилагательные данного типа частотно описывают человека и его взгляд. Универсальной метафорой внутри данной группы является прилагательное *нежный*.

Пушистый, бархатный, бархатистый относятся к метафорам положительной оценки, *шероховатый, шершавый* — отрицательной оценки, у прилагательных *нежный, плюшевый* оценочный компонент контекстуально обусловлен.

Пятая группа тактильных прилагательных описывает липкость (*липкий, клейкий*) и скользкость объекта (*скользящий, скользкий*).

Выделяются следующие семантические группы слов, которые сочетаются с метафорами, описывающими липкость и скользкость объекта: 1) звуки, воспроизводимые человеком: *клеякий* (о голосе); 2) человек: *скользящий, скользкий* (о человеке); 3) орган зрения, выражение глаз: *клеякий* (о взгляде, глазах); 4) выражение лица, внутренний мир человека, свойство кого/чего-л.: *липкий* (об улыбке, душонке, пошлости, мысли).

Прилагательные данной группы частотно описывают человека, его голос и взгляд. Универсальной метафорой внутри группы является прилагательное *липкий*. Все метафоры содержат отрицательную оценку.

В шестую группу включена только одна метафора, описывающая сухость (*сухой*) объекта.

Выделяются следующие семантические группы слов, которые сочетаются с данной метафорой: 1) звуки, воспроизводимые человеком, а также его речь: *сухой* (о голосе, крике, смехе, словах); 2) человек; свойства человека/людей: *сухой* (о человеке, нраве/нравах, характере); 3) выражение глаз: *сухой* (о взгляде). Данные метафоры частотно описывают человека в целом. Прилагательное *сухой* имеет высокую частотность употребления и используется для выражения отрицательной оценки.

Тактильные метафоры и категория оценки

Характеризуя оценочный компонент тактильных метафор, мы исследовали метафоры положительной оценки (*бархатистый голос, жаркий поцелуй*); отрицательной оценки (*колючий взгляд, липкий страх*), а также метафоры, которые в зависимости от контекста употребления и точки зрения говорящего могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку, — то есть метафоры контекстуальной оценки (*горячая вера — горячий нрав, острый слух — острый язык*). Исследуемый материал показал, что отрицательная оценка количественно в значительной мере превосходит положительную оценку.

Из числа рассмотренных единиц всего 10 тактильных метафор имеют положительную оценку. Это лексемы *теплый, жаркий, огненный, пламенный, ровный, шелковистый, шелковый, пушистый, бархатный, бархатистый*. В первых (непереносных) значениях данные лексемы обозначают: а) температурные ощущения; б) ощущения, возникающие при скользящих касаниях. Они выражают тактильно приятные для человека ощущения. Соответственно, в переносных значениях это трансформируется в положительную оценку.

Самую обширную группу составляют 20 прилагательных, которые в переносных (метафорических) значениях имеют отрицательную оценку. К данной группе относятся слова: *ледяной, прохладный, раскаленный, холодный, грубый, черствый, рыхлый, колкий, колючий, колющий, режущий, тупой, цепкий, шероховатый, шершавый, липкий, клейкий, склизкий, скользкий, сухой*.

Этот класс метафор достаточно разнородный: в него вошли прилагательные всех групп общей классификации. В своем первом (прямом) значении прилагательные данной группы описывают такие тактильные свойства объекта, которые вызывают у человека неприятные ощущения. В переносных значениях это трансформируется в отрицательную оценку.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лексемы, которые описывают в первом значении приятные тактильные ощущения, в переносных значениях имеют положительную оценку, а лексемы, описывающие в первом значении неприятные тактильные ощущения, в переносных значениях, соответственно, используются для отрицательной оценки.

Группа контекстно обусловленных метафор состоит из 9 единиц: *горячий, жгучий, жесткий, мягкий, твердый, гладкий, острый, нежный, плюшевый*.

Статистически соотношение единиц положительной, отрицательной и контекстно обусловленной оценки можно представить следующим образом. Из 39 отобранных единиц 20 имеют отрицательную оценку, что составляет ~ 51 %; 10 — положительную оценку, это ~ 26 %; у 9 лексем оценка меняется в зависимости от контекста — ~ 23 %. Графически соотношение положительной, отрицательной и контекстно обусловленной оценки у тактильных метафор выглядит следующим образом, см. рис. 1.

Есть основания полагать, что тактильные прилагательные в первом (неметафорическом) значении чаще описывают неприятные ощущения и, соответственно, тактильные метафоры выражают чаще отрицательную, а не положительную оценку.

Это согласуется с высказанной в работе [Брагина 2019: 204] мыслью о том, что в языке существует определенная закономерность между типом

Рис. 1

восприятия объекта и степенью сниженности отрицательной оценки. Так, если градуировать прилагательные-антиэстетизмы *безобразный*, *уродливый*, *гадкий* и *мерзкий* по степени сниженности отрицательной оценки, то верхнюю позицию на «шкале безобразного» займет *безобразный*, далее *уродливый*, потом *гадкий*, а нижнюю — лексема *мерзкий*. При этом в отличие от *безобразного* и *уродливого*, описывающих преимущественно визуально воспринимаемые объекты, именно *гадкий* и *мерзкий* профилируют тактильное и обонятельное восприятие [Брагина 2019: 204–205]. Они также в отличие от *безобразного* и *уродливого* не включены в концептуальное поле комического [Брагина 2007].

Таким образом, то обстоятельство, что тактильные метафоры чаще выражают отрицательную, а не положительную оценку, является закономерным. Существуют ли экстралингвистические факторы, которые оказывают влияние на такое распределение оценки? Можно ли это объяснить социокультурными факторами², или это относится к универсальным явлениям? На этот вопрос еще нет готового ответа. В дальнейшем имеет смысл рассмотреть тактильные метафоры и их связь с категорией оценки на материале анализа разных языков, определяя в сопоставлении наличие или отсутствие социокультурной специфики.

Выводы

Анализ оценочной семантики 39 тактильных метафор-прилагательных выявил общую тенденцию преимущественного использования их в качестве отрицательной оценки различных объектов действительности.

² Подробнее о социокультурных факторах в языке см. работу [Брагина 2013].

Расширенное исследование в этом направлении позволит дать лингвистическое обоснование отношениям между описываемыми в языке способами перцептивного восприятия и языковой оценкой.

Литература

- Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 310–351.
- Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь. М.: Языки славянской культуры, Вена: Wiener Slavistische Almanach, 2004. 1488 с.
- Бардовская А. И. Цвето-звуковые метафоры русского языка (Данные Национального корпуса русского языка) // Современные исследования социальных проблем (Modern Research of Social Problems). 2013. № 4 (24) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsveto-zvukovye-metafory-russkogo-yazyka-dannye-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka> (дата обращения: 13.05.2019).
- Бойчук А. С. Лингвостилистический анализ «вкусовых» метафор русского языка // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 372–379 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskiy-analiz-vkusovyh-metapor-russkogo-yazyka> (дата обращения: 13.05.2019).
- Брагина Н. Г. Комическое и безобразное. Области концептуального согласования // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 614–626.
- Брагина Н. Г. Прекрасное наоборот: антиэстетизмы в языке // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / Отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 199–206.
- Брагина Н. Г. Социокультурные конструкторы в языке: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2013. 386 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263–305.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Данилова О. А. Цвет как элемент сенсорного образа в структуре англоязычного поэтического текста: дис. ... канд. филол. наук / Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2000. 184 с.
- Жантурина Б. Н. Перцептивные метафоры звука // Вестник ЧелГУ, сер. «Филология и искусствоведение», вып. 44, № 17 (198). Челябинск, 2010. С. 12–16.

- Крейдли́н Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2002. 581 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 13.05.2019).
- Молодкина Ю. Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Курский государственный университет. Курск, 2010. 21 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2007. 639 с.
- Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Языки славянских культур, 2018. 392 с.
- Sweetser E. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 174 p.

References

- Abramov N. A. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1999. 433 p.
- Apresyan Yu. D. [The image of a person according to the language]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995, pp. 310–351. (In Russ.)
- Apresyan Yu. D. *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar'* [New explanatory dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Vena, Wiener Slavistische Almanach Publ., 2004. 1488 p. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsveto-zvukovye-metafory-russkogo-yazyka-dannye-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka> (accessed 13.05.2019).
- Bardovskaya A. I. Tsveto-zvukovye metafory russkogo yazyka (Dannye Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Color-sound metaphors of the Russian language (Data from the Russian National Corpus)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems], no. 4 (24), 2013. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsveto-zvukovye-metafory-russkogo-yazyka-dannye-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka> (accessed 13.05.2019).
- Boichuk A. S. [Linguo-stylistic analysis of the “taste” metaphors of the Russian language]. *Problemy Rusistiki* [Problems of Russian Studies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 372–379. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskiy-analiz-vkusovyh-metamor-russkogo-yazyka> (accessed 13.05.2019).

- Bragina N. G. [Comic and ugly. Areas of conceptual agreement]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of the language. Comic language mechanisms]. Ed. N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik, 2007, pp. 614–626. (In Russ.)
- Bragina N. G. [The beauty vice versa: anti-aestheticisms in language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Ch. ed. of series N. N. Boldyrev; Issue XXXVI: *Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie: sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya V. Z. Dem'yankova* [Understanding. Interpretation. Cognitive modeling: a collection of scientific papers in honor of the 70th birthday of V. Z. Demyankova]. Resp. ed. M. L. Kovshova. Tambov, Publ. House "Derzhavinskii", 2019, pp. 199–206. (In Russ.)
- Bragina N. G. *Sotsiokul'turnye konstrukty v yazyke: monografiya* [Sociocultural constructs in the language: monograph]. 2 ed. Moscow, Flinta Publ., 2013. 386 p.
- Danilova O. A. *Tsvet kak element sensor'nogo obraza v strukture angloyazychnogo poeticheskogo teksta*. Diss. kand. filol. nauk [Color as an element of the sensory image in the structure of the English poetic text. Dr. philol. sci. diss.]. Saransk, 2000. 184 p.
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, NLO Publ., 2002. 581 p.
- Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (on the materials of Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 13.05.2019).
- Molodkina Yu. N. *Sinesteticheskaya metafora zapakha (korpusnoe issledovanie)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Sinesthetic smell metaphor (case study). Dr. philol. sci. abstr. diss.]. Kursk, 2010. 21 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 13.05.2019).
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. L. I. Skvortsov. 24 ed. Moscow, Oniks Publ., 2007. 639 p.
- Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2018. 392 p.
- Sweetser E. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 174 p.
- Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language description]. Transl. from Engl. A. D. Shmeleva, ed. T. V. Bulygina. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1999, pp. 263–305. (In Russ.)
- Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p.
- Zhanturina B. N. [Perceptual metaphors of sound]. *Vestnik ChelGU, seriya Filologiya i iskusstvovedeniye*, 2010, issue 44, no. 17 (198), pp. 12–16. (In Russ.)

Из истории слов *сосуля* и *сосулька*

Елена Николаевна Геккина, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), gekkin@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170005689-6

АННОТАЦИЯ: В статье дается обзор справочно-энциклопедических сведений о словах *сосуля* и *сосулька*, ставших предметом общественной дискуссии в 2010–2016 годах. Анализ данных из разнотипных источников позволяет внести уточнения в характеристику функциональных, семантических и лексико-стилистических особенностей этих двух слов. Первые известные нам письменные упоминания слов *сосуля* и *сосулька* относятся к концу XVI — началу XVII века. Это зафиксированные в писцовых и межевых книгах, в дипломатических документах Московского государства прозвища и фамилии людей, то есть антропонимы. Описание в словарных и историографических источниках повседневных традиций в России свидетельствует о том, что производное *сосуля* и другие дериваты глагола *сосать* служили для обозначения маленьких детей, а также предметов, используемых при их кормлении. Слова *сосуля* и *сосулька* также употреблялись как наименования пряничных изделий и конфет. В говорах лексемы использовались и в качестве названий курительных средств. Два слова в «ледяном» значении имеют печатные подтверждения, датируемые XVIII веком и свидетельствующие об их принадлежности общенародному языку. Использование в книжной речи, имеющей прикладную направленность, способствовало функциональному закреплению лексем. Иллюстрации из источников последующих веков демонстрируют семантическое и стилистическое разнообразие двух слов, хотя их лексикографические фиксации дискретны, неполны. Сравнительные данные из славянских языков и северных русских говоров, а также целостный функциональный анализ позволяют ставить

отдельный вопрос об этимологии лексем с «ледяным» значением. Новые материалы, прежде всего о языке XV–XVII веков, могут помочь в реконструкции остающихся в «тени» страниц истории двух слов и производящей глагольной номинации **сърsati*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология, лексикография, словари, русские говоры, этимология, семантика, нормы речи

для цитирования: Геккина Е. Н. Из истории слов *сосуля* и *сосулька* // Русская речь. 2019. № 5. С. 22–33. DOI: 10.31857/S013161170005689-6.

Issues of Modern Russian Language

History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*

Elena N. Gekkina, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Saint-Petersburg), gekkina@rambler.ru

ABSTRACT: The article offers an overview of reference and encyclopedic information on words *sosulya* and *sosul'ka* (icicle) that have been widely discussed in public between 2010 and 2016. Analysis of data from various sources allowed us to better define functional, semantic and stylistic features of the two words. First written occurrences of these words known to us date back to the end of the 16th, beginning of the 17th century. Official handwritten household and boundary records and diplomatic documents of the Moscow state list them as anthroponyms — people's nicknames and surnames. Descriptions in vocabulary and historiographic sources on everyday traditions in Russia testify that *sosulya* and other derivatives from *sosat'* (to suck) served to refer to small babies and to items that helped in nursing them. Words *sosulya* and *sosul'ka* were also used to denote some kinds of gingerbread pastries and sweets. In dialects they sometimes refer to smoking utensils. First written confirmation of using the ice-related meaning in everyday speech date to 18th century. Soon both words made their way into book language with applied focus, which helped to formally establish their functions. Sources from later centuries demonstrate semantic and stylistic variation of

both words even though their lexicographic descriptions are discrete and incomplete.

Comparative data from other Slavic languages and from northern Russian dialects, as well as comprehensive functional analysis, allow us to raise the standalone question of etymology of ice-related lexemes. New data, especially about the language of the 15th–17th centuries, could help us shed light on obscure pages of history of the two words and the productive verbal nomination **sъpsati*.

KEYWORDS: historical lexicology, lexicography, dictionaries, Russian dialects, etymology, semantics, norms of speech

FOR CITATION: Gekkina E. N. History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 22–33. DOI: 10.31857/S013161170005689-6.

Самые ранние свидетельства, имеющие отношение к истории двух слов, хранят писцовые и межевые книги Московского государства. В них упомянуты люди разных сословий, в том числе обладатели прозвищ *Сосуля* и *Сосулька*. В муромских списках 1592–1594 годов назван крестьянский двор *Сосулки Третьякова*; в 1620–1630 годах записаны имена населявших торговые и ремесленные слободы, среди них *Сосуля*, *Сосулин* и *Сосульник-прянишник*, представитель родословной *Сосульниковых*. В писцовой книге Белёва 1628 года указан крестьянин *Ивашка Сосуля*. В документах начала XVII века, отражающих дипломатические сношения с западными странами, значится пристав из Орши *Степан Сосулин*, или *Степанко Сосулич* (1606). Фамилии, восходящие к старинным прозвищам, люди носят по сию пору.

Словари русских говоров подтверждают: *сосулями* называли людей. Но обычно так именовали не взрослых, а младенцев, которых матери кормили грудью, и малышей, не расстававшихся с соской: *Сосуля — ребенок, который долго соску ест, долго с соской ходит; С сосулей ходит бабка* [Словарь русских народных говоров 2006]. О подростках и взрослых говорили, когда подмечали похожие привычки: *Он по младенческой привычке все палец сосал — вот и звали его во дворе Сосулей*.

Существительное образовано от глагола *сосать*, который стал основой и для других производных, обозначающих маленьких детей: *сосун, сосунок, подсос, подсосок, отсосок, молокосос*. Некоторые из слов употребляют-

ся по отношению к взрослым людям — в переносном, часто пренебрежительном значении ‘молодой’; ‘незрелый, неопытный в каком-либо деле’.

У производных *сосуля* и *сосулька* отчетлива ветвь предметных значений. Младенцам в первые дни жизни давали завернутый в тряпочку разжеванный хлеб — *сосулю*. О распространенной в России традиции рассказывают областные словари и историко-этнографические публикации: *Сосуля — пережеванный черный хлеб, завернутый в тряпку, давали маленькому ребенку* [Словарь вологодских говоров 2005]; *Водой, согретой в самоваре, бабушка мыла ребенка, а потом совала в рот ему сосулю — завернутый в тряпочки жеванный ржаной хлеб — и ложилась в зыбку* [Бердинских 2001: 195].

Рожок для кормления ребенка получил то же название: *Сосулю детям дают, у барашка рожок отпилят, конечек тряпочкой навертят — вот и сосуля* [Словарь русских народных говоров 2006]. Разжеванный хлеб в тряпочке и рожок обозначали также словами *сосулька*, *сосулечка*, *сосовуля* и *соска*.

В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» указывает, что слово *сосуля* обозначало большой ломоть хлеба или пирога. Увы, в нашей выборке нет примеров с «пироговым» значением. Однако хорошо известно, что в старину необходимую принадлежность во всяком обиходе составляли *пряничные произведения и разного звания медовые сласти*. В XIX веке *сосули* или *сосульки медовые, паточные, пряничные*, а также *сосульки топленого меду с мукою* упоминаются в литературе разных жанров и в словарях. По московским воспоминаниям И. М. Снегирева, предметами лакомства были моченый горох, разварные яблоки, сбитень, медовый квас и *сосульки из сухарного теста с медом* [Снегирев 1871: 186]. Герои гоголевского рассказа «Вий» видят торговку сосульками на рынке: подняв *что-то длинное, скрученное из теста*, она кричала: «*Паничи, купите сосульку!*» Выражения *медовая, сахарная, паточная, копеечная сосуля* или *сосулька* использовали для шутливой, ироничной характеристики человека; ср. портретную зарисовку в одном из журналов начала XX века: *по одной его походке можно было сказать, что это настоящий мужчина, а не сахарная сосулька* (Мир приключений, 1910–1926).

Словом *сосулька* обозначали еще одно лакомство — конфеты, изготовленные из топленого сахара. Разновидности сахара, в том числе леденец, в России знали давно, но в первой трети XIX века стали производить и продавать дешевые *леденцы* и *леденчики*. В художественных произведениях попадаются незатейливые *сосульки из леденца, сосульки-леденцы*, фигурные петушки, медведи, зайцы, коньки на деревянной палочке. В рецептурных справочниках *сахарная сосулька* рекомендована «для сосания при кашле, особенно в детской практике».

В XIX веке к обиходным предметам, обозначаемым словами *сосуля* и *сосулька*, добавились папиросы и сигареты. Их часто сворачивают, скручивают *из махорки и курят, тянут, смолят*; отчаянные же любители *зажигают одну сосульку об другую*. Наглядные примеры находим в словарях: *Все время во рту-то сосуля, все цигарку сосет* [Словарь русских говоров Карелии 2005].

Ледяные *сосули* и *сосульки* появляются на страницах печатных изданий в XVIII веке. Упоминания о замерзших конических фигурах содержат практические, в частности в о е н н ы е, описания. В артиллерийских руководствах объясняются правила изготовления пороха: для него варят селитру, которую очищают, пропуская через полотно, и она садится в остывающей воде *маленькими прутичками*. Петровские переводчики книг использовали слова *ледни, сосулки*; например: *сядетъ въ ней селитра, какъ ледяные сосулки* [Браун 1709: 144].

Отметим интересную лексическую особенность в языке предшествующей эпохи. В 1607 и 1621 годах, во времена царствования Василия Шуйского и Михаила Федоровича, из иностранных книг были выбраны и переведены военные указы и статьи, в том числе касающиеся пушечных дел. В рукописи, подготовленной О. М. Радишевским [Радишевский 1781], встречаются фигуры предметного сравнения: *селитра станет сопельками, что лед*. Слова *сопли, сопельки, соплевата* неоднократно использованы при описании *доброй селитры*; например: *села великими соплями, [на сосуде] объявятся сопельки волгонки*. Эта лексическая параллель значима и приоткрывает тайну судьбы обсуждаемых слов.

Описания пещер составляют еще один вид практических произведений, в которых употреблены обороты *ледяные сосули, сосульки* и *окаменелые сосульки*. Ученые используют их наряду со словами *капи, капельники, наросты, пирамиды, хрустали* и терминами *сталактит* и *сталагмит*, заимствованными из европейских минералогических описаний. Периодическое издание Петербургской академии наук, журнал с прекрасным названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1756 году представило «Перевод из Натуральной истории» господина де Бюффона. В нем находим первый фрагмент, в котором окаменелые формы пещер уподоблены *ледяным сосулям, крепко к своду приставшим*.

В «опытах рудословия» также упоминаются *сосульки*, в их числе *каменные, купоросные*. М. В. Ломоносов пишет о разновидности горного камня: он бывает «фигурою сувороват, или *сосульками как под кровлями висячей лед*» [Ломоносов 1763: 36]. Возможно, этому сравнению обязано

изображение женского наряда в «Былях и небылицах» Екатерины II: *великое множество крупных бус, подобно как зимой ледяные сосули на кровлях висят* (1783). В ученых сочинениях эти две лексемы могли быть востребованы именно как средство выразительности. Химик Т. Ловиц обратил внимание на изменения *соляной сосульки*: кристаллическое образование висело *наподобие ледяной, густым инеем покрытой сосули*. В географических описаниях значимы пейзажные подробности, и иногда среди них попадаются ледяные *мерзляки*. Путешественник Н. Озерецковский, посетивший водопад Кивач, в дневнике оставил запись о деревьях: *в зимнее время стоят они обвешаны ледяными сосульками*.

В 1731 году выпущен «Немецко-латинский и русский лексикон», составленный на основе словаря Э. Вейсмана и первым отметивший одно из слов. Многозначное немецкое *zapffen* и латинское *stiria* ('замерзшая капля') здесь снабжены переводом *сосулька лдяная (от капель с кровель текущих срастающаяся)*. В русской части многоязычных словарей, изданных в XVIII веке, появлялась именно *сосулька: ледяная, льдяная, леденая, сосулька от морозу, капельная, каменная, купоросная*. «Полный немецко-русский лексикон», подготовленный в 1798 году на основе словаря И. К. Аделунга, содержит оба слова — *сосуля* и *сосулька*, а также врачебные термины *сосулька носовая, слабительная, ветрогонительная* (то же, что ветрогонная свечка).

Весьма своеобразно два слова отражены в академических словарях русского языка. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) существительное *сосулька* не выделено, но использовано в статьях, посвященных другим словам. Например, одно из значений слова *висулька* изъяснено при помощи толкования: «*Сосулька; ледяное коническое тело, от замершей капли произошедшее, и к краям кровли придерживающееся*». Толкование «*Скипевшийся и наподобие сосульки висящий камень в подземной пещере*» дано для слова *капельник*. Статья *лед* включает речения *сосулька леденая, ледяная*. В переизданный словарь (1806–1822) внесены изменения: второе значение слова *висулька* сопровождается сокращенным, но емким толкованием «*Ледяная сосулька*»; это же речение дано в статье *лед*.

«Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) был значительно расширен по составу, и в нем слову *сосулька* посвятили уже отдельную статью. Примечательны количество и последовательность значений, наличие поясняющего прилагательного: «1) *Ледяная*: висящий с крыш лед, в виде остроконечного зубца или прута. 2) *Медовая*: род медового пряника, в виде палочки. 3) *Каменная*: капельник, сталактит. 4) *Eriactis*, растение».

В 1863–1866 годах вышел в свет «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В большой статье о глаголе *сосать* и его производ-

ных читаем: «*Сосуля ж. сосулька, -лечка, что можно сосать, или чему дан такой вид, наружность, будто оно назначено для соски, сосанья. Хлебная, пряничная сосулька, медовая сосулька, палочка. Ледяная сосулька, намерзшая вода, капель. Вся стреха унижена сосульками, ровно подвесками. Каменные сосульки, капельник, сталактит*».

Краткие словарные описания оставляют без отчетливого ответа вопрос, возникающий при рассмотрении иллюстративного материала. Действительно ли «ледяное» значение двух слов формировалось под влиянием представления о том, что намерзавшие под кровлями домов и на деревьях сосульки лизали и ели?

Конечно, *под сосулей можно было напиться досыта*. Человек, бывало, кашляет, а все равно ледяную сосулю ест, свидетельствуют иллюстрации в областных словарях. В. Личутин в романе «Раскол» пишет о сосулях: «*Помнится, в детстве-то как радостно было их сосать; обжигали ледыхи до самой утробы, но сладили, как мед; сколько за эту проказу перепадало от мамки*» [Личутин 2000: 35]. Поморы вторят земляку: «*Возьмешь сосульку побольше и сосеешь вместо леденца*» [Хохлова 2004: 100]. Хрустели настывшие ледяные сосульки и на зубах голодного человека.

Между тем лексическое окружение, особенно глагольная сочетаемость, и содержательные аспекты разножанровых текстов XIX–XX веков дают основания утверждать, что смысловые нити двух слов прочнее связаны с «природной» стороной, с познанием естественных процессов материального мира.

Сосули и сосульки висят под кровлями, с застрех и крыш, под карнизами или над окнами, крыльцом, пролетом рамы, из желобов... Мороз закручивает слюдяные сосули по карнизам крыши; они намерзают, растут и нарастают — сами по себе... А могут крыши развесить искристые сосули почти до сугробов... Туман и мороз лепят ледяные сосули и сосульки на ветвях деревьев, и при ветре от них идет переливчатый звон. Ослепительно сверкающие на солнце; блистающие; искристые; что хрусталь, они тают, капают, крапают; роняют редкие слезы или плачут, дробно стуча слезами о панель; исходят стрекочущей капелью и откалываются, разлетаются со скрежетом... Их роняют крыши с грохотом и звоном, и улица звенит от падающих ледяных сосулей.

Календарь отмечает день Василия Капельника (28 февраля / 13 марта) и Евдокии Плющихи (1/14 марта). В народе говорили: *Посмотри на Васильев день на капельники (сосульки), и капель пойдет; на Евдокию сосули длинны, значит, весна будет долга, холодна, а если сосули коротки — рано будет тепло*.

Заметка в журнале «Будильник» (1884) напоминает о злободневном: «*Что делать с ухабами, озерами и сосулями, не знает ни один домохозяин*.

*Снеговые громады и пудовые сосули срываются с крыши сами, без вмешательства культурного человека». И сосульки угрожают пронзить зазевавшегося прохожего, долбануть по башке... Объявления на современных городских зданиях предупреждают: *Осторожно, сосульки! Возможно падение сосулек!* Сосульки могут *отвалиться* или *обломиться* сами, но жилищные службы, обеспокоенные безопасностью горожан, решаются на культурное вмешательство и чистят крыши. Как в сводке Совинформбюро, коммунальные работники сообщают победно: *«Крыша освобождена от сосулей»*. Способы борьбы людей с наледью отражены в словесных формах: *сосули, сосульки шишбают и сбивают*; в них включаются и названия инструментов: *ломами, ледорубом, палками, лопатами*. Предложения рационализаторов расширяют этот диапазон; ср. создавать и использовать *стряхиватели сосулек, карнизные сосулеломы, обрушиватели сосулек, ледорезы; скальвать сосульки элементами сбивания, срезать сосули паром или лазером...**

Где еще появлялись сосули и сосульки? На морозе инеем, куржаком покрывалась и одежда человека, а на лицо — на брови, ресницы, усы и бороду — садилась... сосульки. Древнеримский поэт Вергилий описал северный сюжет в «Георгиках»: *«И страшные в брадах нечесаных сосульки намерзшие висят»* (*«Stiriaque impexis induruit horrida barbis»*; перевод 1777 года). Н. М. Карамзин восклицал: *«Сколько неудобности и зимою носить на лице иней, снег и сосульки!»* (1790). Кто как освобождал усы и бороду от сосулек: ледяные сосульки оттаивали, снимали, сбрасывали, обламывали, соскребали и обрывали с бороды и усов, вытаскивали из бороды, отдирали от усов и бороды.

Отдельного упоминания требуют носы, не защищенные от пагубного влияния морозов: *зимой на морозе под носом вот такие сосули!* Этнографические описания воспроизводят народные представления о явлениях природы: *мороз мог олицетворяться в виде седого деда, совершенно обмерзшего сосулями*, но мог изображаться в виде старого деда, в снежных одеждах и в ледяных чоботах, *обвешанный соплями*.

Кстати, у человека сосули и сосульки под носом могли появиться в любое время года, что запечатлено в произведениях народного и авторского творчества. Вот девушки поют парням на деревенских посиделках: *руки-ноги колесом, две сосули под носом*. А это слова персонажа личутинского «Раскола»: *под носом-то кровавые сосули обер...*

Несомненно смысловое пересечение: слова *сосули, сосульки* и *сопли* обозначали одно и то же. Эту лексическую параллель обнаруживает и приведенное выше сопоставление военных описаний селитры. К общему знаменателю подводят русско-французские словари. *Вода, сопля, сосулька из носу каплющая, чистая и холодная капля текущая из носу* — таков перевод слова *rouirie* в «Полном французском и российском лексиконе»,

подготовленном на основе «Лексикона Французской академии» и вышедшем в 1786 году. Один из переводчиков словаря И. И. Татищев поместил в дополненное издание (1798) ряд: *сопля, сосулька, чистая и холодная капля текущая из носу*.

Славянскую основу *sopel* характеризует такое же соотношение таких же значений. До сих пор польское слово *sopel* сохраняет значения 'слизь из носа' и 'ледяная сосулька'. Слова *сопель, соплик* в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича (1870) и *сопіль, сопляк* в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко (1907–1909) представлены в значениях 'сопля' и 'сосулька ледяная'. Северные русские говоры хранят собственные свидетельства. В «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого (1885) истолкованы прямое и переносное значения слова, имеющего к тому же близкую словообразовательную структуру: «*Сопули — сопли. В переносном смысле сопулями называются висящие с краев кровли ледяные сосульки*».

Природа открывается в наименованиях. Полезные ископаемые при обработке являлись в фигурах, которые люди не всегда сравнивали с ледяными образованиями, хотя называли *сосулями* и *сосулками*. При литье пушки образовывались натеки, и готовую фигуру очищали от *металловых излишностей и сосул*ек. Выражения *вытекать сосулками* и *стекаться в сосули* встречаются в переводах книг, посвященных рудному делу и плавильному искусству.

В XX веке слова *сосули* и *сосульки* стали употребляться в научно-технических текстах об огнеупорных и иных материалах, подвергаемых воздействию высоких температур. Сталевары знают, что своды мартеновских печей, сложенные из динаса, при перегреве плавятся и *дают сосули*, значит, надо уметь нагревать металл до такой температуры, чтобы не подпалить свод. Подтеки металла в виде торчащих *сосуль* на сварных швах; *нитевидные сосульки свинца*; наплывы в швах домово́й печи, превращенные в *кирпичные сосули*; *сосульки эмали, образующиеся при расплавке в просверленных тиглях*; керамические изделия с дефектами вроде *трещин, посечек, выплавок, сосуль* — эти выдержки из разножанровых описаний свидетельствуют: не только вид, наружность замерзших или окаменевших конических тел были показательными, но и процесс образования, а точнее, вытекания материи был живым и наглядным.

Было ли каплями вытекающее из чего-либо жидкое вещество, которое застывает, отвердевает и висит в вытянутом, конусообразном виде, прообразом для номинации ледяных конических тел? Или смысловой потенциал производных имен был самодостаточным и прилагательное *ледяная* лишь уточняло свойства намерзшей капли? Пролить свет на нити

судьбы двух слов должна история основы, заложенной в глагол *сосать*. М. Фасмер и П. Я. Черных допускали, что славянские слова *сосать*, *ссать*, *сцать* могли произойти из индоевропейского *sъrsati. Это сближение заостряет вопросы о том, в каком направлении шло семантическое развитие глагольной номинации, какой этап ее жизни связан с означиванием объектных действий людей, не следует ли вести здесь речь о глагольной омонимии.

Когда-то обе лексемы, не растерявшие «природных» признаков, выступали в роли изобразительных средств при характеристике людей. Метафорическое употребление хорошо иллюстрирует высказывание гооголевского Городничего о Хлестакове: «*Сосульку, тряпку принял за важного человека!*» Антитеза очерчивает образ еще одного комедийного персонажа — Платона Михайловича Горича: «*Из веселого доброго молодца, по милости жены, он сделался сосулей*» [Неверин 1839: 127]. Чеховский герой признается в собственной негодности: *выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь*.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940) переносное значение слова *сосулька* представлено описательно: «О ничтожном или слабом, хилом человеке (презрит.)». Сведения об этой ироничной лексеме помещены также в «Словаре современного русского литературного языка» (1949–1965) и в некоторых двуязычных словарях. Но в русском языке первой половины XX века это уже историзм. В современной речи ироничный потенциал метафорического и метонимического употребления слов *сосуля* и *сосулька* извлекается из субъектно-объектной семантики производящего глагола.

Источники

Браун Э. Новейшее основание и практика артиллерии. В Москве: [Московский Печатный двор], 1709. [2], 196 с.

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатанию издан; St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. Москва, 1863–1866. 4 т.: Р.–V. 1866.

Ломоносов М. В. Первые основания металлургии, или рудных дел. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1763. 416 с.

Неверин Н. Муж — эгоист. Ч. 1–2. СПб.: тип. К. Вингебера, 1839. 2 т. Ч. 2. [4], 182 с.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. [6], 198 с.

Полной французской и российской лексикон: С последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный. Второе издание. В Санктпетербурге: Имп. тип., 1798.

Полной французской и российской лексикон: С последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб.: Имп. тип., 1786.

Полный немецко-российской лексикон: Из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный. В Санктпетербурге: Имп. тип., 1798.

Радишевский О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781. Ч. 2. 1781. 231 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: При Имп. Акад. наук, 1806–1822.

Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: 1847.

Снегирев И. М. Воспоминания / Снегирев И. М. Старина русской земли. Т. 1. СПб.: А. Д. Ивановский, 1871. С. 146–204.

Литература

Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 427 с.

Герд А. С. (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 992 с.

Личутин В. В. Раскол: Ист. роман в 3-х кн. Кн. 3: Вознесение. М.: Информпечать, 2000. 799 с.

Паникаровская Т. Г. (ред.). Словарь вологодских говоров. Вып. 10. / Вологодский гос. пед. ин-т; Вологда: ООО ИПЦ Легия, 2005. 181 с.

Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.–Л.: Наука, 1965–. Вып. 40. 2006.

Словарь современного русского литературного языка / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.–Л.: 1950–1965. Т. 14. 1963.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

Ушаков Д. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

- Хохлова Н. В. Лексическое значение и внутренняя форма слова как способы концептуализации мира природы (на материале говоров Архангельской области): дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 380 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1993.

References

- Berdinskii V. A. *Krest'yanskaya civilizaciya v Rossii* [Peasant civilization in Russia]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 427 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2-kh tomakh*. [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language in 2 vols.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom 3* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., 1971. 827 p.
- Gerd A. S. (ed). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions], iss. 6, St. Petersburg, St. Petersburg's university Publ., 2005. 992 p.
- Hohlava N. V. *Leksicheskoe znachenie i vnutrennyaya forma slova kak sposoby konceptualizacii mira prirody (na materiale govorov Arhangel'skoj oblasti)* [Lexical meaning and internal form of the word as ways of conceptualization of the world of nature (by the material of the dialects of the Arkhangelsk region)]. Ph. D. thesis. Arhangel'sk, 2004. 380 p.
- Lichutin V. V. *Raskol. Voznesenie* [Split. Historical novel in 3 books. Book 3. Ascension]. Moscow, Informpechat' Publ., 2000. 799 p.
- Panikarovskaya T. G. (ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects], iss. 10, Vologodskii state pedagogical institute, Vologda, Legiya Publ., 2005. 181 p.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. AN SSSR, Russian Language Institute. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1965–, iss. 40. 2006.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. AN SSSR, Russian Language Institute. Moscow–Leningrad, 1950–1965. Vol. 14. 1963.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tomakh*. [Explanatory dictionary of Russian language in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut "Sovetskaya Entsiklopediya" Publ., 1935–1940.

Роль цитаты в семейном общении

Анна Владимировна Занадворова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), annazann@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170005690-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается специфика употребления цитат в семейном речевом общении. Семья принадлежит к так называемым малым социальным группам. Общение в семье характеризуется спонтанностью, непринужденностью, наличием у партнеров коммуникации широкой общей апперцепционной базы (фоновых знаний), тесной спаянностью с бытом. Однако непринужденность обстановки, неформальность семейного общения сочетается с наличием иерархии. Все эти особенности накладывают свой отпечаток на функционирование языка в семье.

В семейной речи, в отличие от речи публичной, цитаты не всегда употребляются «к месту». Стимулом для их произнесения часто может служить не столько сходная ситуация, сколько словосочетание или слово, которое «тянет» за собой цитату. В домашнем общении прецедентные тексты обычно не сопровождаются метатекстовым вводом «*Как говорил такой-то...*», «*По словам такого-то...*» и воспроизводятся без указания на автора. Многие из них становятся семейными речевыми стереотипами и регулярно произносятся в повторяющихся коммуникативных ситуациях. Такие цитаты дети нередко узнают от родителей до знакомства с их первоисточником. Они могут воспроизводиться в измененном виде и подвергаться игровой переделке. От исходной фразы иногда остается лишь одно-два слова (например, *вторая свежесть*), намекающие на исходный текст.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разговорная речь, языковая игра, семейное общение, малые социальные группы, речевые стереотипы, прецедентный текст

для цитирования: Занадворова А. В. Роль цитаты в семейном общении // Русская речь. 2019. № 5. С. 34–46. DOI: 10.31857/S013161170005690-8.

Issues of Modern Russian Language

Quotation in Family Communication

Anna V. Zanaadvorova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), annazann@gmail.com

ABSTRACT: The article examines how quotations are utilized in verbal family communication. The family belongs to the so-called small social groups. Family communication is spontaneous, free of constraints, closely related to the everyday domestic routine and its participants share a common apperceptive base (common experience). However, relaxed style and informality of family communication is accompanied by existence of a hierarchy. All of these features affect the functioning of language in the family. As opposed to quotation in public sources, quotes in the family communication are not always “to the point”. A quotation can often be motivated not so much by similarity of a situation as by a certain word combination or even a single word that “tugs” the quote after it. Unlike in public speech, family quotes do not usually get a metatextual introduction, such as “*As this person once said...*” or “*According to that person...*”, thus they are reproduced without citing the source. Many of them become family speech stereotypes being regularly used in recurring communicative situations. Children often pick up such quotes from their parents before getting acquainted with their actual source. Quotations are often reproduced in modified forms and are subject to playful modifications. The original phrase is often reduced to just a couple of words (e.g. *vtoraya svezhest'* [*second freshness*]) that hint at the original text [e.g. “*Second freshness — that’s what is nonsense! There is only one freshness — the first — and it is also the last.*” — M. Bulgakov. Master and Margarita].

KEYWORDS: colloquial speech, language game, family communication, small social groups, speech stereotypes, quotation, precedent text

FOR CITATION: Zanadvorova A. V. Quotation in Family Communication. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 34–46. DOI: 10.31857/S013161170005690-8.

Социологи относят семью к так называемым малым социальным группам. Внутрисемейное взаимодействие характеризуется наличием у партнеров коммуникации широкой общей апперцепционной базы (или иными словами — фоновых знаний, общего опыта), непринужденностью общения, сочетающейся с ограничениями, порождаемыми семейной иерархией. Тесная спаянность с бытом также накладывает заметный отпечаток на речевое взаимодействие. Возникает необходимость говорить о таких сторонах жизни, которые не принято обсуждать в обществе, что приводит к возникновению семейных эвфемизмов, а также к употреблению нарочито откровенных выражений. Семья создает свой языковой мир, существенными атрибутами которого могут являться прозвища и домашние имена, семейные слова, требующие «перевода», внутрисемейные клише и фразеологизмы (являющиеся определенным аналогом народных пословиц и поговорок). Семейное общение представляет собой парадоксальную смесь языковой рутины и речевой свободы (подробнее о семейном общении см. [Занадворова 2003]).

Данная статья посвящена анализу прецедентных текстов¹ (ПТ) в семейном речевом общении. О скрытой цитатности нашей речи говорили многие исследователи, начиная с М. М. Бахтина. Общение в замкнутом

¹ Под прецедентными текстами здесь понимаются тексты, которые часто воспроизводятся и являются культурно значимыми для определенного социума, в данном случае — семьи.

В данной статье этот термин используется в том понимании, в каком он представлен в книге Д. Б. Гудкова [Гудков 1999]. Автор работает в русле сложившейся в русистике традиции, развивая идеи предшественников, начиная с Ю. Н. Караулова, введшего в лингвистический обиход понятие **прецедентного текста**. Д. Б. Гудков выделяет несколько уровней прецедентности (по широте употребления). **Автопрецеденты**, т. е. самоцитаты, здесь рассматриваться не будут. Основное внимание будет уделено **социумно-прецедентным** феноменам, которые «известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство. Если такой социум ограничен рамками семьи, то прецеденты этого типа могут сближаться с автопрецедентами». Также выделяются **национально-прецедентные** феномены, которые «известны среднему представителю данной нации» [Гудков 1999: 25–26].

семейном кругу в особенности пронизано цитатами и самоцитатами (см. [Капанадзе 1989]). Как пишет Б. М. Гаспаров, «...всякое знание языка — так же индивидуально, как жизненный опыт. Но, подобно жизненному опыту, языковой опыт личности пересекается с опытом других людей... Носитель языка сознает, что некоторые из аспектов его памяти имеют заведомо индивидуальный, сугубо личный характер; некоторые другие — принадлежат более или менее узкому и четко очерченному кругу “своих”, разделяющих тождественный опыт... о третьих можно сказать, что они имеют хождение в неопределенной по составу среде» [Гаспаров 1996: 99–100]. Из коллективного опыта некоторого социума возникает феномен **прецедентности**.

Прецедентные тексты составляют существенную часть общего языкового опыта семьи. Круг ПТ у разных семей может сильно различаться, но, как правило, сюда входят любимые книги, детская литература (которая прочно укоренена в нашей языковой памяти, поскольку читается и пересказывается детям по многу раз), произведения из школьной программы, популярные фильмы, мультфильмы, анекдоты, популярные песни, реклама и др. Интересной попыткой собрать такие значимые для современной городской интеллигенции прецедентные тексты является «Словарь современных цитат» [Душенко 1992].

Конечно, у каждого поколения свои интересы, соответственно, и свой круг прецедентных текстов. Но в семье как раз и происходит наиболее интенсивное и непринужденное общение между разными поколениями. Здесь наблюдается любопытное явление — многие цитаты ребенок узнает от родителей до знакомства с их источником, поэтому в его языковом сознании они становятся неотъемлемой чертой их речевой манеры.

Дочь-третьеклассница входит на кухню: Я достаю из широких штанин // Пластилин //

Отец: *О / а ты знаешь кто это сказал?*

Дочь (удивленно): *Ты сказал // Ты так все время говоришь!*

Отец: *Да / но вообще это сказал такой поэт Маяковский //*²

Бабушка внуку: *Ну что / все съел?*

Внук: *Слонопотам почти все съел // Так в книжке написано и папа так говорит //*

Взрослые тоже расширяют кругозор и обогащают свой лексикон за счет детей и внуков. А. и Б. (ее дочь) обсуждают работу Б., при разговоре присутствует четырехлетний мальчик К. (внук А., сын Б.).

² В статье для записи устных примеров применяется система нотации, принятая в монографиях по русской разговорной речи. Используются следующие условные знаки: / — интонация незавершенности, // — интонация завершенности [Земская (ред.) 1973: 9].

Б.: Ну и они сказали что / в общем интересная работа получается //
К. (прерывая, громко, тонким голоском): Очень пин-пин-пинтерресная работа!

А.: Ты чего это Костя кричишь и заикаешься как-то?

Б. и **К.** одновременно начинают объяснять.

К.: Это в книжке так было //

Б.: Так говорила Тутта Карлссон // Ну из Людвига Четырнадцатого // (имеет в виду книгу Я. Экхольма «Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлссон»).

Функционирование цитат в семейной речи существенно отличается от употребления цитат в других сферах коммуникации, например в речи публичной. Так, в непринужденном домашнем общении человек более свободно может высказывать свои ассоциации, может произносить вслух то, что пришло ему в голову, не заботясь о том, чтобы цитата обязательно была уместна.

Цитата объединяет семью, является знаком принадлежности к кругу своих, о чем справедливо пишет Осип Манделштам: «...Всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни» (О. Манделштам. О природе слова).

Так, в новом окружении мы выделяем «своих», близких по духу людей, по манере говорить, по цитатам. Цитата отсылает нас к тому произведению, из которого она взята, а произведение, в свою очередь, к целому пласту литературы, который является символическим отображением определенного мировоззрения. Наиболее остро это ощущалось в советское время, когда идеологическое расслоение общества было выражено особенно ярко, а большая часть литературы была труднодоступна. Соответственно, употребление той или иной цитаты могло сказать многое об идеологической позиции человека.

Цитирование и квазицитирование также является распространенным приемом семейной языковой игры, которая составляет значительный пласт домашнего общения. Как пишет Л. П. Крысин, «вообще роль языковой игры в жизни малых групп гораздо более значительна, чем в деятельности больших человеческих совокупностей» [Крысин 1989: 83–84].

Разумеется, в разных семьях активность цитирования неодинакова. Это зависит и от общей атмосферы в семье, и от принадлежности к определенному социальному слою. Употребление литературных цитат в непринужденном семейном общении в наибольшей степени характерно для интеллигенции. В среде городского просторечия цитирование встре-

чается значительно реже. Специального исследования на эту тему не проводилось, однако представляется, что и здесь можно встретить феномен «текста в тексте», но круг прецедентных текстов будет иным.

Стимулы для произнесения цитаты

Появление цитаты может быть обусловлено различными причинами. Реплика-цитата может быть **реакцией на ситуацию**, комментировать ее. Многие цитаты становятся источником семейной фразеологии. Они повторяются регулярно, превращаясь в семейные речевые формулы, стереотипы (подробнее о семейной фразеологии см. [Занадворова 2003]).

На вопрос «*Кто там?*» во многих семьях следует ответ: «*Это я. Почтальон Печкин. Принес посылку для вашего мальчишка*» (Э. Успенский. Простоквашино), или в усеченном варианте: «*Это я. Почтальон Печкин*».

Смелые кулинарные эксперименты комментируются репликой Геллы, обращенной к коту Бегемоту: «*Ты еще виноградину сверху положи!*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фраза «*Ты бежишь по деревьям!*» употребляется в значении ‘ты можешь, тебе удобней всего это сделать’ (из сказки К. Чуковского про доктора Айболита: «*Чичи, ты бежишь по деревьям, посмотри, далеко ли переправа?*»). Семья сидит за обеденным столом, дочь встала, чтобы что-то достать, отец обращается к ней: *Ёня / ты бежишь по деревьям / дай мне вилочку //*. Дочь: *Бегу* (дает вилку)//.

«*Задолбали вихри яростных атак*» (музыкальная группа «Чиж»), — говорится в соответствующих ситуациях при игре на компьютере.

Когда кто-нибудь начинает выражаться слишком заумно, говорится: «*Дитя мое, не произноси слова только за то, что они красивые и длинные, говори только о том, что понимаешь*» (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес; пер. Н. Демуровой).

«*Бьют часы, ядрена мать, Надо с бала мне бежать*» (К. Воннегут. Бойня номер пять; пер. Р. Райт-Ковалевой), — говорится обычно в гостях, когда уже поздно и пора уходить.

Хотя по своим коммуникативным функциям многие такие цитаты совпадают с известными пословицами и поговорками, они сильно различаются по эмоциональному воздействию на адресата. Цитаты звучат менее нравоучительно, они не создают дистанции между адресатом и адресантом. Потому что в отличие от пословиц, которые отсылают нас к народной мудрости, выражают прописные истины и учат нас поступать, как принято в рамках данного общества, цитаты в данной функции являются проявлением индивидуального подхода к человеку, апеллируют к общесемейным, а не общенародным нормам поведения.

Присутствующий при цитировании элемент языковой игры помогает смягчить резкость негативной оценки. Так, из двух фраз, комментирующих неудачную покупку: а) *Ну что ж делать / свой ум не пришьешь / в следующий раз умнее будешь* // и б) *Средствá-то у нас есть, у нас ума не хватает* (Э. Успенский. Простоквашино), — вторая звучит менее обидно, хотя выражает тот же смысл, что и первая.

В семейной речи стимулом для произнесения цитаты (в отличие от речи публичной) может явиться не сама ситуация, а определенное слово, сочетание слов или ритмический рисунок произнесенной фразы.

Слово «тянет» за собой те выражения или, пользуясь термином Б. М. Гаспарова, «коммуникативные фрагменты»³, в которых оно нам встречалось. В условиях непринужденного общения активизируется «память слова». Однако различные слова (и даже отдельные формы слова!) обладают разным ассоциативным потенциалом.

Слова редкие, малоупотребительные в повседневном общении могут вызвать появление соответствующей цитаты, даже если они стоят в другой грамматической форме, поскольку число контекстов их употреблений, хранящихся в нашей языковой памяти, крайне ограничено.

Например,

Дочь (пытается зимой «выгнать» из луковицы гиацинт): *Пойду посмотрю как там наш гиацинт* //

Мать: *Надо снять с гиацинтов колпак* (цитата из Б. Пастернака) // (через некоторое время, с удивлением) *А ведь он как раз про это и писал* //

Еще пример, отец с дочерью работают за компьютером, редактируют список литературы:

Дочь: *А Рубинфельда как зовут?*

Отец: *Рубинфельд он Робин/ Робин-Бобин-Барабек скушал сорок человек* // *И издательство ему не забудь поставить* //

Слова высокочастотные, как правило, не обращают на себя нашего особого внимания, однако определенная форма слова может обладать ассоциативной заряженностью.

Например, взрослая дочь и мать обсуждают, что приготовить.

Дочь: *Я сердца куриные на обед сделаю* //

Мать: *Сердца трех* // *Да / давай* //

Дочь (смеясь): *Тут трема не обошлось* //

³ «Коммуникативные фрагменты (КФ) — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров 1995: 118].

Мать сыну: *Почему-то воды нет горячей // А пошла вроде / тепленькая пошла // На / помой руки //* (цитата из кинофильма «Ирония судьбы»).

Жена мужу, разбирая покупки: *О / ты помидорчики купил! Отлично! Помидорчики мои / цветики степные //* (переделанная цитата из А. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные!..»).

Особым ассоциативный ореол может быть у производного слова, например, уменьшительной формы. Ср.: муж с женой катают мячик по комнате.

Жена: *О / смотри / я пальчиком ударила!*

Муж: *Да / малыш уж отморозил пальчик* (цитата из А. С. Пушкина) / тебе гол //

На слово *палец* эта цитата вряд ли была бы произнесена.

Обращение к прецедентным текстам часто объясняется сочетанием нескольких признаков, уподобляющих высказывание-стимул и произнесенную цитату. Например, сочетанием словоформы с определенной синтаксической позицией, сочетанием словоформы с определенным ритмическим рисунком, сочетанием фонетического созвучия с позицией в высказывании и т. п. Наиболее точно это подобие можно охарактеризовать, пользуясь термином Б. М. Гаспарова «**контур высказывания**»⁴. По мысли автора, основными конститутивными компонентами, из которых складывается контур высказывания, являются ритмико-интонационный образ и опорные выражения: конкретные слова или сочетания слов (коммуникативные фрагменты), занимающие в данном контуре определенное место. Вот несколько иллюстративных примеров.

Муж (разглядывая миниатюрный чайник): *Что в такой чайник войдет — три чаинки...* **Жена:** *Три чаинки под окном...* (цитата из А. С. Пушкина «Три девицы под окном пряли поздно вечерком ...»).

Мать взрослой дочери: *Ты не пойдешь со мной?*

Дочь: *А ты куда?*

Мать: *Да / хочу пройтись //*

⁴ «Целостный прототипический образ, непосредственно узнаваемый говорящими в качестве эскиза конкретных высказываний, обладающий конкретной ритмико-мелодической конфигурацией, словесным потенциалом, коммуникативной направленностью, стилевой и жанровой принадлежностью, я буду называть коммуникативным контуром высказывания (КВ)» [Гаспаров 1995: 192].

Дочь: *Ну пройдишь / пройдишь ... очарованье* // (вместо «Продлись, продлись, очарованье» — название советского кинофильма).

Особенно сильной является позиция в начале фразы. Поэтому человек может закончить цитатой свою (или чужую) реплику, которая первоначально имела буквальный (нецитатный) характер, из-за того, что начальные компоненты его фразы и соответствующего текста совпали. Например,

Жена (летней ночью выглядывает в окно): *Светает* // (первая строка из стихотворения О. Мандельштама).

Муж (продолжает цитату): *Шумят сады зеленым телеграфом* //

Кот входит на кухню, обводит присутствующих недовольным взглядом.

Отец: *У-у // Пришел* //

Дочь (подхватывая): *Рассыпался клоками* // (вместо «Пришла, рассыпалась, клоками / Повисла на суках дубов» — А. С. Пушкин).

Интересно, что подобная переделка данной цитаты встретила в нескольких семьях.

Жена мужу: *Ты фасоль будешь?*

Муж (мотает головой): *Не хочу я твоего замороженного винограда!* (цитата из О. Мандельштама).

Первоначальная реплика-реакция *Не хочу* «потянула» за собой стихотворную строчку, возможно, сказалось и то, что в обоих случаях речь шла о еде и фасоль была замороженной.

Иногда сложно объяснить, почему всплыла та или иная цитата. Подобие между исходным высказыванием и цитатой может быть почти неуловимым, касаться лишь ритмического рисунка высказывания, при полном отсутствии лексической или смысловой (ситуативной) обусловленности.

Дочь: *Я тебе купила бифидок / не такой как ты просила / большой литровый* //

Мать: *Ага / спасибо* // *Корабль испанский трехмачтовый* // *А он свежий?*

Ввод цитаты в речь

В отличие от публичной речи, где цитата, как правило, имеет обязательный метатекстовый ввод: *Как сказал ..., Как писал ..., Мне приходит в голову известный анекдот ...* или *Это мне напоминает ...* и т. п., — в семейной речи цитаты часто вводятся в речь «без предупреждения» и опозна-

ются без указания на источник. Знаком того, что произнесенная реплика является цитатой, может служить изменение тона, употребление нехарактерной (для обычной речевой манеры конкретного человека) интонации. Это особенно хорошо заметно при цитировании звучащего текста: реплики кинофильма, мультфильма, рекламы, песни.

Из-за отсутствия явного ввода могут случаться и коммуникативные неудачи, когда собеседник не узнает цитату и воспринимает сказанное буквально.

Например: взрослая дочь дала каждому по яблоку.

Мать: *Ой / Я целое не съем // Отрежь мне кусочек от своего / маленький //*

Дочь (с необычной для нее интонацией): *Возьми свой пакет!*

Мать (непонимающе): *Какой пакет?*

Дочь: *Ну такая реклама была / не помнишь?*

Иногда в педагогических целях родитель может пояснить источник для ребенка, но делает он это обычно после, а не до произнесения самой цитаты. Например:

Мать отцу (заполняя какую-то официальную бумагу): *Слушай / какое сегодня число?*

Отец: *Какое милье у нас тысячелетье на дворе* (цитата из Б. Пастернака) // *Пятнадцатое кажется //* (дочери) **Знаешь / кто сказал?**

Дочь: *Знаю / знаю // Пастернак // Ты же все время это говоришь!*

Трансформация цитаты в семейном общении

В непринужденном семейном общении цитата часто приводится в измененном виде. Могут заменяться отдельные слова, ср.:

Взрослая **дочь**, случайно толкнув мать: *Ой / прости / я тебя не заметила //* **Мать:** *Слона-то я и не заметил //* (вместо *Слона-то я и не приметил* из басни И. Крылова).

Дочь входит в кухню с котом на руках. **Отец:** *Кота несешь?* **Дочь:** *Да //* (поет) **Со котом я хожу // (вместо *Со вьюном я хожу* — из русской народной песни).**

В другой семье, когда кот рвет сухим кормом (а это происходит регулярно), говорят: **Не в коту корм** (вместо *Не в коня корм*).

Жена собирается уходить, опаздывает: *Где же телефон мой? Телефон //* **Муж** (присоединяется к поискам, напевает): **Телефон мой / телефон / голосистый теле-эфон** (вместо *Соловей мой, соловей, голосистый соловей* — романс на стихи А. Дельвига) // *Позвонить тебе? Жена: А / все / нашла //*

Цитата может не приводиться полностью, а произноситься **частично, намеком** (см. [Кукушкина 1989: 99]). Например, выражение *Давайте не будем **выкапывать косточку!***, которое часто употребляется в одной семье в значении *‘Не стоит торопить события,’* — намек на Карлсона, который выяснял, подросла ли персиковая косточка, выкапывая ее из горшка.

Другой пример. **Мать** дочери во время приготовления ужина: *Слушай / сосиски что-то не очень / посмотри // Дочь* (придирчиво нюхая и рассматривая): *Да / прямо скажем / хм-хм / **второй свежести** / может животным отдадим?*

Цитата может претерпевать сильные трансформации: заменяются отдельные слова, словосочетания, иногда от исходной цитаты может остаться только «каркас», коммуникативный контур. Такой каркас может стать **моделью** для построения высказываний (подобно созданию слов по моделям других слов). Например, надпись в магазине «ИКЕА» *С желтой сумкой удобнее!*, которая часто цитируется и в исходном виде, служит образцом для создания ряда шуточных слоганов: *В серых штанишках уютнее!* (муж жене, комментируя свое переодевание); *С ярким светом светлее!* (мать сыну, включая ему настольную лампу) и т. п.

Модификации цитат в семейном общении во многом сходны с описанными Е. А. Земской различными видами трансформации цитат в газетных заголовках [Земская 1996].

Цитация и языковая игра

Переделки известных цитат «под ситуацию» — распространенный прием языковой игры.

Это может быть импровизация — А. (проводит Б. на работу): *У тебя деньги есть? Б.: Деньги есть — ума не надо //* — или сознательное использование готовой формы, пародирование. Особенно вдохновляет к подобным экспериментам стихотворная форма.

Некоторые особо удачные переделки становятся частью семейного фольклора, часто повторяются и цитируются уже в своем измененном варианте. Например, в одном доме глава семейства, возмущенный поведением кота, сложил по этому поводу такое стихотворение: *Отречемся от хищного кота // Отряхнем его мех с наших ног // Нам не надо кота обормота // Ненавистен и мех нам и хвост!* (являющееся вольной переделкой т. н. «Рабочей Марсельезы»).

В другой семье по мотивам колыбельной про крошку Вилли Винки придумана семейная песенка, где упоминаются любимые персонажи из фильма «Звездные войны». Она обычно поется, чтобы напомнить ребенку, что уже поздно, и призвать его готовиться ко сну: *Оби-Ван Кеноби,*

влезь-ка к нам в окно! Лея на перинке спит уже давно. Спит в конюшне Чуи, Йода стал дремать. Только Люк Скайуокер не ложится спать!

Эстетический эффект может достигаться также путем совмещения цитат различных авторов. Например, взрослая дочь стрижет мать, переходя к челке, произносит: *Еще доходит до бровей / Твоя незави́тая челка* (немного измененная цитата из А. Ахматовой) / *Но ей осталось уж недолго* // Мать: *Ну на / возьми ее скорей!* (цитата из А. С. Пушкина. Евгений Онегин).

Цитата может получать новое переосмысление, **менять модальность**, т. е. отношение говорящего к высказыванию, ср.: Муж (открывая холодильник): *А где мой сыр?* Жена: *Ой / знаешь его наверно съели* // Муж: *Я ж специально его оставил / чтоб сегодня с пивом съест!* Вот всегда так (с горькой иронией) **сам не съем / другие съедят / мне спасибо скажут!** (цитата из Л. Н. Толстого).

Подобное употребление цитат встречается не только в семье, но и в других замкнутых малочисленных социальных группах, где также преобладают непринужденные отношения, но в отличие от семьи не имеющих строгой иерархии, например в компании друзей, кружке по интересам и т. п.

Итак, прецедентные тексты в домашнем общении играют роль символа принадлежности к группе «своих», служат источником семейной фразеологии и помогают в борьбе с языковой рутиной.

Литература

- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Прогресс, 1999. 152 с.
- Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2006. 632 с.
- Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых групп. Часть II, глава 5 // Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. Общие вопросы. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика, стилистика, язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 157–168.
- Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 100–104.

- Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных группах (постановка вопроса) // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 78–86.
- Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 96–100.

References

- Dushenko K. V. *Slovar' sovremennykh tsitat. 4-e izd., pererab. i dop.* [Dictionary of modern quotes. 4th ed., corr. and add.]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 632 p.
- Gasparov B. M. *Yazyk. Pamyat'. Obraz.* [Language. Memory. Form]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996. 348 p.
- Gudkov D. B. *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti.* [Precedent name and precedence]. Moscow, Progress Publ., 1999. 152 p.
- Kapanadze L. A. [Family dialogue and family nominations]. *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 100–104. (In Russ.)
- Krysin L. P. [About speech behavior of a person in small social groups (presentation of a problem)]. *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 78–86. (In Russ.)
- Kukushkina E. Yu. [“Family language” in the family]. *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 96–100. (In Russ.)
- Zanadvorova A. V. [Reflection of the social differentiation of language in the communication of small social groups. Part II, chapter 5]. *Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya, otv. red. L. P. Krysin.* [Modern Russian language. Social and functional differentiation, ed. by L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2003, pp. 277–340. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech'. Obschie voprosy* [Russian everyday speech. General issues]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 485 p.
- Zemskaya E. A. [Quotation and the types of its transformation in the headlines of modern newspapers]. *Poetika, stilistika, yazyk i kul'tura. Pamyati Tat'yany Grigor'evny Vinokur* [Poetics, stylistics, language and culture. In memory of Tatiana G. Vinokur]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 157–168. (In Russ.)

Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом

Анастасия Дмитриевна Козеренко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), akozerenko@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005691-9

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает серию работ, посвященных обсуждению того, как физиологические процессы, связанные с чувствами, отражаются во фразеологии. Во внутренней форме многих русских идиом, описывающих эмоции, содержится указание на то или иное телесное проявление, симптом эмоции, ср. *опустить руки, колени трясутся/дрожат, залиться краской, скрипеть зубами, глазами хлопать, лицо вытянулось, глаза на лоб полезли, отвесить челюсть* и т. п. В работе [Козеренко 2018] мы подробно рассмотрели все подсистемы организма, которые встречаются при описании эмоций во фразеологии. Однако за рамками этого исследования осталась еще одна группа идиом, демонстрирующих не нарушение функционирования какой-то отдельной подсистемы организма как таковое, но нарушение нормального поведения человека в целом: *биться головой о стену/стенку, разрывать... [на себе] одежды, заламывать руки; руки ломать, хоть волком вой; вить волком, хоть криком кричи, [хоть] ложись да/и помирай; хоть помирай, пойти вразнос, кусать [себе] локти, сойти/слететь... с катушек; как с катушек сорваться, с резьбы сорваться, выйти из себя, прыгать до потолка*. Именно эти идиомы рассмотрены подробнее в рамках настоящей статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеология, идиоматика, эмоции, внутренняя форма идиом, соматизмы, жестовое поведение

для цитирования: Козеренко А. Д. Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом // Русская речь. 2019. № 5. С. 47–58. DOI: 10.31857/S013161170005691-9.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-04-00420.

Issues of Modern Russian Language

Strong Emotions Reflected in Phraseology: Marginal Behaviour as a Symptom

Anastasiya D. Kozerenko, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), akozerenko@mail.ru

ABSTRACT: The study contributes to the analysis of bodily symptoms of emotions in phraseology. The image component of the semantics of some idioms describing emotions contains a description of a body system dysfunction as a symptom, e.g. *потемнело в глазах от страха, ярости, злости, ненависти* (everything went black because of fear, rage, malice, hate); *дыхание перехватило от волнения, зависти, смеха* (excitement, envy, laughter took one's breath away); *бросило в жар* (sb. feels hot all over), *опустились руки* (to drop one's hands). In our previous work [Kozerenko 2018] all possible emotions were studied as well as multiple systems of the human body and various types of their dysfunction that are used in the description of emotions by means of phraseology. In this work the idioms that contain description of a fully marginal behaviour in their image components of semantics are discussed: *биться головой о стену* (to beat one's head against the wall), *заламывать руки* (to wring one's hands), *волком выть* (to start howling, to moan and groan), *[хоть] ложись да/и помирай* (there's nothing left but to lie down and die) etc.

KEYWORDS: phraseology, idioms, emotions, inner form of idioms, somatisms, gesture language

FOR CITATION: Kozerenko A. D. Strong Emotions Reflected in Phraseology: Marginal Behaviour as a Symptom. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 47–58. DOI: 10.31857/S013161170005691-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This work was supported by RFBR grant № 17-04-00420.

Тема, которой посвящена наша статья, находится на стыке нескольких областей знания: это идиоматика, включающая описание внутренней формы идиомы, описание языка жестов и жестового поведения человека и описание соматизмов, т. е. единиц, отражающих участие тела в разного рода поведенческих и коммуникативных актах. Статья продолжает серию работ, посвященных обсуждению того, как физиологические процессы, связанные с чувствами, отражаются во фразеологии (см. [Козеренко 2001, 2003, 2018]).

Существует огромное количество идиом русского языка, описывающих разнообразные эмоции, которые испытывает человек (около 850 идиом из примерно 10 000, по данным Тезауруса русской идиоматики [Баранов и др. 2007]). Среди них достаточно много таких, во внутренней форме которых содержится описание того или иного телесного проявления, симптома эмоции, ср. *опустить руки, колени трясутся/дрожат, залиться краской, скрипеть зубами, глазами хлопать, лицо вытянулось, глаза на лоб полезли, отвесить челюсть* и т. п. Идиомы, содержащие телесный симптом во внутренней форме, могут описывать одну конкретную эмоцию (так, *уши обычно горят* от стыда, *волосы встают дыбом* от СТРАХА или УЖАСА, *лишиться дара речи* можно от удивления) либо служить для описания сразу нескольких разных эмоциональных состояний (например, идиома *дух захватило/перехватило* может описывать такие разные эмоции, как радость, изумление, гордость, СТРАХ или ОБИДУ).

Можно заметить, что во внутренней форме всех приведенных идиом наблюдается нарушение функционирования одной из подсистем организма человека. В работе [Козеренко 2018], посвященной классификации и описанию дисфункций организма, содержащихся во внутренней форме русских идиом, мы подробно рассмотрели все подсистемы организма, которые встречаются при описании эмоций во фразеологии. Это такие подсистемы, как МИМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛИЦА (на нее приходится самое большое количество идиом — ведь именно по мимике человека мы прежде всего считываем его эмоции); СИСТЕМА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ РАВНОВЕСИЕ, УСТОЙЧИВОСТЬ; СИСТЕМА ТЕРМОРЕГУЛЯЦИИ; СИСТЕМА КРОВООБРАЩЕНИЯ; МЫШЛЕНИЕ; ВЫДЕЛИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА; ДЫХАНИЕ; ЗРЕНИЕ; РЕЧЬ И ГЛОТАНИЕ.

Однако за рамками этой работы осталась еще одна группа идиом, демонстрирующих не нарушение функционирования какой-то отдельной подсистемы организма как таковое, но нарушение нормального поведения человека в целом: *биться головой о стену/стенку, разрывать... [на себе] одежды, заламывать руки; руки ломать, хоть волком вой; выть волком, хоть криком кричи, [хоть] ложись да/и помирай; хоть помирай, кусать [себе] локти, пойти вразнос, сойти/слететь... с катушек; как с катушек сорваться, с резьбы сорваться, сойти с рельсов, выйти из себя, прыгать до потолка*¹. Именно эти идиомы мы хотели бы рассмотреть подробнее в рамках настоящей статьи.

Для удобства описания фразеологические единицы разбиты на небольшие подгруппы в соответствии с типом действия, представленного во внутренней форме идиомы.

1. Гипертрофированные, (часто) неконтролируемые физические реакции на сильные эмоции

К первой подгруппе мы относим идиомы *биться головой о стену/стенку* и *прыгать до потолка*, описывающие неконтролируемые пограничные физические реакции на сильные РАДОСТЬ или ГОРЕ.

Во внутренней форме идиомы *биться головой о стену/стенку* описано маргинальное физическое поведение, маргинальная физическая реакция на такие эмоции, как ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА. Это выражение в неидиоматическом употреблении может описывать симптоматическое, т. е. ненамеренное поведение, ср. пример из Толстого:

Графиня лежала на кресле, странно-неловко вытягиваясь, и билась головой об стену. Соня и девушки держали ее за руки. — Наташу, Наташу!.. — кричала графиня. (Л. Н. Толстой. Война и мир. 1867–1869)²

В случаях осознанного поведения действие «биться головой о стену» можно объяснить как причинение себе физической боли с целью заглушить другую, душевную боль, ср. пример из Брюсова, в котором описано намеренное поведение:

Потом бросился я в опустелую комнату Ренаты, где всё еще было живо ею, <...> и бился головой об стену, чтобы чувством боли вернуть себе сознание. (В. Я. Брюсов. Огненный ангел. 1908)

¹ Здесь и далее идиомы приводятся в формате, принятом в [Баранов и др. 2018].

² Поиск примеров на употребление идиом осуществлялся по Корпусу публицистики Отдела экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова (далее — Корпус публицистики), а также по Национальному корпусу русского языка (по умолчанию — все примеры с авторством).

При идиоматическом употреблении выражения *биться головой о стену* в значении 'ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА' описываемое действие реально не совершается, а выступает как гипотетическое для описания степени тяжести описываемой эмоции, ср. следующие примеры³:

В праздники на Савелия накатывало такое, что впору волком выть или *биться головой об стенку...* ([Баранов и др. 2018], речение)

Вот ушла жена, ну ушла, что теперь?.. *Биться головой о стену?! Рвать на груди рубашку и, рыдая, кататься по полу?! Или, пуще того, впасть в озлобление и месть?!* (В. Слипичук. Зинзивер. 2001)

В приведенных примерах мы наблюдаем действие, с большей или меньшей осознанностью действительно совершаемое субъектом вследствие испытываемых им сильных негативных эмоций или же приводимое как гипотетическое для описания сильных негативных эмоций из таксона ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА. (Заметим в скобках, что это действие не произвольно: желая заглушить душевную боль, человек бьется о стену именно головой, а не ногой, локтем или другой частью тела, каждый раз разной.) Однако эта идиома употребляется и в другом значении — 'тщетные усилия, бесполезное упорство', причем действие «биться о стену» реально не производится и осмысляется при этом не как причинение себе боли, а как попытка (тщетная) пробить препятствие:

С меня хватит. *Биться головой об стену* — пусть этим занимаются другие. Кто помоложе и у кого черепок потверже. (А. Вампилов. Пролетным летом в Чулимске. 1971)

А вот пример на употребление этой идиомы с материализацией метафоры:

<...> Твардовский не только часто «*бился головой об стену*», но нередко и пробивал ее, как это было в случае с Солженицыным <...> и во множестве других случаев. (Рой Медведев. Твардовский и Солженицын. 1975)

Гипертрофированная и также зачастую неконтролируемая физическая реакция тела на радость отражена в идиоме *прыгать до потолка*:

<...> нынче у меня удачный день, а если исполнится еще одно заветное желание — получить твое письмо, — буду *прыгать до потолка!* (А. Морозов. Преприличные слова. 1985–2001)

Это поведение оценивается как нормальное для ребенка (ср. описание этой идиомы в [Баранов и др. 2015]). Существуют также упоминания так

³ Здесь и далее для указания на то, в каком значении используется идиома, приводится отсылка к соответствующим таксонам Тезауруса [Баранов и др. 2018].

называемых прыжков радости у высших млекопитающих, что говорит о еще большей универсальности такой реакции), но становится маргинальным для взрослого. В текстах оно часто фигурирует в форме будущего времени, сравнения, отрицания и т. п., т. е. описывает не реальную, а предполагаемую, воображаемую ситуацию:

Если бы они родили в ночь на первое января, я бы *прыгал до потолка*.
(В. Писигин. Письма с Чукотки // Октябрь. 2001)

Гигант Савельич уже не *прыгал до потолка*, а сел на стул и задумался.
(Ю. Мамлеев. Конец света/Удалой. 1995–2000)

2. Ритуальные жесты

Несколько идиом, описывающих сильное ГОРЕ, содержат во внутренней форме различные ритуальные жесты. Это такие идиомы, как *разрывать... [на себе] одежды, заламывать руки; руки ломать, посыпать голову пеплом*. По-видимому, такие действия (по крайней мере, это касается первых двух идиом) следует рассматривать как изначально неконтролируемые физические реакции, закрепившиеся в некоторых культурах как ритуальный жест (на Ближнем Востоке — как предписываемый ритуал горевания), ср. частое описание разрывания одежд в текстах Ветхого и Нового Заветов: Рувим «разорвал на себе одежду», когда понял, что не смог спасти своего брата Иосифа. Их отец, Иаков, «разорвал на себе накидку», когда решил, что Иосифа съел хищный зверь (Быт. 37:18–35). Иов «разорвал на себе верхнюю одежду», когда ему сказали о смерти всех его детей (Иов 1:18–20), и так далее.

Симптоматическое употребление жеста в контексте других неконтролируемых действий можно наблюдать и в следующем примере:

Впервые увидел я, что этот демон в человеческом облике плачет. Он рыдал, как женщина, ползал по земле и *разрывал на себе одежды*. Он катался и выл, как раненый барс, до крови когтя свои щеки и лоб.
(Е. Парнов. Третий глаз Шивы. 1985)

Причем в случае разрывания одежд это не всегда проявления ГОРЯ, такой же может быть реакция ЯРОСТИ:

<...> вспыльчивость <...> и по сей день внутри меня — совсем такая же, какою она была в раннем детстве, когда я в минуту овладевавшего мною бешенства ломал игрушки, *рвал на себе одежды* и колотил няньку.
(А. Н. Бенуа. Жизнь художника. 1955)

...и даже выражение РАДОСТИ:

Радость арабов не знала пределов: они скакали, как помешанные, кричали, били себя в грудь, *разрывали на себе одежды* и жгли друг друга огнем, обжег которого, по их мнению, застраховывает от всяких болезней. (А. Селиванова. Пасха в Иерусалиме (Из воспоминаний о поездках на Восток в 1881–1882 годах) // Исторический вестник. 1884)

Это же действие может быть маркером искренности, ср. пример из Нового Завета: во время суда над Иисусом первосвященник Каиафа *разорвал на себе верхнюю одежду*, когда услышал то, что посчитал богохульством (Мф. 26:59–66). Этим жестом он продемонстрировал уверенность в истинности сказанного, ср. другие идиомы этой семантической группы — *разрази меня гром, даю голову на отсечение* и др.:

Тогда первосвященник *разодрал одежды свои* и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! (Мф. 26:65)

А вот примеры идиоматических употреблений этого выражения, в которых разрывание одежды реально не производится:

<Они> *разрывают на себе одежды* по поводу творящихся в стране преступлений и в то же самое время <...> всё шире практикуют похищения представителей оппозиции. (Корпус публицистики)

Отпразднована еще одна годовщина провозглашения «права на свободу слова», — весьма удобный повод для хозяев СМИ и некоторых журналистов *разодрать на себе одежды* по поводу тех трудностей, с которыми, как они говорят, они сталкиваются по ходу исполнения своего профессионального долга. (Корпус публицистики)

Заметим, что в этом новом значении идиома приобретает и новое управление — *разрывать на себе одежды* (по поводу чего-л.).

Идиома *заламывать руки*; *руки ломать* также описывает изначально неконтролируемую физическую реакцию, закрепившуюся в дальнейшем как ритуальный жест. Это может быть реакция на ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, ТОСКУ:

И снова Наташа бесцельно бродит по комнате, слоняется с чувством тупой боли где-то возле сердца, с мучительными образами в голове, от которых хочется стонать и *заламывать руки*... (А. М. Коллонтай. Большая любовь. 1927)

Господи, батюшка! Так где же нам оправдаться-то? — стал в отчаянии *заламывать руки* рыжеусый казак. — Помилуйте, не дайте душе загореть! (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2. 1939–1945)

Эта же идиома может описывать бурные проявления разнообразных страстей:

Людмила продолжала *заламывать руки* и пыталась прорваться через мужа к Райке — чтобы выцарапать ей глаза, выдрать волосы и вообще убить. (Маша Трауб. Не вся la vie. 2008)

<...> тяга была столь велика, сокрушительна, необорима, что он мог бы на коленях молить ее остаться, рыдать, *заламывать руки*, грозить оружием, стрелять, наконец, — все тщетно. (Ю. М. Нагибин. У Крестовского перевоза. 1972–1979)

Зачастую такое проявление эмоций оценивается как нарочитое, театральное, а также устаревшее:

Ныне актерам уже не надо *заламывать руки*, учащенно дышать, биться в истерике, чтобы изобразить любовь (хотя многие продолжают поступать именно так), достаточно короткого монтажа встретившихся взглядов или определенного размещения двух лиц в кадре, чтобы зритель безошибочно прочел этот знак. (О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. III. 2007)

Она покачнулась и села на кедровую табуретку <...>, предалась окончателъному унынию — начала покачиваться, театральнo *заламывать руки* и стенать... (В. Липатов. Еще до войны. 1971)

Заметим, что *заламывать* можно не только свои руки, но и чужие. В этом случае речь идет уже о другом действии, не связанном с эмоциями:

Прямо возле нас они его догнали, схватили, стали *заламывать руки*. (А. Найман. Любовный интерес. 1998–1999)

В данном случае речь идет не об идиоме, однако, как и другие номинации жестов и жестовых движений, это выражение не является свободным сочетанием (см. об этом подробнее в [Козеренко 2011]): *заломить руки* описывает конкретное движение, совершаемое с конкретной целью, а не произвольное действие с руками объекта (к тому же едва ли реализуемое, ср. другие выражения с этим глаголом: *заломить уголок бумаги, заломить берет на ухо*).

3. Сравнение во внутренней форме

Во внутренней форме идиом следующей группы находится не сама физическая реакция, а сравнение, уподобление описываемой ситуации той, в которой эта реакция происходит. Это такие идиомы, как *хоть волком вой; вить волком, хоть криком кричи, [хоть] ложись да/и помирай; хоть*

помирай. Внутри этого сравнения находится реализация неконтролируемой реакции двух противоположных видов: крик, т. е. неконтролируемая активная реакция на боль, физическую или душевную (в том числе на уровне условного рефлекса) vs пассивное поведение (потеря воли к жизни, сопротивлению источнику боли, апатия от невозможности изменить ситуацию, прекратить источник боли), т. е. пассивная реакция на ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ. Обе реакции описаны в гипертрофированном виде, в том числе с употреблением повтора для усиления: *хоть волком вой; выть волком; хоть криком кричи; [хоть] ложись да/и помирай*:

Для меня спасение только в работе, пусть плохой, пустой, ненужной, но в работе. Иначе такой мрак охватывает, *хоть волком вой*. (Ю. М. Нагибин. Дневник. 1983)

И вот — ночь: магазины закрыты, а кто-то, допустим, поругался с женой, кто-то затосковал так, что *хоть криком кричи...* (В. Шукшин. Ночь в бойлерной. 1974)

— Скука иногда такая возьмет, засосет за сердце, *хоть ложись да помирай*, только и в пору... (Н. Э. Гейнце. Князь Тавриды. 1898)

Легко заметить, что во всех приведенных примерах эти идиомы используются в качестве лексической функции Magn при существующем описании эмоции из спектра ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА. Отметим также, что многие из упомянутых выше идиом могут употребляться и для описания физической боли:

— Как икры поем, так сразу печенку кручит, *хоть волком вой*. (В. Мясников. Водка. 2000)

4. Воображаемое нереализуемое действие для выражения крайней степени досады, расстройства

Идиома *кусать [себе] локти*, помещенная в эту подгруппу, описывает состояние НЕУДОВОЛЬСТВИЯ, ДОСАДЫ как реакции на невозможность изменить что-то плохое в прошлом. Во внутренней форме идиомы находится невозможное, нереализуемое действие, ср. также поговорку *Близок локоть, да не укушишь*, а также несуществующие жесты, описанные в [Баранов, Добровольский 2017]:

<...> многим сегодня ясно, что в конце восьмидесятых годов населения России была навязана система ложных целей. <...> И многие, в том числе и депутаты, на это попадались. А потом *кусали себе локти*. (В. Хайрюзов. Время — критерий истины. 2001)

Заметим, что такая же невозможность, выраженная с привлечением соматизма, отражена в идиоме *не видеть как собственных ушей*.

5. Нетелесные симптомы – технологическая метафора

В эту подгруппу попали идиомы, описывающие экстраординарное функционирование всего организма при помощи технологической метафоры: *пойти вразнос, сойти/слететь... с катушек; как с катушек сорваться, с резьбы сорваться, сойти с рельсов*. Здесь, конечно, речь идет уже не о телесных проявлениях и симптомах, однако в фокусе внимания также остается маргинальное поведение человека. Во внутренней форме идиомы содержится метафора: организм человека уподобляется механизму, при этом профилируется идея скорости, работы механизма на уровне выше своих технических ограничений и выход из строя вследствие экстраординарного функционирования:

<...> одна, самая скромная серенькая книжечка на три тысячи рублей завещана была Антонине Ивановне. <Она> не ожидала такого богатства и *слетела с катушек*: вместо разрешенной Николаем Романовичем стограммовой стопочки брала теперь четвертинку, да и не только вечером. (Л. Улицкая. Голубчик. 1997)

Андрюха, раб божий, ушел, пустился в бега! Совсем, козел, *с резьбы сорвался!* (Н. Дежнев. Год бродячей собаки. 2002)

На четвертый день крепившийся Петр Данилыч *сошел с рельсов* и закрутил с утра. Пьяненький пришел вечером к себе в номер. В шапке, в шубе повалился на кровать и так горько заплакал... (В. Я. Шишков. Угрюм-река. 1928–1933)

6. Потеря контроля

Напоследок упомянем идиому *выйти из себя*. В ее внутренней форме содержится идея потери контроля над своей эмоциональной составляющей. Нетелесная составляющая человека как бы получает возможность на время возобладать над телесной. Идиома употребляется в ситуации крайнего неудовольствия, а также потери контроля над своими реакциями и часто сопровождается описанием других плохо контролируемых или маргинальных действий:

Шкловский *вышел из себя*, вскочил, крикнув мне, что хозяйка дома должна знать свое место, не вмешиваться в разговоры, и убежал. (В. Каян. Лиля Брик. Жизнь. 1999)

<...> от фальшивой ноты <он> дергался и стонал, будто прикусил язык, а один раз, когда я вместо указанных пальцев четвертого и пятого, думая, что он не заметит, играла трель вторым и третьим, он так *вышел из себя*, что чуть не прибил меня растрепанным Черни. (М. Шишкин. Письмовник. 2009)

Дядя Миша от такой наглости *вышел из себя*, закатил сыночку хорошую оплеуху. (Ю. В. Трифонов. Исчезновение. 1981)

В рамках приведенного исследования нам не удалось обсудить всех особенностей идиом, жестов и их номинаций, соматизмов, связанных с проявлением сильных эмоций, а также всюду обозначить четкие границы между ними (более подробно об этом см. в работах [Козеренко 2011], [Козеренко, Крейдлин 2011]). За пределами обсуждения также остался диахронический аспект (по примерам легко заметить, что с течением времени диапазон проявления сильных эмоций сужается, а соответствующие идиомы приобретают новые переносные значения). Однако мы надеемся, что имеющееся описание внесет вклад в общую картину телесных проявлений эмоций, зафиксированных в языке.

Литература

- Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 1168 с.
- Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2018. 888 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Несуществующие жесты в русской идиоматике // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЯСК, 2017. С. 274–284.
- Козеренко А. Д. Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 10 (17). М.: РГУ, 2011. С. 325–333.
- Козеренко А. Д. Метафорические модели УДИВЛЕНИЯ (на материале русских идиом) // Труды Международного семинара «Диалог'2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001. С. 111–117.
- Козеренко А. Д. Радость и горе в русской идиоматике // Материалы Международной научной конференции «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы». Москва: ИРЯ РАН, 2003. С. 142–146.

- Козеренко А. Д. Сильные эмоции: нарушение функционирования систем организма как симптом // *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naive) Psychologie*. Band 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. S. 315–329.
- Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // *Вопросы языкознания*. 2011. № 6. С. 54–67.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.03.2019).

References

- Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. [Unexisting gestures in Russian idioms]. *Logicheskii analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke* [Logical analysis of the language. The man in the interior. Internal and external human life in language]. Resp. ed. N. D. Arutyunova. Moscow, YaSK Publ., 2017, pp. 274–284. (In Russ.)
- Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skii D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. Ed. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. 2nd ed. Moscow, LEKSRUS Publ., 2015. 1168 p.
- Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skii D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty* [Thesaurus of Russian idioms: Semantic groups and contexts]. Ed. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. 2 ed. Moscow, LEKSRUS Publ., 2018. 888 p.
- Kozerenko A. D. [Gesture idioms and gestures: types of correspondence]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Proceedings of International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies “Dialogue”]. Issue 10 (17). Moscow, RSUH Publ., 2011, pp. 325–333. (In Russ.)
- Kozerenko A. D. [Joy and grief in Russian idioms] // *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy”* [Proc. of the Int. conf. “Rusistics on the threshold of the 21st century: problems and perspectives”], Moscow, RLI RAS, 2003, pp. 142–146. (In Russ.)
- Kozerenko A. D. [Metaphorical models of SURPRISE (on Russian idioms)]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminarina Dialog'2001 po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam* [Proc. of the Int. conf. Dialog'2001]. Vol. 1. Aksakovo, 2001, pp. 111–117. (In Russ.)
- Kozerenko A. D. [Strong emotions reflected in phraseology: dysfunctions of body systems as a symptom]. *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naive) Psychologie*. Band 9. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2018, pp. 315–329. (In Russ.)
- Kozerenko A. D., Kreidlin G. E. [Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body]. *Voprosy yazykoznanija*, 2011, no. 6, pp. 54–67. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.03.2019).

О паронимах в деловой речи

Марина Николаевна Панова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Москва),
panova-mn@ibda.ranepa.ru, pmnaka@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005693-1

аннотация: В статье рассматриваются некоторые трудные случаи словоупотребления в современном русском литературном языке.

Автор анализирует некоторые паронимы, часто встречающиеся в устной и письменной деловой речи, в том числе в текстах документов, и в СМИ, обращая внимание на особенности их лексической сочетаемости. Трудности в употреблении этих паронимов в современном русском языке связаны с их различным толкованием в справочных изданиях или появлением у них новых значений, которые были актуализированы в деловой речи в последнее время. В работе использован материал различных словарей, ссылки на которые даны в тексте статьи. Правильное употребление паронимов особенно важно в деловой речи. В официально-деловом стиле используются термины и другие специальные языковые средства, которые должны быть точными и однозначными.

Как показывают рассмотренные в статье примеры, требует решения ряд вопросов, касающихся употребления ряда паронимов в литературном языке, в письменной деловой речи: уточнение их значений, дополнение новыми иллюстративными примерами, изменение стилистических помет и отражение всех этих изменений в словарях. Кроме того, совершенно очевидно, что назрела настоятельная необходимость создания авторитетного справочника для работников административно-правовой сферы, включающего трудные случаи употребления паронимов.

ключевые слова: трудные случаи словоупотребления, современный русский язык, паронимы, деловая речь

для цитирования: Панова М. Н. О паронимах в деловой речи // Русская речь. 2019. № 5. С. 59–70. DOI: 10.31857/S013161170005693-1.

Issues of Modern Russian Language

The Paronyms in Business Language

Marina N. Panova, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow), panova-mn@ibda.ranepa.ru, pmnaka@mail.ru

ABSTRACT: This article considers some complicated cases of word usage in the modern Russian.

The author analyzes some paronyms, often found in oral and written business communication, as well as in text documents and the media, focusing on the features of their lexical compatibility. Intricate usage cases for these paronyms in modern Russian are associated with their different interpretations in reference books or new meanings, that have been renewed in business communication recently. Articles of different dictionaries were used in this paper with relevant references.

The correct use of paronyms is very important in business communication. Terms and other special language instruments, used in the business communication, should be accurate and unambiguous.

Examples in this paper point out some issues of paronyms usage in a literary language, in a written business communication: clarifying their meanings, adding new illustrative examples, changing stylistic marks and reflecting these changes in dictionaries. Furthermore, it has become even more clear that there is an urgent need to create an authoritative reference book for administrative and legal employees, covering intricate cases of paronyms usage.

KEYWORDS: difficulties of the word usage, modern Russian language, new meanings of paronyms, business language

FOR CITATION: Panova M. N. The Paronyms in Business Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 59–70. DOI: 10.31857/S013161170005693-1.

Ученые по-разному понимают сущность паронимии. В статье вслед за Ю. А. Бельчиковым и В. И. Красных мы считаем паронимами «близкие по звучанию однокоренные слова, относящиеся к одной части речи и одному семантическому полю, но имеющие, как правило, разные значения» [Красных 2003: 4]. Важность теоретических исследований по выявлению лингвистического статуса паронимов не подлежит сомнению, но в центре нашего внимания — трудные случаи их употребления в речи. Приводимые в статье примеры из современной речевой практики свидетельствуют о том, что «паронимия остается проблемой правильности литературной речи, проблемой культуры речи» [Бельчиков, Панюшева 1994: 5]. В работе использован материал различных словарей, ссылки на которые даны в тексте статьи.

Принять — предпринять

Глагол *принять* многозначный. В соответствии с представленным в словарях толкованием в одном из своих значений — ‘совершить, осуществить то, что выражено существительным’ — он близок к глаголу *предпринять* — ‘сделать, осуществить, совершить’, ‘приступить к осуществлению чего-л.’, ‘начать делать что-н.’ [Ожегов 1983; Шведова 2007; Кузнецов (ред.) 2000]. Примеры лексической сочетаемости этих глаголов в указанных словарях:

- *принять решение, п. смерть, п. участие, п. присягу, п. меры;*
- *предпринять путешествие; срочно п. еще одну попытку; п. новое исследование; что бы нам такое п., чтобы решить проблему?*

Единственное, в чем расходятся мнения авторов словарей, — с каким глаголом следует употреблять существительное *меры*. Так, [Кузнецов (ред.) 2000] рекомендует словосочетание *предпринять решительные меры*. Авторы других словарей считают, что *меры* надо *принимать*. Это мнение разделяют и Т. Ф. Иванова и Т. А. Черкасова — авторы справочника «Русский язык в эфире» [Иванова, Черкасова 2002]: *принять меры — предпринять (шаги, действия, попытку)*.

Таким образом, в деловой речи, где точность словоупотребления особенно важна, следует использовать словосочетания:

принять (соответствующие, срочные) меры по выявлению нарушений, по недопущению подобной практики в будущем; принять предусмотренные законом меры; принять меры по устранению выявленных нарушений; принять меры прокурорского реагирования, дисциплинарного характера;

предпринять целенаправленные усилия, решительные действия, важные шаги, очередную попытку.

Следует признать, что словосочетания «предпринимать меры» и «принимать попытки» используются в речи довольно часто. Подобное «смешение устойчивых сочетаний» распространено в разговорной речи, устных выступлениях политиков, деятелей культуры, в электронных СМИ» [Бельчиков 2009: 79]. Отметим, что такое «смешение» встречается и в текстах документов.

Попасть — подпасть

В словарях паронимов этих глаголов нет. В [Ожегов 1983; Шведова 2007; Кузнецов (ред.) 2000] глагол *попасть* рекомендуется употреблять в словосочетаниях: *попасть в цель, п. в кадр, в финал, в печать; п. в беду, п. под суд, п. в трудное положение* и т. п. Употребление этого глагола в речи не вызывает затруднений.

Что же касается глагола *подпасть*, то в толковых словарях отмечается, что он имеет значение ‘оказаться под влиянием кого-чего-н., под действием чего-н. (отрицательного) или в зависимости от кого-, чего-л.’. Примеры употребления глагола *подпасть*: *п. под власть, под чье-н. влияние; п. под чей-н. гнев*.

В [Кузнецов (ред.) 2000] глагол *подпасть* сопровождается пометой «книжн.» и значение глагола иллюстрируется словосочетанием *подпасть под уголовную статью* (‘подходить, соответствовать такой статье закона’). Именно в этом значении он часто используется в СМИ и Интернете: «*Не подпасть бы под статью*» (заголовок статьи. Экономическая газета. № 12. 2019). Другие примеры: *Подпасть под санкции. Указанный доход подпадает под обложение налогом. В 2019 г. под диспансеризацию подпадут работники 1989, 1986 и др. годов рождения. Дело подпадет под юрисдикцию комиссии. Какие статьи подпадают под амнистию. Организаторы «групп смерти» могут подпасть под криминальную статью. Хиллари Клинтон заявила, что президент Сирии Башар Асад может подпасть под определение военного преступника*.

Глагол *подпасть (подпадать)* в указанном значении используется и в документных текстах. Так, в судебной практике, в решениях судов часто встречается речевое клише «подпадать под признаки уголовного преступления», например: *действия, подпадающие под признаки уголовного преступления*. Пример из определения Верховного Суда РФ от 26.03.2018: «Суды сочли, что залогодатель и залогодержатель... изменили договор об ипотеке, обязательства по нему стали считаться измененными и подпадают под регулирование, предусмотренное пунктом 5 статьи 46 Закона об ипотеке»¹.

¹ <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26032018-n-310-es16-6059-po-delu-n-a36-35052012/>

Несмотря на то, что в [Кузнецов (ред.) 2000] глагол *подпасть* в указанном значении используется не только в СМИ, но и в официальных документах, ряд специалистов в области юриспруденции все же считает его профессионализмом, который следует заменять в литературном языке глаголом *попасть* (*попасть под санкции*). Таким образом, вопрос о статусе глагола *подпасть*, о его употреблении в литературном языке, в письменной деловой речи требует решения кодификаторов языка и отражения в словарях.

Представить — предоставить

Судя по приведенным в справочной литературе примерам (иллюстрациям), для деловой речи в целом актуальнее глагол *представить*. Надо отметить, что примеры из текстов официально-делового стиля в справочниках и словарях вообще встречаются нечасто.

В [Иванова, Черкасова 2002] приведены следующие словосочетания с рассматриваемыми глаголами: *Представить отчет о работе. Представить к награде. Предоставить слово для выступления. Предоставить возможность. Предоставить квартиру.*

В [Ожегов 1983] и [Шведова 2007] из всех значений многозначного глагола *представить* для деловой речи актуально первое: ‘доставить, предъявить, сообщить’ (*П. список сотрудников. П. доказательства. П. необходимые документы.*). У глагола *предоставить* два значения: 1. Отдать в распоряжение, пользование. *Предоставить комнату кому-л.*; 2. Дать право, возможность что-н. сделать. *Предоставить решить самому. П. кому-н. слово.*

В [Кузнецов (ред.) 2000] тоже зафиксированы все значения глагола *представить*, в частности, первое — ‘дать, вручить для ознакомления, осведомления или официального рассмотрения, заключения’ — иллюстрируется следующими примерами: *П. куда-л. справку. П. кому-л. отчет. П. проект на утверждение. П. бумаги на подпись.* Выделяется также оттенок значения ‘сообщить, привести в качестве доказательства, обоснования чего-л.’ (*П. уважительные причины. П. убедительные факты.*). Значения глагола *предоставить*: 1. Дать возможность кому-л. обладать, распоряжаться, пользоваться чем-л. *П. отпуск. П. время для тренировки. Любезно п. материалы.* 2. Дать возможность кому-л. делать или сделать что-л. *П. распределение ролей режиссеру. П. слово (разрешить произнести речь, высказаться).* || Поручить кому-л., возложить на кого-л. исполнение какого-л. дела. *П. секретарю ведение собрания. Ему предоставлено руководство цехом. Слово предоставляется члену комиссии. Предоставление. Предоставление кредитов. Требовать предоставления работы.*

В [Красных 2003] у глагола *представить* десять значений. Для деловой речи особенно актуально одно из них, первое: ‘дать, вручить, сообщить что-л. для ознакомления, осведомления или официального рассмотрения, заключения’ (*Представить отчет комиссии. Представить документы на подпись. Представить справку в налоговую инспекцию. Представить объяснение прокурору. Представить доказательства и др.*). У глагола *предоставить* два значения — ‘дать возможность обладать, распоряжаться, пользоваться чем-л.’ (*предоставить квартиру, машину, отпуск, путевку*) и ‘дать возможность делать, сделать что-л., действовать каким-л. образом, воспользоваться чем-л.’ (*предоставить слово, право выбора*).

В [Бельчиков, Панюшева 1994] подчеркивается, что обычно эти глаголы «смешиваются в первых значениях».

Представить (представлять): 1. Дать, вручить, сообщить что-л. для ознакомления, осведомления, для какого-л. заключения, официального рассмотрения. *Представить справку. Представить проект на утверждение.*

Нужно срочно представить в дирекцию отчет о работе в первом полугодии. Представить что: отчет, проект, заявку, справку, документ, паспорт, факты, доказательства, новые данные, сведения, причины, объяснение... Представить что-л. куда: в комиссию, в комитет, в отдел кадров, в министерство, в суд... Представить что-л. с какой целью: на рассмотрение, на обсуждение, на утверждение, на подпись, на проверку и т. д.

Предоставить (предоставлять): 1. Дать возможность обладать, распоряжаться, пользоваться чем-л. *Предоставить комнату, дом, помещение, склад, гараж... кредит. Предоставить что? (гостиницу, льготы, отпуск), кому? чему? (директору, учреждению, кооперативу)... Предоставить что? кому? ведение дела, управление чем-л., руководство чем-л., исполнение чего-л., организацию чего-л. ... секретарю, сотруднику и т. д.*

Как мы видим, словари дают обширный материал, касающийся значения и употребления данных глаголов, однако, разумеется, далеко не все трудные случаи их употребления в деловой речи там представлены. В деловом общении оба глагола-паронима иногда употребляются с одним и тем же существительным, образуя разные по смыслу словосочетания, например: *представить документ* и *предоставить документ*. *Представить какой-л. документ* употребляется в значении ‘предъявить документ по требованию, обычно к установленному сроку’, например, *представить отчет* — показать, что отчет своевременно подготовлен, т. е. констатировать сам факт его наличия. Возможно и другое значение этого словосочетания: *представить документ* — ‘подготовить и предъявить документ в какой-л. требуемой форме’: *представить в виде схемы или таблицы, на электронном носителе и т. д.*

В деловой речи встречаются и похожие словосочетания с глаголом *предоставить*. Словосочетание *предоставить документы* (какие-л. сведения, материалы) употребляется в значении ‘передать в какую-л. организацию необходимые документы для работы, для изучения, для анализа’, например, передать справки для решения вопроса о предоставлении каких-л. льгот и т. д. Здесь *предоставить* означает ‘дать возможность распоряжаться документами’. И такое объяснение выбора глагола, как нам кажется, тоже имеет право на существование, хотя в словарях словосочетание *предоставить документ* не было обнаружено.

Бесхозный — бесхозяйный — бесхозяйственный

Прилагательное *бесхозный* в словарях трактуется одинаково: ‘не имеющий хозяина, никому не принадлежащий’, например: *бесхозное имущество, бесхозный скот, бесхозная земля*.

В [Ожегов 1983; Шведова 2007; Кузнецов (ред.) 2000] прилагательное *бесхозяйный* отсутствует.

В [Розенталь, Теленкова 2001] отмечается, что прилагательные *бесхозный* и (реже) *бесхозяйный* различаются стилистически: *бесхозный* — разговорное, *бесхозяйный* — устаревшее, например: *бесхозяйное (бесхозное) имущество*. Надо заметить, что де-факто прилагательное *бесхозяйный* до сих пор активно используется в качестве юридического термина. В Гражданском кодексе Российской Федерации упоминаются *бесхозяйные вещи, бесхозяйное имущество, бесхозяйное сооружение*. В [Сухарев (ред.) 2007] содержится определение *бесхозяйной* контрабанды. Таким образом, прилагательные *бесхозный* и *бесхозяйный* действительно различаются стилистически, но стилистическая помета прилагательного *бесхозный* сейчас, видимо, должна быть иной.

А вот прилагательное *бесхозяйственный* (‘нарушающий интересы хозяйства’, ‘наносающий урон хозяйству’) трудностей в употреблении не вызывает. *Бесхозяйственное отношение к делу. Бесхозяйственное расходование бюджета*.

Бережный — бережливый

В [Иванова, Черкасова 2002] четко разграничивается употребление словосочетаний с этими прилагательными: *бережный (бережное отношение) — бережливый (бережливый человек)*.

В [Красных 2003] указываются следующие значения прилагательного *бережный*: 1. ‘Заботливый, внимательный; осторожный, аккуратный’. *Бережное отношение к кому-чему-л. Бережное обращение с кем-чем-л.* 2. *Расчетливый, экономный. Бережное расходование денежных средств, электроэнергии, топлива, воды, газа. Бережное использование недр*. Такое же

значение этого глагола мы встречаем и в других словарях ([Ожегов 1983; Шведова 2007; Кузнецов (ред.) 2000]).

В [Красных 2003] отмечается, что прилагательное *бережливый* имеет значение 'осмотрительно и осторожно расходующий что-л., расчетливый, экономный' (*Бережливый человек, хозяин, мальчик. Бережливая хозяйка*), а также 'основанный на таком отношении' (*Бережливое ведение хозяйства. Бережливое расходование денежных средств, электроэнергии. Бережливое использование техники, транспорта*). В [Ожегов 1983; Шведова 2007; Кузнецов (ред.) 2000] также указано это значение.

Из этого следует, что прилагательные *бережливый* и *бережный* совпадают в одном из значений, поэтому возможно их использование в качестве синонимов с некоторыми неодушевленными существительными *бережное* (и *бережливое*) *расходование* (*использование*) *денежных средств, электроэнергии* и т. д., а прилагательное *бережливый* употребляется с одушевленными существительными (*бережливый хозяин*).

Если говорить об однокоренных словах из этой тематической группы, можно вспомнить и о существовании *энергосберегающих ламп, о здоровьесберегающих технологиях, используемых в школах и детских садах* и т. д.

В настоящее время в СМИ используются непривычные словосочетания, отсутствующие в словарях: *бережливое производство, бережливые технологии в образовании, спорте, администрировании* и т. п. *Бережливым* называют сейчас производство, в основе которого лежит внедрение технологий, направленных на оптимизацию производственного процесса и сокращение издержек. Методы так называемого *бережливого производства* используются на многих российских предприятиях и в ряде социальных сфер, в частности в медицине.

Так, на сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации размещена информация о пилотном проекте «*Бережливая поликлиника*», который реализуется в ряде регионов страны. Цель этой акции — внедрение принципов *бережливого производства* в сферу здравоохранения, то есть улучшение качества оказания медицинской помощи².

«Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился, — справедливо отмечает М. А. Кронгауз. — В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя» [Кронгауз 2007: 18].

В данном случае время покажет, насколько созданное имя удачно, но, судя по активности использования словосочетания не только в СМИ, но и в документах, можно уже констатировать появление нового термина.

² <https://www.rosminzdrav.ru/poleznye-resursy/proekt-berezhlivaya-poliklinika>

Патронат — патронаж

Несмотря на изначально общее для обоих существительных значение «покровительство», согласно толкованию в большинстве словарей, эти паронимы различаются значениями. Во всех словарях указано, что в Древнем Риме существительное *патронат* означало 'власть, положение патрона, устанавливающего материальную зависимость клиентов от патронов и тем самым приобретение политического влияния; форма покровительства (получение земли, защита в судах и др.)'.

Нам же интересно сравнить актуальные значения паронимов.

В [Ожегов 1983] *патронат* — это 'форма воспитания детей, потерявших родителей, в семьях трудящихся по поручению государственных организаций', а *патронаж* — это 'регулярное оказание лечебно-профилактической помощи на дому новорожденным детям и некоторым категориям больных'.

В [Музрукова, Нечаева 2000] эти существительные также различаются значением. *Патронаж* [< фр. patronage покровительство] — 'система медицинского обслуживания беременных женщин, детей младенческого возраста и некоторых категорий больных в домашних условиях'. *Патронат* — [< лат. patronatus покровительство] — 2 значения, перен. 'покровительство, опека' (*учреждения культуры нуждаются в государственном патронате, под патронатом — при содействии, под руководством кого, чего-л., например, под патронатом Академии наук*).

В [Бутромеев (ред.) 1998] значения этих паронимов также разнятся.

Патронаж — 'специальное медицинское обслуживание'. *Патронат* — 'покровительство, опека'. Та же картина и в справочнике [Иванов, Черкасова 2002]: *патронаж* (патронаж новорожденных и больных) — *патронат* (мероприятия под патронатом мэра города).

В [Кузнецов (ред.) 2000] читаем: *Патронаж* — 1. Книжн. Покровительство со стороны кого-л. 2. Организованное медицинское обслуживание больных и детей раннего возраста в домашних условиях. *Развитие патронажа в работе диспансеров*. Прилагательное *патронажный* образовано от существительного во втором значении. *П. работа. П. сестра* (медицинский работник). *Патронат* — 'воспитание детей-сирот и детей, потерявших родителей, в семьях под контролем и с материальной помощью государства'.

В [Шведова 2007] эти существительные тоже различаются значениями: *Патронаж* — 'регулярное оказание лечебно-профилактической помощи на дому новорожденным и некоторым категориям больных'. *Патронат* — 'форма воспитания детей, потерявших родителей, в семьях граждан по поручению государственных организаций' (офиц.). *Под патронатом*

кого — ‘под постоянным наблюдением, содействием и руководством’. *Комиссия под патронажем министерства*. Несмотря на разницу в значении, автор словаря предлагает считать синонимичными эти паронимы: *под патронажем кого* — то же, что *под патронажом*.

Возможно, это справедливо для разговорной речи, но не для деловой. Дело в том, что в официально-деловом стиле понятия *патронаж* и *патронат* четко различаются.

В ст. 41, п. 1 Федерального закона от 24.04.2008 № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об опеке и попечительстве”» указано: «Над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж» (подчеркнуто мною. — М. П.). (Российская газета. № 94. 30.04.2008). Для таких граждан *патронажная служба* предоставляет, например, услуги сиделки.

В 2012 г. Госдумой был принят в первом чтении законопроект № 42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства». Документом предусматривается, что *социальный патронат* устанавливается органом опеки и попечительства в случае, если по результатам обследования условий жизни, воспитания и развития несовершеннолетнего установлено, что родители или иные законные представители ребенка, находящегося в социально опасном положении, создают своими действиями условия, препятствующие его нормальному воспитанию и развитию, или отрицательно влияют на его поведение»³.

Таким образом, правильными в деловой речи следует считать примеры:

Патронат — одна из разновидностей возмездной опеки над несовершеннолетними. Под патронажом Министерства культуры Республики Крым пройдет литературный фестиваль.

Патронаж беременных женщин осуществляется врачами и акушерками женских консультаций.

Итак, в деловой речи, в том числе в официально-деловом стиле, используются термины и терминизированные (близкие к однозначным) специальные средства языка, которые должны быть точными и однозначными. Если сравнивать научную и деловую речь, то «в первой однозначность не-

³ ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/news/421239/#ixzz5fR1YhIMU>

обходима, а во второй просто недопустима неоднозначность» [Граудина, Ширяев (ред.) 1998: 217]. Это связано с юридической силой документа, которая исключает двусмысленность.

Как показывают рассмотренные в статье примеры, требует решения ряд вопросов, касающихся употребления некоторых паронимов в литературном языке, в письменной деловой речи: уточнение их значений, дополнение новыми иллюстративными примерами, изменение стилистических помет и отражение всех этих изменений в словарях. Кроме того, совершенно очевидно, что назрела настоятельная необходимость создания авторитетного справочника для работников административно-правовой сферы, включающего трудные случаи употребления паронимов.

Литература

- Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2008. 422 с.
- Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. 455 с.
- Бутромеев В. (ред.). Новый иллюстрированный словарь иностранных слов: Слов. иностр. слов. Алфавиты. Страны мира, столицы и валюты. Важнейшие меры. Крылатые фразы. М., Деконт+, 1998. 303 с.
- Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. (ред.). Культура русской речи: Учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 560 с.
- Иванова Т. Ф., Черкасова Т. А. Русский язык в эфире. М.: Русский язык, 2002. 346 с.
- Красных В. И. Толковый словарь паронимов русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003. 589 с.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, Языки славянских культур, 2007. 320 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Популярный словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Нечаевой. М.: Азбуковник, 2000. 496 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 2-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. 823 с.
- Сухарев А. Я. (ред.). Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2007. 858 с.
- Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Bel'chikov Yu. A. *Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Practical stylistics of the Modern Russian language]. Moscow, AST-Press Publ., 2009. 422 p.
- Bel'chikov Yu. A., Panyusheva M. S. *Slovar' paronimov sovremennogo russkogo yazyka* [The dictionary of paronyms of the Modern Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 455 p.
- Butromeev V. (ed.). *Novyi illyustrirovannyi slovar' inostrannykh slov: Slov. inostr. slov. Alfavitny. Strany mira, stolitsy i valyuty. Vazhneishie mery. Krylatye frazy* [New illustrated dictionary of foreign words: Dictionary of foreign words. Alphabets. Countries of the world, capital and currency. The most important measures. Winged phrases]. Moscow, Dekont+ Publ., 1998. 303 p.
- Graudina L. K., Shiryayev E. N. (ed.). *Kul'tura russkoi rechi: Uchebnyk dlya vuzov* [Culture of Russian speech: Textbook for universities]. Moscow, NORMA-INFRA Publ., 1998. 560 p.
- Ivanova T. F., Cherkasova T. A. *Russkii yazyk v efire* [Russian language on the air]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2002. 346 p.
- Krasnykh V. I. *Tolkovy slovar' paronimov russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian paronyms]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 589 p.
- Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak Publ., Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 320 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Muzrukova T. G., Nechaeva I. V. *Populyarnyi slovar' inostrannykh slov* [The popular dictionary of foreign words]. Ed. I. V. Nechaeva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 496 p.
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. N. Yu. Shvedova. 14 ed., stereotyp. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 816 p.
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka* [Dictionary of difficulties of the Russian language]. 2 ed., corr. Moscow, Rol'f Publ., 2001. 823 p.
- Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Sukharev A. Ya. (ed.). *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Large legal dictionary]. 3 ed. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 858 p.

Можно ли понять русский спортивный репортаж без переводчика?

Александра Евгеньевна Сомова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), alsomova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005692-0

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена использованию заимствований и англоязычной по происхождению лексики в спортивных репортажах с экстремальных видов спорта, сравнительно недавно вошедших в соревновательную олимпийскую программу. Проведен анализ функционирования указанных лексических единиц на примере телетрансляций различных дисциплин сноуборда на Олимпийских играх в Сочи и Пхеньчхане (дискурсивная практика комментаторов телеканалов «Первый», «Россия-1», «Матч ТВ»). Затрагивается проблема современного лексикографического описания данной лексики в словарях. Описывается метаязыковая рефлексия спортивных комментаторов, освещающих экстремальные виды спорта, которая показывает трудности адаптации большого пласта специфической, англоязычной по происхождению лексики для массовой аудитории зрителей. При исследовании заимствованных номинаций, обозначающих значимые реалии экстремальных видов спорта, проводятся параллели с ситуацией в других языках, а также в других видах спорта. Поднимается вопрос о том, в каких обстоятельствах употребление англоязычной по происхождению лексики уместно и оправдано дискурсивными особенностями текста, а в каких затрудняет восприятие репортажа массовой аудиторией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спортивный репортаж, заимствования, английский язык, русский язык, спортивная лексика, терминология, профессиональный жаргон

для цитирования: Сомова А. Е. Можно ли понять русский спортивный репортаж без переводчика? // Русская речь. 2019. № 5. С. 71–78. DOI: 10.31857/S013161170005692-0.

Issues of Modern Russian Language

Understanding a Russian Sports Report Without an Interpreter: Is It Possible?

Aleksandra E. Somova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), alsomova@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the use of English borrowings and English words in the reports about winter extreme sports, which were included on the programme at the latest Olympic games.

The paper analyses the use of English borrowings and English words by Russian sports commentators in various snowboarding broadcasts at Sochi and PyeongChang Olympics. The material used includes running commentary scripts of sports commentators from Channel One, Russia-1 and Match TV. This paper emphasizes the importance of lexicographic description of this type of lexis and describes metalinguistic reflection of sports presenters commenting on the extreme sports. The metalinguistic reflection reveals a difficulty of adapting a large group of subject-specific words for mainstream audience.

The author compares the use of extreme sports terms borrowed from English in Russian extreme sports commentary with their use in sports commentary in other languages and other kinds of sports. The article discusses both the situations when the use of English words in Russian sports commentary is appropriate and justified by the specific features of the discourse and the situations when it renders the perception of the commentary difficult.

KEYWORDS: sports reports, borrowed words, English language, Russian language, terminology, professional slang

FOR CITATION: Somova A. E. Understanding a Russian Sports Report Without an Interpreter: Is It Possible? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 71–78. DOI: 10.31857/S013161170005692-0.

В последнее время экстремальные виды спорта, зародившиеся в США, получают все большую популярность, включаются в программу Олимпийских игр. Так, например, на зимних Олимпийских играх — 2014 в Сочи появилась новая дисциплина в сноуборде — слоупстайл, а в 2018-м в Пхеньчхане — биг-эйр. В программу летних Олимпийских игр — 2020 в Токио войдут серфинг и скейтбординг. В связи с этим лексика, обслуживающая данную тематическую область, выходит из сферы употребления достаточно узкого круга общения спортсменов-профессионалов и начинает активно использоваться в средствах массовой информации. Экстремальные виды спорта, несомненно, являются зрелищными и способны привлечь внимание публики, однако репортажи, освещающие их, содержат большое количество иноязычных слов, которые воспринимаются как новые и, на наш взгляд, могут быть не всегда понятны массовой аудитории. Об этом, например, свидетельствует метаязыковая рефлексия бывшего министра спорта Виталия Мутко в интервью корреспонденту газеты «Спорт-Экспресс»: «Поддерживайте наших сноубордистов. Это же не наш вид спорта — слоупстайл. Выговорить надо еще» [Спорт-Экспресс]. Спортивные комментаторы, дискурсивная практика которых была выбрана для изучения функционирования иноязычных слов при освещении соревнований по экстремальным видам спорта, в отличие от Виталия Мутко с легкостью выговаривают не только слово *слоупстайл*, но и множество других англоязычных по происхождению слов. Это не только наименования видов спорта, участников соревнований, но и лексика, используемая для описания элементов выполняемой спортсменами программы.

Вышеупомянутый *слоупстайл*, например, представляет собой один из видов соревнований по *сноуборду*. Лексема *сноуборд* уже прочно укоренилась в языке, о чем свидетельствует не только ее фиксация в различных словарях, но и наличие дериватов: *сноубордист*, *сноубордистка*, *сноубордический*, *сноубордистский*. Показательно, что для наименования данного вида спорта общепринятой на данный момент является номинация *сноуборд*, а не *сноубординг*, хотя в телевизионных спортивных репортажах второй вариант используется гораздо чаще. Данное явление объясняется

влиянием английского языка, где *сноубординг* является обозначением вида спорта, в то время как *сноубордом* называется лишь доска, используемая спортсменами. Тем не менее, несмотря на широкое распространение *-инг*-форм в русском языке, а также наличие ряда схожих номинаций (*серфинг*, *виндсерфинг*, *рафтинг*, *яхтинг*, *снорклинг* и т. п.), в официальных документах и телеанонсах используется лишь вариант *сноуборд*. Согласно данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), именно лексема *сноуборд* в подавляющем большинстве случаев употребляется и в публицистике. В НКРЯ обнаруживается 884 вхождения для слова *сноуборд* и всего 43 вхождения для слова *сноубординг*. В дискурсивной практике спортивных телекомментаторов (телетрансляции различных дисциплин сноуборда на Олимпийских играх в Сочи и Пхеньчхане на телеканалах «Первый», «Россия-1», «Матч ТВ») *сноуборд* (или сокращенно *борд*) нередко используется для обозначения самой доски (*катание на сноуборде*, *схватить сноуборд*, *привезти много сноубордов*), хотя стоит отметить, что вариант *доска* (*касание доски*, *запарафинить доску* и т. д.) встречается несколько чаще. В то же время *сноуборд* употребляется и в основном (для русского языка) значении (*вращение в сноуборде*, *для сноуборда это в порядке вещей*), однако вариант *сноубординг* охотнее употребляется комментаторами (*первое золото в сноубординге*, *уровень сноубординга*, *женский сноубординг*, *швейцарская школа сноубординга*). Функционирование дублетных терминов (*сноуборд* и *сноубординг*) создает определенные сложности для понимания, поэтому представляется закономерным разведение их значений в толковых словарях и использование для обозначения вида спорта номинации *сноубординг*, более привычной для практикующих катание на доске. Однако данный вопрос, безусловно, относится к дискуссионным.

Хочется отметить, что в некоторых странах с сильными традициями сноуборда / сноубординга появляются свои номинации, позволяющие обойтись без англоязычных заимствований: во французском, например, словосочетание *planche de neige* (дословно «снежная доска») заменяет *snowboard*, а *nivoplanchiste* употребляется вместо *snowboarder*. Русский язык, напротив, не только не стремится к словотворчеству, использованию собственных ресурсов, но и продолжает цепочку заимствований. И если употребление существительного *сноубординг* может считаться обоснованным, то целый ряд других терминов представляется явно излишним. Так, например, ни один спортивный репортаж зимних Олимпийских игр не обходится без существительного *райдер*, обозначающего спортсмена, совершающего заезд. Наблюдается даже употребление слова *райдерша*, которое уже, скорее, относится к профессиональному жаргону.

Данные лексемы используются почти с той же частотностью, что и номинации *сноубордист / сноубордистка, спортсмен / спортсменка*.

Регуляр и *гуфи* — еще два англоязычных по происхождению слова, которые активно используются в репортажах при представлении спортсменов и обозначают сноубордистов, которые катаются левой или правой ногой вперед соответственно. В толковом словаре русского спортивного жаргона А. А. Елистратова [Елистратов 2011] эти слова представлены как существительные мужского рода, в то время как в реальной дискурсивной практике спортивных телерепортажей примерно в равных долях используются в качестве то существительных, то несклоняемых прилагательных (ср. «*Райан — регуляр*» и «*Макс катается в стойке регуляр*» или «*Сэнни — гуфи*» и «*Сэйдж катается в стойке гуфи*»). Отметим, что на протяжении репортажей комментаторы изредка дают пояснения этим терминам. Например, «*Изабель Рунгс, Швейцария, стойка регуляр, то есть она катается левой ногой вперед*» или «*В сноубординге есть две стойки, каждому человеку удобнее всего кататься или левой или правой ногой вперед*».

Основную проблему для понимания спортивных репортажей зрительской аудиторией представляет собой лексика, используемая для описания выполняемых спортсменами трюков. Приведем примеры из репортажа с Олимпийских игр, посвященного полуфиналу в слоупстайле: «*Фронтсайд ту севенти, бэксайд фэйф с бонком через матрешку, очень хорошо все это выглядит, вот, к сожалению, касание рукой на кэб тысяча восемьдесят*» или «*И вот кэб дабл тысяча восемьдесят индигрэб на первом же трамплине, свич бэксайд двенадцать с такой легкой смещенной осью и бэксайд двенадцать чисто*». Заметим, что многие из упомянутых англоязычных по происхождению слов имеют признаки освоения русским языком, приобретают категорию рода и легко склоняются: «*Смотрим, что с бонком у него?*», «*К сожалению, ошибка на фронтсайд дабл корке*», «*Хорошая скорость для следующего дабла в другую сторону*», «*Ну он мастер различных грэбов*», а от некоторых даже образуются новые слова посредством русских морфем: «*Все пока четко, грэбчик*» или «*Бонкает по матрешке, прокрутившись полтора оборота*». Однако это не делает данную лексику, получающую первоначальное освоение в достаточно узком профессиональном кругу, более понятной для массовой аудитории Олимпийских игр. Стоит признать, что телевизионные комментаторы периодически пытаются снабжать используемую терминологию объяснениями, но это происходит очень непоследовательно, например, из-за того, что они не всегда успевают за скоростью прохождения трассы спортсменом: «*Исполнила фронтсайд корк пять — это переворот через голову и полуоборот в вертикальной оси, за ним был бэкфлип и теперь бэксайд пять — вращение на полтора оборота*». В данном примере видим, что бэкфлип никак не

прокомментирован. Зачастую при использовании англоязычных заимствований в потоке речи у комментаторов возникают избыточные сочетания типа: «540 градусов в сторону бэксайда», «он очень любит крутиться в сторону бэксайда», «очень поздно берет грэб», «не очень хорошо держит грэб», «уверенно хватает грэб» (англ. side — сторона, grab — захват).

Если употребление иностранных по происхождению слов при описании трюков в целом можно считать оправданным, так как их зачастую трудно и даже невозможно заменить русскими однословными эквивалентами, то использование английских числительных для обозначения градусов вращений кажется излишним увлечением английским языком. Едва ли можно представить, что комментатор фигурного катания скажет в репортаже что-нибудь вроде «каскад трипл плюс дабл тулуп», хотя термин *тулуп* тоже пришел из английского языка: *toe loop* — «петля на носке». Однако изучение трансляций фристайл-дисциплин сноуборда показывает, что варианты типа «связка *файф* на *файф*», «свич *бэксайт тэн*», «*фронтсайт севен*» встречаются достаточно часто. Кроме того, влияние английского языка наблюдается и в наименованиях типа *бэксайт пять* вместо *бэксайт пятьсот сорок* или *трипл корк четырнадцать* вместо *трипл корк тысяча четыреста сорок*, то есть у трехзначных чисел озвучивается только количество сотен (*five* вместо *five hundred forty*), а у четырехзначных только первое двузначное число (*fourteen* вместо *fourteen forty*). Эта особенность вполне может ввести неискушенных зрителей в заблуждение, поскольку без должных объяснений (которые в проанализированных нами репортажах отсутствовали) вполне можно посчитать, что, например, кэб 9 и кэб 900 — это разные элементы.

Английский язык оказывает влияние не только на употребление числительных. В репортажах с состязаний по сноуборду очень частотным является ненормативное употребление слова *перилы* в единственном числе. Например, «*двести семьдесят на перилу*» или «*она подвезжала к периле спиной*». Это происходит по аналогии с английским языком, где у слова *rail* есть формы и единственного, и множественного числа. Слово *рейл* используется комментаторами также достаточно активно: «*дважды ошибается на рейлах*», «*сложный элемент на первом же рейле*».

Метаязыковая рефлексия комментаторов соревнований по сноуборду свидетельствует о том, что они осознают употребление большого количества лексики узкой сферы употребления, относящейся к спортивному жаргону, непонятной массовой аудитории («*Например, если человек сошел в одной стойке, он уже никак не может ревертнуть, как говорят сноубордисты, то есть поменять стойку между фигурами*»; «*Сейчас едет свою сейвовую, как говорят райдеры, попытку, то есть немного упрощенную, чтобы зафиксировать количество баллов*»), однако продолжают очень ши-

роко ее использовать. Это позволяет говорящему показать себя как специалиста в освещаемой тематике, «посвященного» в мир большого спорта, «своего». Оппозиция «свой — чужой» очень важна для института спорта, зритель при просмотре спортивных состязаний отождествляет себя со спортсменами своей страны или с какой-либо спортивной командой. Освещая командные виды спорта, комментаторы учитывают данную особенность. Использование местоимения «мы» в качестве номинации российской команды, обращение к общим фоновым знаниям помогает стать журналисту «своим» для болельщиков [Сомова 2011: 650–651]. В ситуации с индивидуальными экстремальными видами спорта наблюдается иная картина. Использование в речи профессионального жаргона спортсменов, может быть, в какой-то степени и характеризует комментатора как хорошего специалиста в освещаемом виде спорта, но отдаляет его от аудитории, делает репортаж трудным для восприятия.

Кроме того, в репортажах присутствуют метаязыковые высказывания, указывающие на подражание англоязычным комментаторам и трудность адаптации большого пласта специфической иностранной лексики для русской аудитории. Например, «*Вот этот slow, что на русский довольно сложно перевести, это скорее такая связность и плавность прохождения трассы и логичное построение внутри*» или «*Make any look too easy, как говорят американские комментаторы, то есть в его исполнении слишком легко выглядят все трюки*».

Думается, что со временем ситуация изменится, англоязычная по происхождению лексика будет использоваться только в случае необходимости, в тех ситуациях, когда без спортивного термина не обойтись. Профессиональный жаргон, на наш взгляд, должен оставаться в пределах «собственно спортивного дискурса» (общение спортсменов, тренеров и т. п.), а «журналистский спортивный дискурс» (освещение спортивной тематики в СМИ) [Малышева 2017] в первую очередь должен быть доступен для восприятия массовой аудитории.

Литература

- Елистратов А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2011. 217 с.
- Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. 370 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.03.2019).

- Сомова А. Е. Адресация спортивного телерепортажа в аспекте оппозиции «свой – чужой» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 650–652. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1320.htm (дата обращения: 22.03.2019).
- Спорт-Экспресс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/sochi2014/snowboard/news/656620/> (дата обращения: 22.03.2019).

References

- Elistratov A. A. *Tolkovyi slovar' russkogo sportivnogo zhargona* [Explanatory dictionary of Russian sports jargon]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Univ. Publ., 2011. 217 p.
- Malysheva E. G. *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 370 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 22.03.2019).
- Somova A. E. Adresatsiya sportivnogo telereportazha v aspekte oppozitsii "svoi-chuzhoi" [Addressing sports television coverage in the aspect of opposition "friend-or-foe"]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "LOMONOSOV-2011"* [Proceed. of the Intern. youth scientific forum "LOMONOSOV-2011"]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011, pp. 650–652. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1320.htm (accessed 22.03.2019).
- Sport-Ekspress. Available at: <https://www.sport-express.ru/olympics/sochi2014/snowboard/news/656620/> (accessed 22.03.2019).

Речевой акт отказа в повседневной русской речи (с учетом социальных отношений говорящих)

Цуй Лили, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
lilicui@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005694-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию речевого акта отказа, реализованного с помощью непартикулярного (выступающего в роли не-частицы) слова *нет* в повседневной русской речи. Особое внимание уделяется при этом социальным отношениям говорящих. Контекстный анализ произведен на материале выборки из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день», одного из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для исследования современного русского устного дискурса. В ходе анализа из корпуса были выбраны и квалифицированы разные способы выражения речевого акта отказа, выявлены случаи категорического и некатегорического отказа — в ответ на просьбу или предложение — и прослежено влияние социальных отношений говорящих на форму такого отказа. Весь анализ строится на соотношении речевого акта говорящего и речевого акта слушающего / собеседника, рассматриваются случаи симметричных (равных) и асимметричных (неравных) социальных отношений между собеседниками. Проанализирован ряд контекстов со словом *нет* в рассматриваемой функции. Контексты извлечены из расшифровок (транскриптов) 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов (всего более 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений). Результаты такого исследования могут быть полезны не только для более полного описания речевого акта отказа, но и использованы для

преподавания русского языка как иностранного и в целом для изучения специфики речевой коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой акт отказа, звуковой корпус, повседневная речь, коммуникация, социальные отношения говорящих

для цитирования: Цуй Лили. Речевой акт отказа в повседневной русской речи (с учетом социальных отношений говорящих) // Русская речь. 2019. № 5. С. 79–92. DOI: 10.31857/S013161170005694-2.

Issues of Modern Russian Language

The Refusal Speech Act in Russian Everyday Speech (Considering the Social Relations Aspect)

Cui Lili, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), lilicui@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses speech acts of refusal, which are realized by means of a non-particular (acting as a non-particle) word *net* in Russian oral speech. The article focuses on social relationship of the speakers. The context analysis was based on the samples from Russian everyday speech corpus “One Speaker’s Day”, which is one of the most representative sources for the study of contemporary Russian oral discourse.

As a result of the analysis we selected and qualified various ways of expressing the speech act of refusal, detected cases of categorical and noncategorical refusal to respond to a request or a suggestion and traced the impact of social relationship of the speakers to such type of refusal.

The whole analysis is based on the ratio of the speaker’s and the listener’s (interlocutor’s) speech acts. The article considers the cases of symmetrical (equal) and asymmetrical (unequal) social relationships between the interlocutors. We analyzed a number of contexts which include the word *net* acting as a non-particle. The contexts were extracted from transcripts of

89 macro-episodes, which were recorded from 24 informants and their communicators (more than 26 hours of the recording, 257 639 word-usages). The results of this study can be used not only to complete a full description of refusal speech acts, but also to teach Russian as a foreign language and to study speech communication.

KEYWORDS: refusal speech act, speech corpus, everyday speech, communication, social relationship of speakers

FOR CITATION: Cui Lili. The Refusal Speech Act in Russian Everyday Speech (Considering the Social Relations Aspect). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 5. Pp. 79–92. DOI: 10.31857/S013161170005694-2.

Дискуссия о сущности *лингвистической прагматики* показывает, что прагматика может пониматься как в широком смысле, включая социолингвистику, психолингвистику и другие области языкознания, связанные с функционированием языка в обществе, т. е. как *лингвистика речи*, так и в узком смысле — как отношение знака к человеку [Levinson 1983: 3]. Первый подход представляется наиболее интересным, и именно такое понимание прагматики принято в настоящем исследовании.

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми, межличностные и институциональные, а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые упрощенно можно разделить на отношения подчинения, или зависимости (асимметричные), и отношения равенства (симметричные) [Крысин 2000: 38]. В повседневной коммуникации в каждом речевом акте (РА) говорящий выбирает ту или иную социальную роль из конкретного, присущего лично ему, ролевого набора (отец, муж, сын, профессор, директор фирмы, клиент и т. д.) и в соответствии с этой ролью строит свою речь. Измерение смысла слова с позиции речевых актов дает возможность учесть факторы, относящиеся к сфере коммуникантов: характерные признаки личности, интенции, установки, межличностные отношения собеседников [Девкин 1979: 25]. Ролевое взаимодействие людей в большинстве ситуаций вербально, поэтому успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации [Крысин 2004: 430].

Настоящая работа посвящена описанию речевого акта отказа, реализованного с помощью непартикулярного (выступающего в роли не-частицы)

слова *нет*¹. Внимание сосредоточено на симметричности / асимметричности социальных отношений участников общения², в статье рассматривается, как эти отношения влияют на характер РА отказа — в ответ на просьбу или предложение / совет. Речевой акт отказа — это акт негативной реакции, возникающей в ответ на просьбу, требование или приказ собеседника, при котором говорящий не имеет возможности или желания выполнить требуемое действие (вербальное или невербальное) [Боргер 2004: 15]. Можно сказать, что речевой акт отказа является «иллокутивным вынуждением», под которым понимается одна из связей, одно из проявлений законов сцепления, действующих на пространстве диалога, это прагматическая необходимость, определяемая контекстом ситуации, социальными и психологическими мотивами [Баранов, Крейдлин 1992].

Источником материала для настоящего исследования послужил звуковой корпус русской повседневной речи «Один речевой день» («ОРД»), один из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для исследования современного русского устного дискурса, который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете (см. о нем подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017, 2019]). Для конкретного анализа был создан небольшой пользовательский подкорпус, включающий контексты со словом *нет* в рассматриваемой функции. Контексты извлечены из расшифровок 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов (всего более 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений³).

В случае асимметричных социальных ролей наблюдается активность (доминирование) того говорящего, чей статус «выше» по какому-то параметру. По мнению Т. В. Лариной, социальные взаимоотношения между собеседниками определяются двумя основными факторами: *социальная дистанция* и *социальная власть*, отношения между коммуникантами могут варьироваться в зависимости от разной степени дистантности / интимности и симметричности / асимметричности, т. е. измеряться в параметрах «дальше — ближе», «выше — ниже». Иногда они могут характеризоваться одним параметром, когда коммуниканты либо равны по статусу, но их отношения не являются близкими, как, например пассажи-

¹ По данным анализа материалов «ОРД», слово *нет* имеет высокий, 32-й, ранг в частотном словнике, на его долю приходится 0,47 % всех словоупотреблений в корпусе (см.: [Русский язык повседневного общения... 2016]).

² О принципе симметричности / асимметричности отношений см.: [Беликов, Крысин 2001: 201–202]).

³ Под *словоупотреблением* понимается фрагмент текста «от пробела до пробела». При этом в число словоупотреблений попадают и знаки расшифровки, и невербальные элементы звукового потока, и разного рода речевые сбои и обрывы. Думается, однако, что и при таком, несколько условном, понимании термина общая картина материала оказывается вполне достоверной.

ры в транспорте, либо, наоборот, находятся в очень близких, интимных, отношениях, но не равны по статусу, например мать и дочь. Однако чаще всего их характеризуют оба параметра, которые варьируются в зависимости от ситуации, например учитель — ученик, начальник — подчиненный (см. об этом подробнее: [Ларина 2009]). Рассмотрим разные ситуации из материала исследования.

1. Симметричные социальные отношения между участниками коммуникации

Диалог — это обмен репликами, это всегда переход некоей информации от одного участника к другому и наоборот. Приведем примеры микродиалогов, которые А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин называют «минимальной диалогической единицей» и которые строятся путем операции замыкания отношений иллокутивного вынуждения и самовынуждения [Баранов, Крейдлин 1992: 84]. В настоящей работе определяем, что стимулирующее лицо — это говорящий, и мы имеем речевой акт говорящего (РАГ), а отвечающее лицо — собеседник, и мы имеем речевой акт слушающего / собеседника (РАС). См.⁴:

1) М1: *у тебя есть моя фотка?*

И15: *боже упаси //*

М1: *сфоткай меня //*

<...>

М2: *нет бл *дь*

И15: *давай быстрее //*

М1: *давай / сфоткай //*

М2: *да и чёрт с ним //*

2) М2: *купи мне //*

М1: *нет //*

М2: *на / можешь забрать //*

В примерах (1)–(2) курсанты из окружения (в рамках «речевого дня») И15 ведут свои разговоры.

В контексте (1) РА говорящего (М1) — прямая просьба (*сфоткай меня*), а РА слушающего (М2) — категоричный отказ (*нет*), с добавлением

⁴ Все примеры в статье атрибутируются с указанием номера говорящего (И1, И2...) и его коммуникантов (М1, М2... — мужчины; Ж1, Ж2... — женщины; Р1, Р2... — ребенок (дети); НМ, НЖ — неизвестные мужчина или женщина). Подробнее о специальных обозначениях в транскриптах «ОРД» см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

непечатного выражения. М1 повторяет свою просьбу (*давай / сфоткай*), которую поддерживает и И15 (*давай быстрей*).

В контексте (2) РА говорящего (М2) — это также прямая просьба (*купи мне*) (речь идет о сигаретах), а РА слушающего (М1) — снова категоричный отказ (*нет*), без всяких вариантов.

В обоих случаях говорящие (М1 и М2) нисколько не удивлены отказом. В примере (1) собеседник (М2) все же соглашается выполнить просьбу (*да и чёрт с ним*); в примере (2) говорящий спокойно меняет тему разговора: *на / можешь забрать* (по-видимому, готовую фотографию).

Отношения говорящих в обоих случаях симметричные, доминирования нет.

3) НЖ: *подать ещё стаканчик?*

И27: *да нет подожди //*

НЖ: *(э-э) дайте ещё //*

Пример (3) — это разговор между студентками в столовой, РАГ (НЖ) — вопрос-предложение (*подать ещё стаканчик?*), РАС (И27) — некатегоричный, мягкий отказ (*да нет подожди*), который НЖ не воспринимает как отказ, реагирует на него после небольшой паузы (э-э) как на согласие и просит (видимо, официанта или иного работника столовой): *дайте ещё*. Отношения говорящих, как и в предыдущих примерах, симметричные, доминирования нет.

4) Иб: *ну нет / видишь / я думала / что нет молока / я поэтому чай налила / так я б кофе попила б //*

Ж1: *так вылей чай / господи боже мой!*

Иб: *нет // ты что / ты что //*

В примере (4) преподаватель-медик Иб и ее коллега Ж1 разговаривают в ординаторской. РАГ (Ж1) — совет (*так вылей чай*), РАС (Иб) — категоричный и весьма эмоциональный отказ с междометием-«объяснением»: *нет // ты что / ты что* (= как можно выливать чай?!). Отношения говорящих также являются симметричными, доминирования нет.

5) Иб4: *а вот / те похоже не прижились // или их выкопали / или они не прижились // которые однако же всегда у меня росли на могилке // вот это вот надо (...) выдрать //*

Ж1: (молчание)

Иб4: *сказала / как ты //*

Ж1: *да / будем делать(?) //*

Иб4: *так разве не знаем / что это такое / может подождать?*

Ж1: *нет / это... я думаю / что это (...) что-то древесного вида //*

Иб4: *да / мне тоже так кажется //*

Ж1: угу / нам такого не надо //

И64: а?

Ж1: наверное /

Разговор в примере (5) происходит на кладбище, между женщиной-инженером и ее подругой. РАГ (И64) — вопрос-предложение/совет (*может подождать?*), РАС (Ж1) — спокойный отказ, с попыткой его прокомментировать и в результате со сменой темы разговора: *нет / это... я думаю / что это что-то древесного вида*. Отношения говорящих симметричные, доминирования нет.

б) М1: сейчас я дам чемо... // у меня вот / к... () длинный провод есть / я покажу и () одну секундочку // давай сначала одно / () Лёнечка сначала //

И38: нет / у тебя там с дамами что-то надо улаживать / улаживай //

М1: да **нет** ничего не надо // да не надо / они просто... /

И38: держи его уже ты // чего мне... чего мне на него смотреть?

М1: давай-ка я лучше / а вот как ты включил / одну секундочку / вот я...

В примере (6) разговор между инженером-компьютерщиком (И38) и его знакомым (М1) происходит дома у М1, которому И38 помогает с освоением компьютерных программ. В примере можно видеть сразу два микродиалога с отказом, содержащих слово *нет*. В первом случае (а) РАГ (М1) — это просьба-предложение действовать определенным образом (*давай сначала одно*). В ответ (РАС) И38 категорично говорит *нет* и переводит разговор на другую тему. В результате появляется новый (б) РАГ (И38) — весьма настойчивый совет: *у тебя там с дамами что-то надо улаживать / улаживай*. РАС (М1) — многократный, но мягкий отказ: *да нет ничего не надо // да не надо*, который М1 попытается даже объяснить и прокомментировать (*они просто...*), но обрывает себя и возвращает разговор к компьютеру. И38 тоже не настроен продолжать тему о дамах, которая возникла спонтанно, в общении близких знакомых. Здесь мы имеем дело, скорее даже, с РА не отказа, а возражения (близкого к отказу): собеседник, произнося реплику *да нет ничего не надо // да не надо*, не столько отказывается улаживать что-то с дамами, сколько возражает, что ему вообще надо что-то с ними улаживать. Так или иначе, но отношения говорящих симметричные, явного доминирования нет.

Видно, что в примерах (1)–(2) и (6а) в ответ на РА просьбы слушатели реализуют категоричный отказ (*нет*), иногда с разного рода усилением. В примерах же (3)–(5) и (6б), в ответ на РАГ предложения или совета, следует РАС некатегоричного отказа, который слушатели пытаются смягчить комментариями или объяснениями. Очевидно, что все это характерно для неформального диалога, степень эксплицитности (выраженности)

которого снижена в рамках симметричных отношений: «чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляется тенденция к свертыванию высказываний» [Беликов, Крысин 2001: 202]. Отношения во всех рассмотренных случаях — симметричные: общаются однокурсники, коллеги, подруги и хорошие знакомые.

Таким образом, в рамках рассмотренной выборки контекстов⁵ симметричные социальные отношения участников разговора можно представить в виде схемы (см. рис. 1), где P_x — говорящий, P_y — слушатель / собеседник, $P_x = P_y$ — симметричные отношения говорящих.

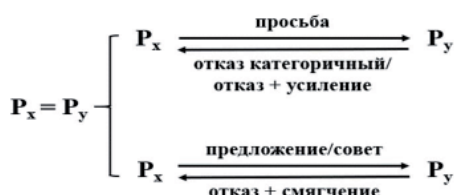

Рис. 1. Речевой акт отказа при симметричных социальных отношениях говорящих

Fig. 1. Refusal speech act in symmetrical social relationship of the speakers

Стоит также отметить, что РА отказа в ответ на просьбу и РА отказа в ответ на предложение / совет реализуются разными речевыми средствами. Слово *нет* служит универсальной формой отказа в обоих случаях, однако прочие средства, усиливающие или смягчающие отказ, различаются в этих двух различных коммуникативных ситуациях. Одним из способов смягчения отказа является, например, единица *да нет*, прочие средства отмечены выше в комментариях к примерам.

Рассмотрим далее асимметричные отношения между собеседниками.

2. Асимметричные социальные отношения между участниками диалога

7) Ж1: *это шампанское / вкусно?*

Ж4: *(э-э) вкусно!*

Ж1: *ещё хочешь?*

Ж4: *нет //*

Ж1: *а почему?*

Ж4: *боюсь //*

Ж1: *чего ты боишься?*

Ж4: *я что / пьяная буду //*

Ж1: *ну и что!*

⁵ Расширение материала может как подтвердить, так и опровергнуть предлагаемую схему, что не отменяет ее значимости как одного из возможных (промежуточных) вариантов интерпретации рассматриваемой ситуации. Предлагаемые наблюдения можно рассматривать также как некоторый методологический шаг на пути контекстного анализа устной речи.

В примере (7) разговор (в рамках «речевого дня» И4) происходит между близкими родственниками разного возраста: Ж1 — очень взрослая дочь, около 70 лет, и Ж4 — ее мать, около 90 лет. РАГ (Ж1) здесь — вопрос-предложение (*ещё хочешь?* [шампанского]), а РАС (Ж4) — отказ (*нет*). После отказа Ж1 не успокаивается (*почему? чего ты боишься?*), не принимает объяснения Ж4 (*боюсь; я что / пьяная буду*) и настаивает на своем предложении (*ну и что!*).

Перед нами довольно интересный пример изменения семейной иерархии. Обычно считается, что в семье ролевой статус родителей всегда выше, чем у детей. Однако в определенном возрасте человек, утрачивая экономическую и физическую самостоятельность, становясь зависимым от своих более молодых родственников, теряет свое доминирующее положение, и его ролевой статус становится ниже, чем статус его взрослых детей. В результате отношения собеседников в контексте (7) асимметричны: дочь явно доминирует в разговоре, ее статус (в частности, по возрасту) оказывается «выше».

Следующую серию микроэпизодов из «речевого дня» И4 представим в виде таблицы, демонстрирующей возможности аннотирования РА отказа в материале устного дискурса.

Таблица. Пример аннотирования речевых актов отказа
An example of speech acts annotation

Фрагмент	Код говорящего	Речевой акт	Тип РА	Комментарий к РАС
8)	И4	<i>я не поняла / да или нет?</i>	РАГ: уточняющий вопрос-предложение	
	Р1	<i>нет //</i>	РАС: отказ	категоричный отказ
	И4	<i>а ещё раз про (...) Чебурашку?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	Р1	<i>нет / тоже не хочу!</i>	РАС: отказ	двойное отрицание
9)	И4	<i>Димочка / а может быть ты хочешь поиграть в конструктор?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	Р1	<i>нет /</i>	РАС: отказ	категоричный отказ
	<...>			
	И4	<i>а порисовать тоже не хочешь?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	Р1	<i>а нет //</i>	РАС: отказ	категоричный отказ

Окончание таблицы

Фрагмент	Код говорящего	Речевой акт	Тип РА	Комментарий к РАС
10)	И4	<i>вот / правильно / давай вешай // купаться пойдёшь?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	P1	нет //	РАС: отказ	категоричный отказ
	<...>			
	И4	<i>какой фонтан? Димуль / слезай! <u>купаться идёшь</u> или нет? <u>если нет</u> / <u>то отправляйся в постель</u> / уже поздно //</i>	РАГ ¹ : вопрос-предложение РАГ ² : приказ	
P1	нет / сейчас буду...	РАС: отказ + констатив, начало сообщения о том, что собирается делать	категоричный отказ, смена темы	

Перед нами три фрагмента — (8)–(10) — разговоров между матерью (И4) и ребенком (P1), из которых видно, что мать многократно предлагает ребенку посмотреть мультики (1), поиграть во что-нибудь (2) и искупаться перед сном (3) (РА вопроса-предложения и даже приказа), но ребенок упорно отказывается, как правило весьма категорично, порой с двойным отрицанием (*нет не хочу*), либо уходит от разговора и меняет его тему.

Этот случай также стоит прокомментировать более подробно. Ясно, что ролевой статус матери всегда выше, чем статус маленького ребенка. И хотя мать здесь действительно уступает ребенку в разговоре (сознательно избирая подобную речевую стратегию), это не означает, что ее статус ниже статуса ребенка. Однако формально снова налицо асимметричные отношения, мать «уступает», а ребенок «доминирует» в разговоре.

- 11) Ж1: *а скажите мне... а вот когда... / вот тут идея в чём / что вот эта штука / и кровать / и / и стол / и всё из одного... материала //*
И45: *так в...*
Ж1: *тогда нужно делать и кровать / и стол / и стул //*
И45: **нет нет нет** // зачем?
Ж1: *ну а что?*
И45: *зачем? мы же п... мы с...*
Ж1: *ну тогда не стильно как-то будет / мы же...*
И45: *очень стильно получается // очень стильно получается // мы же с тобой говорили о том / что мы решаем в принципе //*

В примере (11) И45, режиссер-преподаватель, ведет профессиональный разговор с младшим (по-видимому) коллегой (Ж1). РАГ (Ж1) — совет, РАС (И45) — очень категоричный отказ с риторическим вопросом: *нет нет нет // зачем?* Ж1 пытается объясниться, но И45 стоит на своем: *зачем? мы же п... мы с...*, и на этом разговор не заканчивается. Судя по обращению на *Вы* со стороны Ж1 (*скажите мне*) и на *ты* — со стороны И45 (*мы же с тобой говорили*), говорящие находятся в асимметричных социальных отношениях, положение И45 несколько «выше». На основе теории Т. В. Лариной можно построить такую схему — см. рис. 2.

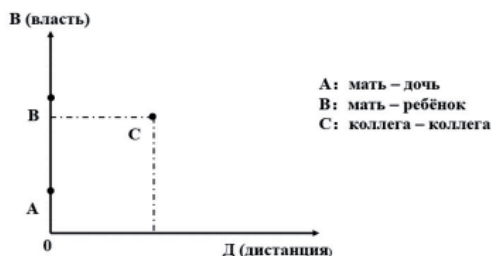

Рис. 2. Типы социальных отношений | Fig. 2. Types of social relationship

На схеме видны два основных фактора, влияющих на характер коммуникации: социальная дистанция (Д) и социальная власть (В). Иногда они характеризуются одним параметром, когда коммуниканты находятся в очень близких отношениях, но не равны по статусу [Ларина 2009], как, например, мать — дочь (фрагмент 7; А на рис. 2) или мать — ребенок (фрагменты (8)–(10) в таблице; В на рис. 2), А «ниже», чем В, потому что в примере (7) общаются две взрослые женщины, а в примерах (8)–(10) мать все же «владеет правами ребенка». Однако чаще всего коммуникацию характеризуют оба параметра, которые варьируются в зависимости от ситуации, как в примере (11) коллега — коллега (С на рис. 2): доминирует в разговоре тот, чья власть «выше».

Таким образом, асимметричные социальные отношения участников разговора можно представить в виде схемы (опять же — в рамках проанализированной выборки контекстов) (см. рис. 3), где P_x — говорящий, P_y — слушающий / собеседник, $P_x \neq P_y$ — асимметричные отношения говорящих. Здесь возможны варианты $P_x < P_y$ (статус P_x «ниже» статуса P_y) и $P_x > P_y$ (статус P_x «выше» статуса P_y ; этот вариант (серое на рисунке) в материале исследования пока не обнаружен)⁶.

⁶ Возможен, по-видимому, также вариант, когда человек, имеющий более высокий ролевой статус, в ответ на предложение / совет дает мягкий отказ. Ср., например: — *Наталья Ивановна / хотите семечек? — Нет / спасибо Катенька / я семечки не ем //*. Или, например, когда человек, имеющий более низкий ролевой статус, в ответ на предложение / совет дает категоричный отказ (или даже отказ с усилением). Такая ситуация является потенциально конфликтной, хотя не всегда выливается в дисгармоничное речевое поведение. Именно к этому типу следует отнести примеры (8)–(10) (общение матери с маленьким ребенком), где мать не конфликтует с ребенком, несмотря на его категоричный отказ и ее более высокий ролевой статус.

Рис. 3. Речевой акт отказа при асимметричных социальных отношениях говорящих

Fig. 3. Refusal speech act in asymmetrical social relationship of the speakers

Анализ корпусного материала (в рамках пользовательского подкорпуса) показал, таким образом, что в русской повседневной речи социальные отношения участников общения могут оказывать влияние на речевой акт отказа, реализованного с помощью слова *нет*. Русский человек, который «может действовать очень активно и эффективно, но кратковременно, не прячет истинную эмоцию за улыбкой и вежливо-сдержанной маской, как принято в западном общении. Ему свойственна непосредственная эмоциональная реакция на содержание разговора» [Прохоров, Стернин 2006: 183]. Особенности построения диалога зависят от социальной дистанции и социальной власти участников, но в устной речи люди часто меняют свою социальную роль и эти параметры варьируются в зависимости от конкретной ситуации.

Литература

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21 / гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019 (в печати).

- Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 257 с.
- Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Предисловие А. Вежбицкой. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: Коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation principles and annotation // The 12th International Conference on Text, Speech and Dialogue – TSD 2009 / ed. by V. Matoušek, P. Mautner. Vol. 5729. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009, pp. 250–257.
- Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 420 p.

References

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation principles and annotation // The 12th International Conference on Text, Speech and Dialogue – TSD 2009. no. 5729. Berlin, Heidelberg: Springer, 2009, pp. 250–257. (In Eng.)
- Baranov A. N., Kreidlin G. E. [Illocutive coercion in the structure of the dialogue]. *Voprosy Yazykoznanija*, 1992, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.)
- Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika: uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: textbook for universities]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 439 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. [Speech corpus of russian language: a new methodology for analyzing of oral

- speech]. *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka* [Language and method: The Russian language in the linguistic studies of the 21st century]. Iss. 2. Krakow, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [Corpus “One Speaker’s Day” in studies of sociolinguistic variability of russian colloquial speech]. *Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara “Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017)”* [Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar “Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)”]. St Petersburg, 2017, pp. 14–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [The corpus of the russian everyday communication “One Speaker’s Day”: Current state and prospects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proc. of the V. Vinogradov’s Institute of the Russian Language]. 2019, no. 21. In Print. (In Russ.)
- Borger Ya. V. *Kompleksnyi analiz rechevykh aktov negativnoi reakcii (na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedenii)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Comprehensive analysis of speech acts of negative reaction (on the material of modern dramatic works). Abstract of PhD thesis.]. Tumen’, 2004. 21 p.
- Devkin V. D. *Nemeckaya razgovornaya rech’: sintaksis i leksika* [German spoken language: syntax and vocabulary]. Moscow, 1979. 257 p.
- Krysin L. P. [Social labeling of language units]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2000, no. 4, pp. 26–42. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svojo i chuzhoe: Issledovanya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvictike* [The Russian word, own and others: studies in Modern Russian and sociolinguistics]. Moscow, LRC Publ., 2004. 888 p.
- Larina T. V. *Kategorija vezhlivosti i stil’ kommunikacii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul’turnykh tradicii / Predislovie A. Vezhbitskoi* [The Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguocultural traditions. Foreword A. Vezhbitskoi]. Moscow, LRC Publ., 2009, 512 p.
- Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983, 420 p.
- Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkie: Kommunikativnoe povedenie* [Russian: communicative behavior]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006, 238 p.
- Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh social’nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya* [Everyday Russian language in different social groups. Collective monograph]. St Petersburg, LAIKA Publ., 2016, 244 p.
- Sherstinova T. Yu., Ryko A. I., Stepanova S. B. [Annotation system in the ORD Speech Corpus]. *Trudy XXXVIII Mezhdunar. filol. konf.: Formal’nye metody analiza russkoi rechi: materialy* [Proc. Int. filol. conf.: Formal methods of analysis of Russian language]. St. Petersburg, 2009, pp. 66–75. (In Russ.)

Из истории русского языка

Трудные места из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского на церковнославянском языке (варианты чтения на примере песни 1)

Лариса Ивановна Маршева, Институт развития родных языков народов
Российской Федерации, Центр реализации государственной образовательной политики
и информационных технологий, Сретенская духовная семинария (Россия, Москва), haufen@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005695-3

АННОТАЦИЯ: Степень понимания глубоких по смыслу слов и выражений церковнославянского языка как части русского языка в настоящее время можно назвать не слишком высокой. А значит, необходимо вернуть значения, утраченные в русском языке и вышедшие из сознания людей, с помощью альтернативных синонимичных замен, не ущемляющих и не упрощающих церковнославянский язык, но, напротив, приносящих точность и живость в ставшую привычной неясность, или с помощью комментария.

В статье на примере первой песни Великого покаянного канона святого Андрея Критского на церковнославянском языке рассматриваются трудные места и варианты их чтения и предлагается возможная технология его исправления: прочтение канона с точки зрения человека, находящегося в Церкви недавно; сопоставление отдельных рукописей и старопечатных версий Постной триоди с текстом современного богослужебного использования, а также с уже исправленным текстом комиссии, возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским),

и другими редакциями и переводами канона; их сличение; выявление схожих и различающихся мест в отношении непонятных для восприятия слов и выражений; систематизация лексикографических данных, которые способны пролить свет на малопонятные места; поиск церковнославянских синонимов на основе обратного перевода с русского языка на церковнославянский; выявление параллелей в Священном Писании на церковнославянском языке; составление перечня возможных синонимичных замен трудных для понимания слов или выражений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великий покаянный канон святого Андрея Критского, церковнославянский язык, церковнославянское редактирование, структурно-смысловое прояснение, вариативное чтение, правка

для цитирования: Маршева Л. И. Трудные места из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского на церковнославянском языке (варианты чтения на примере песни 1) // Русская речь. 2019. № 5. С. 93–106. DOI: 10.31857/S013161170005695-3.

From the History of the Russian Language

Difficult Passages from the Great Canon of St. Andrew of Crete in Church Slavonic (Interpretation Options Based on Song 1)

Larisa I. Marsheva, The Institute for the Development of Native Languages in Russian Federation, The Center for the Implementation of State Educational Policy and Information Technologies, Sretenskaya Theological Seminary (Russia, Moscow), haufen@mail.ru

ABSTRACT: Nowadays most people do not show deep understanding of profound words and expressions in Church Slavonic language, which is a part Russian language. It is necessary to rediscover the lost values using alternative synonymous substitutions that do not distort or simplify the Church Slavonic language but, on the contrary, introduce accuracy and liveliness into the

obscurity, which became a part of the texts in Slavonic Church language. Another way to make the texts clear is to use a commentary.

The article uses the first song of the Great Canon of St. Andrew of Crete in Church Slavonic to analyze hard passages and suggests the ways of interpreting them. In addition, the research offers a technology for correcting the canon. The paper discusses:

- interpreting the canon from the perspective of a person who is in the Church recently;
- comparing individual manuscripts and old printed versions of the Lenten Triodion with the modern liturgical text, as well as with the text, which has been amended by the commission headed by Archbishop Sergius Stragorodsky and other editors, with other translations of the canon;
- identifying similar and different passages in order to find and analyse obscure words and expressions;
- systemizing lexicographic data that can shed light on little-understood places;
- searching for Church Slavonic synonyms based on a reverse translation from Russian into Church Slavonic;
- identifying parallels in the Holy Scripture in Church Slavonic;
- drawing up a list of possible synonymous substitutions for the difficult words or expressions.

KEYWORDS: The Great Penitential Canon of St. Andrew of Crete, Church Slavonic, Church Slavonic editing, structural and semantic clarification, variable interpreting and editing

FOR CITATION: Marsheva L. I. Difficult Passages from the Great Canon of St. Andrew of Crete in Church Slavonic (Interpretation Options Based on Song 1). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 5. Pp. 93–106. DOI: 10.31857/S013161170005695-3.

Степень понимания глубоких по смыслу слов и выражений церковнославянского языка как части русского языка в настоящее время можно назвать не слишком высокой [Кравецкий]. А значит, необходимо вернуть значения, утраченные в русском языке и вышедшие из сознания людей, с помощью альтернативных синонимичных замен, не ущемляющих и не упрощающих церковнославянский язык, но, напротив, привносящих точность и живость в ставшую привычной неясность, либо с помощью комментария.

На примере исследования языковых особенностей церковнославянского текста Великого покаянного канона святого Андрея Критского можно выявить некоторые самые трудные для понимания места и аргументированно предложить варианты их альтернативных прочтений. Именно этому посвящена данная статья.

Великий покаянный канон святого Андрея Критского является выдающимся гимнографическим произведением, название которого, среди прочего, отражает широту раскрытия главной темы — покаяния, а также и объем текста. Согласно современной печатной Постной триоди (богослужебной книге, которая содержит в себе молитвословия на дни Великого поста с тремя приготовительными седмицами к нему и Страстной седмицы), куда он и входит, Великий канон включает более 200 тропарей. Это краткие молитвенные песнопения, в которых раскрывается сущность вспоминаемого события. Они, в свою очередь, формируют девять песней, включая вторую, которая в большинстве других канонов отсутствует [Седакова 2005].

Надо сказать, что в Русской православной церкви официально допустимы три варианта церковнославянского текста Триоди постной: текст, подверженный правке при патриархе Никоне [ТП 2015; ВК 1997], текст «старого обряда» [ВК 2012], а также текст, утвержденный Святейшим синодом (изданный в 1915 году Московской синодальной типографией), содержащий в себе исправления, внесенные в начале XX столетия комиссией по исправлению богослужебных книг, возглавляемой архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) [ТП 1915].

Ниже будут сопоставлены три варианта чтения трудных для понимания мест из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского — на примере песни 1, с внесением комментариев и дополнений, которые впоследствии могут быть использованы при исправлении церковнославянского текста. При этом предлагаются варианты из рукописей Триоди постной конца XIV и XVII вв. [РГБ 25; РГБ 1038; НБКМ 203] (стоит отметить, что именно они, при наличии иных, изученных на настоящий момент источников, дают большее число отличий от современного текста). Кроме того, приводится перевод на русский язык отдельных слов и возможные синонимы (обоснованные замены). В некоторых местах необходимо указать возможные параллели употребления рассматриваемых труднопонятных слов в церковнославянском тексте Библии [Библия], а также Триоди цветной [ТЦ 2010].

Все представленные материалы могут использоваться в дальнейшем для редактирования церковнославянского текста или особого издания с предложенными вариативными чтениями трудных мест.

Основные условные обозначения, которые используются в статье: К — перевод на русский язык Великого покаянного канона, выполненный

Н. Кедровым, НР — перевод митрополита Никодима (Ротова), Г — новый церковнославянский перевод, выполненный епископом Августином (Гуляницким), К-цсл — церковнославянская редакция (или сноски) Н. Кедрова, КИБК — текст канона, отредактированный комиссией по исправлению богослужебных книг, СП — Священное Писание [Кедров 1915; Никодим; Августин (Гуляницкий) 1882; ТП 1915; Библия].

Ѡкѡдѡ начнѡ плѡкати ѡкѡннагѡ моегѡ житїѡ дѣѡнїи;

Ѡкѡдѡ (начальная форма совпадает)

Значение по церковнославянско-русским словарям: откуда [Срезневский 1902: 791]

Значение согласно русским переводам: С чего (К), Откуда (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: Какъ [НБКМ 203]

Замена в других церковнославянских редакциях: отсутствует

Предлагаемые вариативные замены: Кѡкъ

Перевод с церковнославянского соответствует переводу с греческого оригинала (πόθεν — вопросительное наречие: 'откуда; откуда-либо; с чего бы; как, каким образом'). Однако данное слово начинает Великий канон и Ѡкѡдѡ уже настолько прижилось в церковном сознании, что менять его не стоит.

В качестве факультативного чтения можно предложить кѡкъ.

Грдн ѡкѡннаѡ дѡшѡ, ѡз плѡчїю твоѡю, зндѡнїтѡ вѡсѡх ѡповѣждѡса,
н ѡсгѡннаѡ прочѡе прѣжднѡгѡ беззловѣстѡ, н принѡсн бгѡ вѡ покѡннн слѣзы.
прочѡе (начальная форма прѡчїи)

Значение по церковнославянско-русским словарям: итак, впредь, в оставшееся время, никогда уже [Дьяченко 2013: 520]

Значение согласно русским переводам: наконец (К)

Различия в «дониконовских» текстах: прочѡче [НБКМ 203], прочѡе [РГБ 25], прочѡѣ [РГБ 1038]

Замена в других церковнославянских редакциях: конѣчнѣ (КИБК), наконѣцѡ (К-цсл), уже (Г)

Предлагаемые вариативные замены: конѣчнѣ, оѡжѡ, наконѣцѡ, (ѡ) прочѡе вѡремѡ, прѡчїн днн¹ (прѡчѡе днѡ), (конѣцѡ же²)

¹ Однако нужно обратить внимание на то, что слово дѡнь в церковнославянском языке относится к 4 склонению [Плетнева, Кравецкий 2014: 243] и в именительном падеже множественного числа имеет форму: днн. И соответственно — прѡчїн.

² В СП также есть место: *Вонѣцѡ же, вѡн ѡдиноумѡдрѡнн ѡзднѡче, мїлостнѡнн, брѡтолѡбнѡцы, (мнлѡсѡрднн,) блгѡгѡтрѡбнн, мѡдрѡлѡбнѡцы, смнренѡумѡдрн (1 Петр. 3: 8). Синодальный перевод таков: **Наконец** будьте все единомыслѡнны, сострадѡтельны, брѡтолѡбнѡвы, мнлѡсерды, дружелѡбнѡы, смнренѡумѡдры.*

В греческом тексте стоит слово λοιπόν. И в контексте оно имеет значение 'итак' [Седакова 2005: 289]. Что касается наконѣцъ, предложенного Н. Кедровым, то в СП есть слово наконѣцъ: Наконѣцъ возглю на ѣзыкъ ѿ на църкѣтѣ, да ѿкореню ѿхъ ѿ разорю ѿ расчючѣ ѿ (Иер. 18: 7). Однако похожее сочетание в каноне встречается в контексте (понѣ) на конѣцъ и҃и҃и ма. И если использовать наконѣцъ вместо прѣчѣе, нужно заменять его и в других местах, поэтому в сносках для вариативной замены можно предложить конѣчнѣ (нет в СП) и ѿ҃жѣ.

Кроме того, для *впредь* (одно из значений прѣчѣе) словарь синонимов дает синонимы *в будущем, в дальнейшем, на будущее время* [Александрова 2001: 67], поэтому можно оставить прѣчѣе и для прояснения добавить к нему слово брѣма.

В словаре Памвы Берынды «Лексикон словенороський» XVII в. к слову прѣчѣе дается объяснение-синоним *ѿкъ прѣчѣе дне* [Берында: 102], и такой вариант (без *ѿкъ*) можно использовать наравне с прѣчѣе брѣма.

Поэтому вариативной заменой может быть и конѣцъ же, однако оно не соответствует анализируемому тексту.

БЕЗСЛОВЕІІА (начальная форма БЕЗСЛОВЕІІЕ)

Значение по церковнославянско-русским словарям: бессмыслие [Дьяченко 2013: 36], неразумие, неведение, незнание Бога, непричастность к христианству [Бархударов (гл. ред.) 1975: 169], отсутствие духовного разума, понимания [Невоструев 2008]; *безсловесный* — глупый [Дьяченко 2013: 36], свойственный бессловесным (животным) [Бархударов (гл. ред.) 1975: 169]

Значение согласно русским переводам: безразсудства (К), неразумия (НР), безумия

Различия в «дониконовских» текстах: слабе [НБКМ 203], БЕЛОБЕІІА [РГБ 25]

Замена в других церковнославянских редакциях: нераздѣма (КИБК), *нераздѣма/нераздѣдѣтельности* (К-цсл), неразумия (Г)

Предлагаемые вариативные замены: *нераздѣма*, *бездѣма*

Из опыта работы комиссии по исправлению богослужебных книг «русское *бессловесный* — 'лишенный дара речи' не имеет значения 'лишенный разума, рассудка', актуального в богослужебных текстах» [Кравецкий, Плетнева 2001: 84].

Видѣла бо ѿ сѣи слаѣ, ѿ ѿзвѣлаѣ сѣи роуцѣ, ѿ конѣлаѣ сѣи дрѣва
ѿ вѣила сѣи дерзочнѣ **БЕЗСЛОВЕІІА** инѣдн.

слаѣ (начальная форма совпадает)

Значение по церковнославянско-русским словарям: худо [Невоструев 2008: 121], дурно, ложно [Седакова 2005: 127]

Значение согласно русским переводам: не с добром ты посмотрела (К), зло (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: нет различий

Замена в других церковнославянских редакциях: нет различий

Предлагаемые вариативные замены: зло, не добръѣ, хѣду, лѣжнѣ

Греческое *κακῶς* обозначает 'плохо, дурно, слабо' [Alpha]. Непонятно наречие *злѣ*, но, если его изменить и получить существительное *зло*, возможно, фраза прояснится.

Кроме того, не исключена замена на наречие *не добръѣ* (есть в СП — *Ревнѣютъ по блѣз не добръѣ, но ѡдѣнѣти блѣз хотѣтъ, да нѣмъ ревнѣете* (Гал. 4: 17)), или *лѣжнѣ* (*Но лѣжнѣ ѣже зрѣти и҃ма радн причворѣнѣа, ѡмѣплѣтнѣа хотѣшымъ* (Триодь цветная, шестая седмица по Пасхе, с понедельника по субботу), или на неологизм *хѣду* (нет в СП).

гѣрѣѣ (начальная форма совпадает)

Значение по церковнославянско-русским словарям: горько, жестоко, тяжело, с трудом [Дьяченко 2013: 129]

Значение согласно русским переводам: жестоко (К), горько (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: горко [РГБ 25]

Замена в других церковнославянских редакциях: нет различий

Предлагаемые вариативные замены: гѣрѣкѣ, тѣжкѣ

В греческом оригинале стоит *πικρῶς* 'горько, тяжело, мучительно, резко, сурово, жестоко'. Предлагаемые вариативные замены *гѣрѣкѣ* и *тѣжкѣ* присутствуют в СП: *И҃ приплѣхъ и҃ѡинѣз на днѣѣ Ѡтцѣа своегѡ, плѣкѣа (гѣрѣкѣ) ѡ нѣмъ и҃ ѡблѡкызѣ ѣгѡ* (Быт. 50: 1); *И҃ рече Ѡтцѣѣ своегѡ: не нѣмѣи себѣ тѣжкѣ, гоуподнѣ* (Быт. 31: 35).

безлѡвѣннѣа (начальная форма *безлѡвѣннѣй*)

Значение по церковнославянско-русским словарям: см. выше — *безлѡвѣиѣа*

Значение согласно русским переводам: безразсудной (К), пагубной (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: безѡмннѣа [РГБ 25]

Замена в других церковнославянских редакциях: *нерѣѡмннѣа* (КБИК) *безѡмннѣа* (К-цсл), *обольститѣльнѣа* (Г)

Предлагаемые вариативные замены: *нерѣѡмннѣа*, *безѡмннѣа*, *ѡбольститѣльнѣа*

И҃зъ же что погрѣждѣ, ѡмѣтѣа вѣгдѣ живѡтнѣа тѣѡѡ лѡвѣиѣ; живѡтнѣа (начальная форма *живѡтнѣй*)

Значение по церковнославянско-русским словарям: имеющий в себе жизнь [Дьяченко 2013: 184]; принадлежащий жизни, дающий жизнь [Седакова 2005: 124]

Значение согласно русским переводам: животворная (К), животворные (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: нет различий

Замена в других церковнославянских редакциях: живѡтвѡрнаа (КБИК), живѡтвѡрнаа (К-цсл), животворная (Г)

Предлагаемые вариативные замены: живѡтвѡрнаа, живѡтвѡрнаа, живѡтвѡрнаа³

Таким образом, допустимо употреблять живѡтвѡрнаа в отношении слов Господних.

Прѣнїе здатель живѡтвѡрнаа, вложилъ єси мнѣ плоть ѿ кѡсти,
и дыханїе ѿ жизни.

здатель (начальная форма совпадает)

Значение по церковнославянско-русским словарям: строитель, зодчий, гончар, горшечник [Дьяченко 2013: 199]

Значение согласно русским переводам: Скудельник (К), Создатель (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: тако скудельникъ [НБКМ 203], тако скудельникъ [РГБ 25], зидатель [РГБ 1038]

Замена в других церковнославянских редакциях: таkw скудельникъ (КИБК), аки скудельникъ (Г)

Предлагаемые вариативные замены: таkw скудельникъ, таkw горшечникъ
скудельникъ — горшечник. И в греческом тексте стоит именно это слово (ὁ κεραμεύς). Ср. у Н. Кедрова: «Брение (т. е. глину) оживотворив (как) скудельник (т. е. горшечник, гончар)» [Кедров 1915: 48].

Для понятности можно предложить вместо здатель употреблять выражение таkw горшечникъ. Такого слова нет в церковнославянском языке, но оно может стать неологизмом.

Повѣржена ма спсе, предъ враты твои ми, поне на старость
не ѡрини мене во ѡдъ тща.

Тѣмже зовѣ ти спсе: поне на конецъ спси ма.

тща (начальная форма тщца)

Значение по церковнославянско-русским словарям: пустой, порожний, напрасный [Дьяченко 2013: 728]; пустой, тщетный, напрасный [Седакова 2005: 360]

³ водъ живѡтвѡрнаа — сказано в беседе с самарянкой (Ин. 4: 10), а там речь идет о воде, текущей в жизнь вечную (Ин. 4: 14), и, как толкует это место свт. Кирилл Александрийский, Господь «водою животою» называет животворное дарование Духа» [Кирилл Александрийский 2001: 631].

Значение согласно русским переводам: непотребнаго (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: нет различий

Замена в других церковнославянских редакциях: непотрѣбна (К-цсл); КИБК — нет различий

Предлагаемые вариативные замены: непотрѣбна(гв), ничтожна(гв), безсильна(гв)

В греческом тексте есть слово κενόν, κενός ‘пустой, ничем не занятый, бездейственный, обманчивый, ничтожный’ [Alpha].

И таким образом, тцѧ — это краткое прилагательное, родительный падеж (при отрицании) от слова тѡцѧ. В тропаре речь идет о душе, которая уже выбилась из сил, пред вратами Божиими, и просит оставления прегрешений. Поэтому возможно вместо тцѧ использовать слова ничтожна(гв) или безсильна(гв).

понѣ (начальная форма совпадает)

Значение по церковнославянско-русским словарям: по крайней мере, хотя бы [Дьяченко 2013: 455]

Значение согласно русским переводам: хотя (НР, К)

Различия в «дониконовских» текстах: нет различий

Замена в других церковнославянских редакциях: при (концѣ) (от понѣ на концѣ) (КИБК); хотѧ (К-цсл)

Предлагаемые вариативные замены: хотѧ, хотѧ бы, ѧще бы возмѡжно было

В лексиконе Памвы Берынды есть объяснение слову понѣ как хотѧй, хоть [Берында: 87]. Греческое καὶ имеет значения ‘также бы, даже если, пусть даже, хотя бы даже, хотя бы, по крайней мере’ [Alpha].

Таким образом, возможна замена на фразу, которая, впрочем, немного искажает первоначальный смысл: ѧще бы возмѡжно было (взято из Иов 30: 24), на старость (при концѣ) не ѡрини менѣ. Если же отклонить данное чтение, можно прибегнуть к предложенному Н. Кедровым хотѧ.

Сщѣнникъ мѧ предвѣдѣвъ мѧмъ ѧде, ѧ левѧтъ вѧдѧ
въ лютыхъ нага презрѣ.

предвѣдѣвъ (начальная форма предвѣдѣти)

Значение по церковнославянско-русским словарям: Видеть перед собой (см. предзрѣти) [Дьяченко 2013: 480]; видеть перед собой [Седакова 2005: 266]

Значение согласно русским переводам: Заметив меня, священник прошел мимо (К); Священник, увидев меня, мимо прошел (НР)

Различия в «дониконовских» текстах: прѣѡже вѧдѣвъ [НБКМ 203], прѣже вѧдѣ [РГБ 25]

Замена в других церковнославянских редакциях: прѣжде видѣвъ (КИБК)

Предлагаемые вариативные замены: прѣдз собою видѣвъ, прѣжде видѣвъ, видѣвъ

Словарь паронимов предлагает следующий перевод рассматриваемого места тропаря канона: «Священник, увидев меня перед собой, прошел мимо» [Седакова 2005: 266]. Библейский контекст проливает свет на это слово: По сѣчю же свѣщенникъ нѣкій сѣждѣше пѣтѣмъ тѣмъ, и видѣвъ ѣго, мимоиде (Лк. 10: 31). Греческий оригинал таков: Ἐρεὺς με προῖδὼν ἀντιπαρήλαθε. И если перевести дословно, получится следующее: «Священник меня предвидев, проигнорировал». Однако, если обратиться к переводу с древнегреческого на новогреческий, можно прочесть: Ἐρεὺς μὲ εἶδε πρῶτος καὶ προσπέρασε — «Священник видел меня первым, прошел мимо».

Если брать за основу новогреческий перевод, то справедлива редакция комиссии под председательством архиепископа Сергия (Страгородского): Свѣщенникъ мѣ прѣжде видѣвъ мимоиде, и левитъ видѣвъ лютыхъ нага презрѣ: но ты, и зъ мѣрѣи воздѣбый иже, предстѣвъ оуцѣдѣри мѣ.

Однако, если следовать словарю паронимов, рассматриваемое предвидѣвъ равносильно прѣдз собою видѣвъ.

Кроме того, текст церковнославянской Библии указывает на вполне ясный смысл данного контекста: священник шел по дороге, видел попавшего в беду человека и прошел мимо. Важно отметить, как комментирует данный тропарь епископ Виссарион (Нечаев) в своей книге «Уроки покаяния в Великом каноне святого Андрея Критского»: то, что священник и левит прошли мимо избитого разбойниками, «значило, что данные через Моисея нравственные и обрядовые законы, служителями которых были ветхозаветные священники и левиты, не могли исцелить и спасти грешника» [Виссарион (Нечаев) 2013: 413]. И поэтому святой Андрей Критский обращается ко Христу: Но ты, и зъ мѣрѣи воздѣбый иже, предстѣвъ оуцѣдѣри мѣ, — и сравнивает Его с милосердным самарянином, ибо «с милосердием и состраданием самарянина Он послужил исцелению грешника, не возгнушался его греховных ран и нечистоты, но омыл их Своей Пречистой Кровью и умягчил благодатью Святого Духа (елей — образ благодати Святого Духа), открыл ему в Своей Церкви, как в гостинице, убежище и покой и, отходя... от земли на небо, поручил его попечению пастырей Церкви» [Виссарион (Нечаев) 2013: 413].

Таким образом, предвидѣвъ может ввести читателя в заблуждение, то есть может быть воспринято в значении церковнославянского слова предвидѣти 'предузнавать, проразумевать', если к нему не сделать должного объяснения, а лучше заменить, например, вариативным видѣвъ (согласно тексту Библии).

О́че щедрѣтъ, предвѣрѣвъ чѣмъ о́щѣдн.

предвѣрѣвъ (начальная форма предвѣрѣти)

Значение по церковнославянско-русским словарям: 1. Совершать что-либо прежде кого-либо, опережать, предупреждать кого-либо в чем-либо; 2. Поспешать, стараться быстро прийти куда-либо; 3. Опережать, обгонять, обходить кого-либо; 4. Предшествовать чему-либо [Богатова (гл. ред.) 1992: 180].

Значение согласно русским переводам: поспеши (К)

Различия в «дониконовских» текстах: блрнвк [НБКМ 203 и РГБ 25]

Замена в других церковнославянских редакциях: поспѣшнѣвъ (К-цсл), КИБК — нет различий

Предлагаемые вариативные замены: о́щмногѣрдн(в)ѣмъ надо мною, въ срѣтѣнїе(-н), встрѣтнѣвъ (неологизм), поспѣшнѣвъ

Соответствует греческому *προφθάσας*, *προφθάνω* — ‘встретить, застать врасплах’, а также ‘приветствовать’ [Седакова 2005: 266]. Здесь видна отсылка к притче о блудном сыне (Лк. 15: 11–14; Лк. 15: 17–18), а значит, если обратиться к церковнославянскому евангельскому тексту, можно заметить: *вѣщѣ же ѣмъ длѣче о́щъ, о́щрѣ ѣго́ о́тѣцъ ѣгѡ, ѥи мнѣз ѣмъ бытъ, ѥи тѣкъ нападѣ на выю ѣгѡ, ѥи ѡблѡбызѣ ѣго* (Лк. 15: 20). В греческом тексте Евангелия слово со значением *προφθάνω* в данном контексте не встречается, однако там есть *ἐσπλαγχισθη* ‘сжалился’ — *μнѣз ѣмъ бытъ*.

Если рассматривать переводческие варианты, слово *σπλαγχιζομαι* можно передать как ‘умилосердиться’, и поэтому *предвѣрѣвъ* стоит заменить на *о́щмногѣрдн(в)ѣмъ надо мною* — по смыслу, но не буквально.

Итак, выше рассмотрены самые важные с точки зрения необходимости прояснения смысла места, и, таким образом, была представлена возможная технология исправления церковнославянского текста Великого покаянного канона:

1) прочтение канона с точки зрения человека, находящегося в Церкви недавно, и выявление трудных для понимания мест; главным критерием здесь может стать необходимость обращения к церковнославянскому словарю, а также смещение значения для рассматриваемого церковнославянского слова в русском языке;

2) сопоставление некоторых рукописей и старопечатных источников Постной триоди с текстом современного богослужебного использования, а также с уже исправленным текстом комиссии, возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским), и другими редакциями и переводами канона;

3) сличение текстов основных источников и выявление схожих и различающихся мест в отношении непонятных слов и выражений;

- 5) систематизация лексикографических данных, которые способны пролить свет на малопонятные места;
- 6) поиск церковнославянских синонимов на основе обратного перевода с русского языка на церковнославянский;
- 7) установление параллелей для непонятных единиц в Священном Писании на церковнославянском языке;
- 8) составление перечня возможных синонимичных замен для трудных для понимания слов или выражений.

Нельзя не сказать также о необходимости привлечения святоотеческого наследия в отношении обоснованности производимых замен. Данная задача в настоящей работе не ставилась, однако она может быть решена впоследствии.

Источники

Августин (Гуляницкий) 1882 — *Августин (Гуляницкий), еп.* Великий канон Андрея Критского // Душеполезное чтение. 1882. Т. 1. Б. и., 1882. С. 232–261.

Берында — Лексикон словенороський Памви Беринди. К.: б. и., 1961. 271 с.

Библия — Библия. СПб.: Московская Синодальная типография, 1900. 1658 с.

ВК 1997 — Великий канон, читаемый в четверг пятой седмицы святого поста. Творение святого Андрея Критского. СПб.: Турусел, 1997. 36 с.

ВК 2012 — Великий покаянный канон иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критского. Верещагино: Печатник, 2012. 82 с.

Кедров 1915 — *Кедров Н.* Канон Великий, творение святого Андрея Критского Иерусалимского, чтмый в первую неделю поста. Славянский текст с русским переводом. М.: Типография Вильде, 1915. 143 с.

НБКМ 203 — NBKM 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.nationallibrary.bg/DWebClient/IntegrationViewer.aspx?DWSubSession=11489&v=1796>

Срезневский 1902 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 922 с.

РГБ 1038 — НИОР РГБ. Ф. 304.1. Оп. 1038. Триодъ постная, конец XVII в.

РГБ 25 — НИОР РГБ. Ф. 304.1. Оп. 25. Триодъ постная, конец XIV в.

ТП 1915 — Триодъ постная. М.: Московская Синодальная типография, 1915. 256 с.

ТП 2015 — Триодъ постная. М.: Издательство Московской Патриархии, 2015. 1008 с.

ТЦ 2010 — Триодь цветная. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 1010 с.

Alpha — Alpha online. Древнегреческо-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>

Литература

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. 565 с.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. 288 с.
- Виссарион (Нечаев), еп. Уроки покаяния по библейским сказаниям. М.: Сибирская Благовонница, 2013. 651 с.
- Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2013. 1120 с.
- Кирилл Александрийский, свят. Творения. Т. 2. М.: Паломник, 2001. 798 с.
- Кравецкий А. Г. Язык богослужения: правильно или понятно? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/yazyk-bogosluzheniya-pravilno-ili-ponyatno/> (дата обращения: 23.01.2019).
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
- Невострев А. И., прот. Словарь речений из богослужебных книг // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2008. Вып. 4 (14). М.: ПСТГУ, 2008. С. 71–112.
- Никодим (Ротов), митр. Канон преподобного Андрея Критского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/velikij-pokayannyj-kanon-prepodobnogo-andreya-kritskogo-v-perevode-mitropolita-nikodima-rotova/> (дата обращения: 23.01.2019).
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М.: Издательство Сретенского монастыря, АСТ-ПРЕСС, 2014. 272 с.
- Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.

References

- Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 565 p.
- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian XI–XVII centuries]. Vol. 18. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.

- Bogatova G. A. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian XI–XVII centuries]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1975. 371 p.
- D'yachenko G. *Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar'* [Complete Church Slavonic dictionary]. Moscow, Otchii Dom Publ., 2013. 1120 p.
- Kirill Aleksandriiskii. *Tvoreniya* [Creations]. Vol. 2. Moscow, Palomnik Publ., 2001. 798 p.
- Kravetskii A. G. *Yazyk bogoslužheniya: pravil'no ili ponyatno?* [Language of worship: right or clear?]. Available at: <https://www.pravmir.ru/yazyk-bogoslužheniya-pravilno-ili-ponyatno/> (accessed 23.01.2019).
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX – XX v.)* [The history of Church Slavonic language in Russia (end of XIX – XX centuries)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2001. 400 p.
- Nevostruev A. I. [Dictionary of speeches from the liturgical books]. *Vestnik PSTGU*, III: Filologiya. 2008, issue 4 (14). Moscow, PSTGU, 2008, pp. 71–112. (In Russ.)
- Nikodim (Rotov). *Kanon prepodobnogo Andrey a Kritskogo* [Canon of St. Andrew of Crete]. Available at: <http://www.pravmir.ru/velikij-pokayannyj-kanon-prepodobnogo-andreya-kritskogo-v-perevode-mitropolita-nikodima-rotova/> (accessed 23.01.2019).
- Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic]. Moscow, Sreten-skii monastyr' Publ., AST-PRESS Publ., 2014. 272 p.
- Sedakova O. A. *Tserkovnoslavyano-russkie paronimy* [Church Slavonic-Russian paronyms]. Moscow, Greko-Latinskii Kabinet Yu. A. Shichalina, 2005. 432 p.
- Vissarion (Nechaev). *Uroki pokayaniya po bibleiskim skazaniyam* [Lessons of penance by biblical tales]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2013. 651 p.

Об одной риторической фигуре в одической поэзии М. В. Ломоносова

Евгений Михайлович Матвеев, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), ematveev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170005696-4

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу функционирования в поэзии Ломоносова фигуры полиптога — одного из приемов, восходящего к классической риторической традиции. В узком смысле полиптог — это повтор имени в разных падежах и предложно-падежных формах. Как узнаваемый элемент одического стиля Ломоносова полиптог пародировался А. П. Сумароковым в его «Вздорных одах». В статье рассмотрены примеры использования полиптов в одах Ломоносова — от оды «Первые трофеи Иоанна III» (1741) до «Оды Елисавете Петровне на день тезоименитства» (1759). Фигура полиптога («наклонения») описана Ломоносовым в его главном риторическом трактате — в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Анализ его торжественных од демонстрирует несоответствие сформулированных и реализованных принципов поэтики: полиптоги используются прежде всего не для контраста (как заявлено в «Кратком руководстве»), а для создания гиперболического контекста — при изображении войны, природных катастроф (наводнения, бури), восторженно-исступленного состояния одического поэта, народного ликования. В статье прослеживаются особенности употребления полиптов в послеломоносовской одической поэзии (на примере творчества В. П. Петрова). Петров вслед за Ломоносовым преимущественно использует эту риторическую фигуру в «героических» батальных сценах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торжественная ода, риторика, полиптог, М. В. Ломоносов, В. П. Петров

для цитирования: Матвеев Е. М. Об одной риторической фигуре в одической поэзии М. В. Ломоносова // Русская речь. 2019. № 5. С. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170005696-4.

The Language of Fiction

On One Rhetorical Figure in M. V. Lomonosov's Solemn Odes

Evgeniy M. Matveev, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences),
Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), ematveev@list.ru

ABSTRACT: The article focuses on functioning of the polyptoton in the poetry of Lomonosov — one of the techniques, dating back to the classical rhetorical tradition. In a narrow sense, a polyptoton is a repetition of a name in different cases and prepositional case forms. As a recognizable element of the Lomonosov's odic style, the polyptoton was parodied by A. P. Sumarokov in his "Vzdornye ody" [Foolish odes]. This article analyzes examples of polyptotons in Lomonosov's odes — from the ode "First Trophies of John III" (1741) to the "Ode for Elizabeth Petrovna on her Name Day" (1759). The figure of polyptoton ("naklonenie") was described by Lomonosov in his main rhetorical treatise — "Quick Guide to Eloquence" (1748). The analysis of his solemn odes demonstrates the inconsistency of the formulated and implemented principles of his poetics: polyptotons are used primarily not for contrast (as stated in the "Quick Guide"), but to create a hyperbolic context — when depicting war, natural disasters (floods, storms), enthusiastic state of the odic poet, people's glee. This article traces the features of the polyptotons in the post-Lomonosov odic poetry (using the examples of V. P. Petrov's odes). Petrov mainly uses this rhetorical figure in the "heroic" battle scenes after Lomonosov.

KEYWORDS: solemn ode, rhetorics, polyptoton, M. V. Lomonosov, V. P. Petrov

FOR CITATION: Matveev E. M. On One Rhetorical Figure in M. V. Lomonosov's Solemn Odes. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170005696-4.

В первой вздорной оде Сумароков, пародируя Ломоносова, в двух соседних строках воспроизводит характерную для ломоносовской торжественной оды фигуру — фигуру полиптота (многопадежия):

С **волнами волны** там воюют,
Там **вихри с вихрями** дерутся
И пену плещут в облака. [Сумароков 1957: 257]

В современном словаре риторических терминов В. П. Москвина отмечено несколько значений термина *полиптом*: «Полиптом [лат. мн. *polyptota* < ед. *polyptoton* < греч. *πολύπτωτον* < *πολύ* ‘много’, *πτωτικός* ‘относящийся к форме слова, падежный’] — 1. Повторение слова в разных грамматических формах <...> 2. В более узком смысле: то же, что анноминация. 3. В старинных трактатах: то же, что гетерозис» [Москвин 2007: 566]. Под *анноминацией* понимается «повтор слова в разных падежных и предложно-падежных формах» [Москвин 2007: 119], а под *гетерозисом* — «фигура экспрессивной деривации, состоящая в использовании одной грамматической формы в значении другой» [Москвин 2007: 196].

Описание фигуры полиптота (в первом и втором значениях) содержится в многочисленных трактатах, представляющих античную, европейскую и восточнославянскую доломоносовскую риторическую традицию. В них встречаются следующие терминологические эквиваленты: *греч.* *πλοκή* (Марк Фабий Квинтилиан «Двенадцать книг риторических наставлений»), *πολύπτωτον* (Там же), *лат.* *analepsis* (Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *diaphora* (Там же), *polyptoton* (Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *Ф.-А. Помей* «Кандидат риторики»), *traductio* («Риторика к Гереннию», Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *Ф.-А. Помей* «Кандидат риторики»), *фр.* *diversitez de cas* (Н. Буало. Перевод трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном»), *нем.* *Polyptoton* (И. К. Готтшед «Ораторское искусство в подробном изложении»), *рус.* вытягнение («Риторика» 1620 г.), многопадежное (Софроний Лихуд «Риторика»), многопадежное соимение (Там же), полиптотон (Софроний Лихуд «Риторика», М. Усачев «Риторика»), преведение (Стефан Яворский «Риторическая рука» в переводе Федора Поликарпова), предложение (М. Усачев «Риторика»), преложение (Софроний Лихуд «Риторика»), пременение (М. Усачев «Риторика»), приложение (Софроний Лихуд «Риторика»), традукцию (Стефан Яворский «Риторическая рука» в переводе Федора Поликарпова) [Бухаркин и др. 2017: 191]. Автор «Риторики к Гереннию» обращает внимание на качества речи, в которой используются полиптоты: «Традукция делает так, что слово, будучи часто повторенным, не только не портит восприя-

тие, но даже делает речь более ясной» [Бухаркин и др. 2017: 193]. Буало отмечает, что полиптит, среди других фигур, может «значительно послужить украшению речи и разнообразными путями способствовать возвышенному и патетическому» [Бухаркин и др. 2017: 197].

Эту фигуру описывает Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» в числе фигур речений. Он дает ей (как и многим другим риторическим фигурам) оригинальное русское наименование — «наклонение»: «Наклонение есть, когда то же речение повторяется, будучи предложено на другие времена или падежи: *Сего ненавижу, сим гнушаюся, сей взору моему несносен, от сего всякое отвращение имею, сему пред лицом моим быть недостойно. Или: Люблю правду всем сердцем, как всегда любил и любить буду до смерти*» [Ломоносов 2011: 7, 203–204]. Как видно из определения и примеров, в наклонении могут быть использованы как имена, так и глаголы. В еще более широком смысле (как использование однокоренных слов или форм одного слова для построения риторического доказательства) наклонение понимается в первой части «Краткого руководства» («О изобретении»): «От имени составляются доказательства... чрез наклонение частей слова учиненные, например: *кто воздержан, тот конечно воздержится; или: кто боязлив, тот боится; или: кто воровал, тот вор; или: ежели кротость любим, то и кротких любить должно*» [Ломоносов 2011: 7, 125]. В «Кратком руководстве к красноречию» объясняется одна из функций фигуры наклонения — создание противопоставления, контраста: «От знаменования имени замысловатые речи составляются... Когда одно имя в отменных наклонениях само себе противным представляется: *Иные петлею от петли убегают / И смертью себя от смерти избавляют*» [Ломоносов 2011: 7, 163].

В настоящей статье рассмотрены примеры полиптитов в узком смысле (повтор имени в разных падежах) в одической поэзии Ломоносова. Именно они стали характерным приемом его торжественных од, что чутко уловил Сумароков.

Впервые фигура полиптита появляется у Ломоносова в оде 1741 года, посвященной императору-младенцу Иоанну Антоновичу. В заключительной части оды помещено обращение к Антону-Ульриху Брауншвейгскому, который был генералиссимусом русских войск:

Отца отечества **Отец**,
Вручил Кому небес Творец
Храбрейшу в свете силу править. [Ломоносов 2011: 8, 47]

Полиптит, дополненный гомеологией (корневым повтором), создает гиперболический контекст оды: поэт называет годовалого младенца, используя титул римских императоров («Отец отечества»), к этому сочетанию добавляется еще одно слово «Отец».

Следующие два случая использования данной фигуры встречаются в двух соседних строфах «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации», в сценах описания русско-шведской войны 1741–1742 годов:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярясь из **строя в строй**,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там тысящи валяются вдруг.

Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землю понт;
Прости свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, **зыбь на зыбь** ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:

Так Росс противных низлагает. [Ломоносов 2011: 8, 81–82]

В этой же оде находим еще один случай двойного полиптога при описании одического «исступления» и «сопряжения далековатых идей»:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!

То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит,
То бодрость **страх**, то **страх** ту клонит:

Противна страсть **противну** гонит! [Ломоносов 2011: 8, 88]

Повтор существительного *страх* в 9-й строке данной строфы формирует риторическую фигуру антиметаболы, которую Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» называет пременением: «**Пременение** есть

когда предложением речений противные идеи производятся. *Пример из 2 Димосфенова олинфического слова: Весьма погрешаете вы, афинеане, что чрез тое надеетесь произвести счастье из несчастья, чрез что из счастья несчастье сделалось.* Сюда принадлежит и следующее: *Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется, а ежели сделаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется.* Также и сие: *Не для того мы живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить»* [Ломоносов 2011: 7, 220].

Еще один двойной полиптот, использованный в связи с темой русско-шведской войны, обнаруживается в «Оде на день тезоименитства Петра Федоровича 1743 года»:

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,
Продерсский меч врагов притупит,
Хвалою взойдет к верьху небес.
Отрада пойдет в след **отраде**
В Петровом, свету страшном граде,
И **плески плескам** весть дадут:
Господь щедроты в нас пробавит
И больше нас Тобой прославит,
Как с трепетом враги падут. [Ломоносов 2011: 8, 97]

В «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1746 года» интересующая нас фигура трижды используется для изображения противопоставленной елизаветинскому времени мрачной эпохи Анны Иоанновны:

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что **вихри в вихри** ударялись,
И **тучи с тучами** спирались,
И устремлялся **гром на гром**
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном. [Ломоносов 2011: 8, 125]

Анализируя эту строфу, Р. Николози писал: «Власть Анны Иоанновны — тьма, изгоняемая новой царицей. <...> ...Время бироновщины представляет собой серьезную опасность возврата первоначального хаоса» [Николози 2009: 69].

Далее в одической поэзии Ломоносова наступает перерыв в использовании полипотов. Их нет в одах 1747, 1748, 1750, 1752, 1754 годов. Снова полипот появляется только в «Оде на день рождения Елисаветы Петровны 1757 года», причем снова в связи с военной — а точнее, с антивоенной — темой:

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав,
Царям наверхнуть тщится узы
Желание чужих держав.
Творец, воззри в концы вселенны,
Воззри на земли утесненны,
На помощь страждущим восстань,
Позволь для общего покою
Под сильною Твоей рукою
Воздвигнуть против **брани брань**. [Ломоносов 2011: 8, 572–573]

Наконец, последней одой, в которой Ломоносов использует эту фигуру, является «Ода Елисавете Петровне на день тезоименитства и на преславные ее победы, одержанные над королем Прусским 1759 года». Полипот встречается в этой оде дважды, в пределах одной строфы, формируя кольцо:

С **трофея на трофей** ступая,
Геройство Русское спешит.
О Муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном руки устремленным,
С Зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,
Сказал: Я буйностью своею
Удар ударом предварю. [Ломоносов 2011: 8, 591]

Как важный и узнаваемый прием поэтического языка торжественной оды, полипот продолжает жить в языке русской оды и после Ломоносова. В. П. Петров, главный придворный одописец екатерининского времени, в своей одической поэзии демонстрирует целый спектр многоуровневых заимствований у Ломоносова, охватывающих фонетический, лексический, грамматический, стиховой и сюжетно-ассоциативный уровни поэтических произведений (см. об этом, в частности: [Матвеев 2018]). Заимствует он у Ломоносова и полипоты. Из шести найденных примеров полипота в одах Петрова четыре связаны с ломоносовской традицией. В оде «На победу

российского флота над турецким» и в оде «На взятие Очакова» использован полиптит со словом «смерть»: «Недвижим росс стоит и **смертью смерть** сретае!» [Петров 2016: 60], «И **смертью смерть**, обрушась, давят» [Петров 2016: 159]. Вероятно, Петров держал в памяти цитированный выше пример из «Риторики» М. В. Ломоносова («Иные петлею от петли убегают / И смертию себя от смерти избавляют»)¹. Полиптит со словом «гром», использованный Ломоносовым в оде на восшествие 1746 года, встречается у Петрова дважды: в оде «На заключение с Оттоманскою Портою мира» — «Скоряя **гром громом** упреждай» [Петров 2016: 82] и в оде «На новые учреждения для управления губерний» — «Летал бы **гром за громом**» [Петров 2016: 101]. Еще два примера использования полиптита в одах Петрова не находят прямых аналогов в одической поэзии Ломоносова. Это полиптиты со словами «яд» и «ад»: «Та новым **ядом яд** умножит» [Петров 2016: 84] (ода «На заключение с Оттоманскою Портою мира») и «**Ад адом** сперт, умолк снаряд врагов перунной» [Петров 2016: 98] (ода «Его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому»).

В заключение обратим внимание на функции полиптотов в одической поэзии. Выше было отмечено, что в «Кратком руководстве к красноречию» задачей полиптота Ломоносов считал создание противопоставления между словами, употребленными в разных формах. Анализ его торжественных од демонстрирует определенное несоответствие сформулированных и реализованных принципов поэтики: видно, что полиптиты используются прежде всего не для контраста, а для создания гиперболического контекста — при изображении войны, а также природных катастроф (наводнения, бури), восторженно-исступленного состояния одического поэта, народного ликования. Петров вслед за Ломоносовым преимущественно использует эту риторическую фигуру в «героических» батальных сценах. Таким образом, полиптит в поэтическом языке русской торжественной оды оказывался одним из средств, формирующих свойственный этому жанру «смелый и навязчивый» [Алексеева 2005: 67] гиперболизм стиля.

Литература

Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

¹ Ср. также пример из ломоносовской поэмы «Петр Великий» (пассаж о шведах): Судьбину сияются на время отвратить / И **смертью** Росскою свою **смерть** облегчить [Ломоносов 2011: 8, 657]. Контрастная функция полиптита здесь менее ощутима из-за инверсии. Еще одним источником петровского полиптита мог стать богослужебный контекст, а именно пасхальный тропарь («**Смертию смерть** поправ»).

- Бухаркин П. Е., Волков С. С., Матвеев Е. М. (ред.). Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич, Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина. СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.–СПб.: Наука, 2011–2012. Т. 7. 2011. 864 с. Т. 8. 2011. 1134 с.
- Матвеев Е. М. Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 354–366.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
- Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.
- Петров В. П. Выбор Максима Амелина. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. 384 с.
- Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.

References

- Alexeeva N. Yu. *Russkaya oda: razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekah* [Russian ode: the development of odic form in 17–18th centuries]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005. 369 p.
- Bukharkin P. E., Volkov S. S., Matveev E. M. (ed.). *Ritorika M. V. Lomonosova* [M. V. Lomonosov's rhetorics]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 632 p.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works]. Ed. Yu. S. Osipov. Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2011–2012. Vol. 7, 2011, 864 p. Vol. 8, 2011. 1134 p.
- Matveev E. M. Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov. Word and rhythmic-syntactic formulas. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2018, vol. 15, issue 3, pp. 354–366. (In Russ.)
- Moskvin V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means in modern Russian speech: tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2007. 940 p.
- Nikolozii R. *Peterburgskii panegirik XVIII veka: mif – ideologiya – ritorika* [The 18th century Peterburg panegyric: myth – ideology – rhetorics]. Moscow, Yazyki Slavianskoy Kul'tury Publ., 2009. 216 p.
- Petrov V. P. *Vybor Maksima Amelina* [Maxim Amelin's choice]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. 384 p.
- Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Ed. P. N. Berkov. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1957. 608 p.

В помощь изучающим русский язык

Школьные диалектные словари на уроках русского языка

Елена Владимировна Корпечкова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), lelene@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005697-5

АННОТАЦИЯ: К настоящему времени выпущено несколько диалектных словарей, адаптированных для школьников: «Словарь говора старовеков Эстонии» О. Н. Паликовой, О. Г. Ровновой; «Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики» под ред. Л. Ю. Зориной и «Школьный диалектный словарь Приамурья», сост. О. Ю. Галуза, Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. Сотрудниками Кубанского государственного университета готовится к изданию «Школьный словарь кубанских говоров». В статье содержится обзор данных изданий, рассматриваются требования к структуре и содержанию школьного словаря диалектной лексики, приводятся варианты использования диалектного материала на уроках русского языка в школе и во внеурочной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, словари, диалектология, преподавание русского языка в школе, лексика

для цитирования: Корпечкова Е. В. Школьные диалектные словари на уроках русского языка // Русская речь. 2019. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S013161170005697-5.

Learning Russian

Using School Dialect Dictionaries in Russian Language Classes

Elena V. Korpechkova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), lelene@yandex.ru

ABSTRACT: Nowadays there exist several dialect dictionaries adapted for school students. These include: “The dictionary of Estonian Old Believers’ Dialect” by O. N. Palikova and O. G. Rovnova, “Vologda Word: Dialect Dictionary for School” by L.Y. Zorina and “School Dictionary of Amur Region Dialect” by O. Y. Galuza, L. V. Kirpikova and N. P. Shenkevets. Another dialect dictionary to be published is “School dictionary of Kuban Sub-dialects” by Kuban State University’s staff members. The article reviews these dictionaries, discusses structure and content requirements of a school dialect dictionary. In the article we suggest several ways of using materials about dialect words in Russian language classes at school and outside the classroom.

KEYWORDS: Russian language, dictionaries, dialectology, teaching Russian language at school, lexis

FOR CITATION: Korpechkova E. V. Using School Dialect Dictionaries in Russian Language Classes. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 5. Pp. 116–128. DOI: 10.31857/S013161170005697-5.

Несмотря на то, что в настоящее время Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) не содержит национально-регионального компонента в виде отдельного блока, одним из требований к результатам освоения основной образовательной программы является «формирование первоначальных представлений о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России, о языке как основе национального самосознания» [ФГОС 2010: 7].

Для реализации этой задачи в школе на территориях, где родным языком большей части населения является русский, необходимо знакомство школьников с местными языковыми особенностями, регулярное обращение в ходе урока к местному языковому материалу: образцам говоров, языку фольклора, местных писателей, текстов исторических документов, а также к сведениям о топонимах региона. Используя поддержку такого рода, учитель сможет обратить внимание учащихся на диалектные слова, пояснить, что та или иная региональная разновидность языка является частью русского национального языка в целом, показать на карте область распространения говора.

Одним из самых простых и доступных источников получения информации о говорах является словарь. Какие же словари можно использовать для этой цели?

Ряд употребительных диалектных слов включается в толковые словари. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 2014] и «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой [Шведова 2011] такие слова имеют помету *областное*, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов 2008] — *народно-разговорное*. Однако в толковые словари входит лишь малая часть диалектизмов, все они так или иначе общеизвестны, достаточно широко встречаются в художественной литературе, и доля их составляет лишь 1–2 % от общего количества слов [Самотик 2010: 253]. Кроме того, областные слова снабжены *единой* для всех пометой, что не позволяет в рамках словарной статьи отразить информацию о территориальной принадлежности каждого диалектизма.

Большое количество региональной лексики присутствует в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, знакомство с которым часто происходит уже в начальной школе. Наверное, это самый популярный и доступный источник, включающий сведения такого рода. Первое издание словаря вышло в 1866 г., и с тех пор он регулярно переиздается, ознакомиться с ним можно и в сети Интернет. Однако нужно учитывать, что Даль включал в словарь лексику произвольно, не руководствуясь какими-либо определенными критериями отбора; толкования, приводимые им, не стандартизированы, а принцип расположения статей — гнездовой, то есть в одну статью входят все однокоренные слова, а иногда и просто внешне схожие слова с разными корнями. Это создает трудности при использовании словаря, в частности затруднен поиск слова, не имеющего собственной словарной статьи, а расположенного внутри некоторого гнезда. Диалектные слова составляют лишь около трети от общего количества лексем, а пометы, сообщающие территорию их распростране-

ния, могут быть слишком общими (например, *сев.*, без указания области) или вовсе отсутствовать.

Словарь Даля является памятником лексикографической мысли, книгой, которую можно читать подряд, как художественное произведение, но, составленный с недостатком «научного знания грамматики» (как признается сам автор в предисловии [Даль 1880: V]), изданный более чем полтора века назад, он не может быть актуальным на данный момент источником, пригодным для использования в образовательном процессе в качестве словаря.

К настоящему времени выпущено большое количество специализированных областных словарей, описывающих лексику разных говоров, однако, во-первых, эти издания в массе своей неизвестны и недоступны для большинства учащихся и учителей, во-вторых, многотомные диалектные словари не адаптированы для школьников.

Каким же должен быть диалектный словарь, чтобы им удобно было пользоваться учащимся?

Представляется уместным выделить следующие характеристики такого издания.

- 1) Словарь обязательно должен быть дифференцированного типа (включать *только* диалектную лексику, слова, не употребляющиеся в литературном языке, то есть лексические и семантические диалектизмы).
- 2) Словарь не должен быть перегружен дополнительными сведениями (лексика и фразеология, представленная в нем, не может включать *все* областные слова, характерные для данной местности, а лишь лексемы, специально отобранные для школьного словаря, отражающие самые важные стороны жизни человека, особенности его мировосприятия, народную языковую картину мира).
- 3) Материал должен располагаться в алфавитном порядке (гнездовой принцип, при котором производные слова помещаются в одной словарной статье с производящим словом, как в словаре Даля, затрудняет поиск).
- 4) Словарь должен демонстрировать школьникам характерные для диалектных лексических единиц системные связи и отношения (то есть синонимии, омонимии, вариантности).
- 5) Словарная статья должна включать грамматические и, при необходимости, стилистические пометы, толкование значения, иллюстративный материал, географические пометы.

Желательно также, чтобы школьный словарь содержал методические приложения — советы учителю и учащимся, как использовать материалы словаря на уроках русского языка и во внеклассной работе, примерные планы занятий лингвистического кружка и материалы для их проведения.

На сегодняшний день известно три подобных издания.

В 2008 г. вышел «Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся» О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой [Паликова, Ровнова 2008]. Материалом для словаря послужил говор русских деревень, расположенных за пределами Российской Федерации, на западном берегу Чудского озера. Так как этот говор близок к диалектам псковской группы, словарь может быть полезен при изучении русского языка не только в Эстонии, но и в Псковской области.

Словарь включает 1196 словарных статей. Помимо собственно толкований, в словарь включены сведения и о диалектной фонетике: в некоторых примерах отличное от литературного произношение дано в частично фонетической записи: например, отражается яканье — произношение [a] после мягкого согласного перед ударным слогом: *бяри, дятий (бери, детей)*. Для многих слов приводятся расширенные толкования, включающие энциклопедические сведения, а также развернутые контексты, передающие историческую, этнографическую информацию. По словам авторов, «примеры, иллюстрирующие употребление диалектного слова, сами могут читаться как роман о жизни старообрядцев Западного Причудья» [Паликова 2008: 7–8], см. рис. 1.

Отдельно отмечены в словаре случаи заимствования слов из эстонского языка (см. рис. 2).

Предваряет словарь статья «Краткая характеристика говора староверов Эстонии», в которой описаны его основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности. Присутствует также небольшой раздел «Как работать со словарем в школе». Особенностью этого издания является и то, что ознакомиться с ним может любой желающий: авторы разместили словарь в Интернете для бесплатного скачивания.

«Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики» (ответственный редактор Л. Ю. Зорина), вышедший в 2011 г., включает в себя около 4000 диалектных слов вологодской группы севернорусского наречия [Зорина (ред.) 2011].

Из школьных словарей он имеет наибольший объем. Многие слова имеют расширенное толкование, статью сопровождает иллюстративный материал (см. рис. 3).

В этом издании ограничено представлены фразеологизмы, так как словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах вышел отдельной книгой — «Золотые россыпи» [Зорина (ред.) 2014].

Особенностью словаря является то, что в качестве приложения в нем даны несколько иллюстраций, на которых изображены печь, разные виды колодца, ткацкий стан, подписаны названия их деталей (см. рис. 4).

ЧУМКИ. чумок, *только множ. ч. Самодельные санки для катания.*
Ке́лек у нас не было, чумки были. С этих чумок мы катались. КЛСТ., 2007. [А для катания тоже были санки?] Чумки. Это мы делали сами, у нас брат нам делал: дощечка, спереди чуть загнута сделано, и два деревянных полоза или просто рейки. И две заострённых палки – на коленки встаёшь на эти чумки, а палками отталкиваешься. Друзья брата на чумках катались все. И хорошо эти чумки, когда делали на льду карусель: то есть один кол вбивали, вмораживали в лёд, а другой присоединяли к нему перпендикулярно. Вот к концу прицепишься на этих чумках, другие тебя раскручивают, а ты на чумках на этом конце едешь! Н.КЗПЛ., 2008.

Рис. 1. Статья Чумки из «Словаря говора староверов Эстонии»

Fig. 1. Dictionary entry *Chumki* from the "Dictionary of Estonian Old Believers' dialect"

ТРЕХТЕЛЬ. -я, м. *Воронка (для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком).*
← *эст. lehter, устар. trehter 'воронка'*
«Трехтель» слово есть, трехтель – это воронка. Ну вот, в бутылки молоко [наливать] или, например, у нас ещё воронка [использовалась, когда] делали домашние колбасы – кишки эти набивали: на воронку надевают кишку и набивают. Н.КЗПЛ., 2008. Трехтель в мянз виспэна на гвозду, как надо керосин лить, бяри сама. МСРСГП, 1963. Трехтель по-другому и не назовёшь. МСРСГП, 1963.

Рис. 2. Статья Трехтель из «Словаря говора староверов Эстонии»

Fig. 2. Dictionary entry *Trekhtel'* from the "Dictionary of Estonian Old Believers' dialect"

Чу́нки и Чо́нки, мн., нок. *Небольшие сани, санки. На чу́нках сне́гу-то навзйм да всю кúцю водо́й и оболъём.* Кир. Ковды не́ было желе́зных-то чо́нок, дак на э́тих робёнки ката́лись. Тарн. А также: **чунáшки.**

Козёл, злá, м. 1. *Приспособление для катания с ледяной горки в виде широкой доски, которая обливалась водой и замораживалась, и укрепленной на ней скамейки.* Раньше дити всё больше на козлах катались, а не на чу́нках. Сок. А также: **козелкí, козелок, козлик, козу́ля, конёк, корёга, корёги, корёхи.** 2. *Часть больших качелей – сиденье из скрепленных между собой бревен. У качелей – козёл, три бревна́ связанных, дёвки сади́лись даже вятером, и па́рни их качáли.* Волог.

Рис. 3. Статьи Чунки и Козёл из словаря «Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики»

Fig. 3. Dictionary entries *Chunki* and *Kozel* from the "Vologda word. School dictionary of the dialect vocabulary"

В 2008 г. опубликовано пособие редактора словаря Л. Ю. Зориной «Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки», содержащее рекомендации по использованию диалектного материала на уроках, в первую очередь для учащихся, которые сами являются носителями диалекта.

Рисунки и схемы

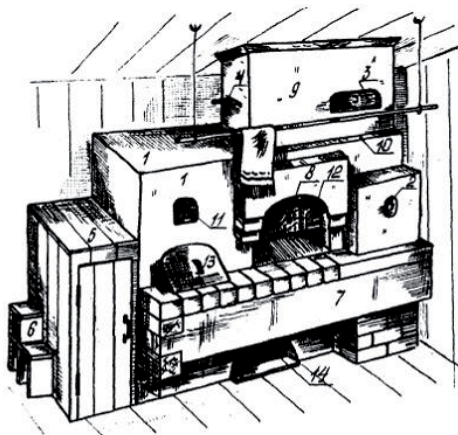

Рис. 4. Иллюстрация из словаря «Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики»

Fig. 4. Illustrations from the "Vologda word. School dictionary of the dialect vocabulary"

Русская печь (пекарка)

1. Шатёр.	8. Загнетя.
2. Душник, отдушка.	9. Кожух, вымобод.
3. Засторонок, посторонок.	10. Карниз.
4. Поползуха, засов, вьюха.	11. Печурка,
5. Голбец.	12. Горнушка, опечек.
6. Приступок, парог.	13. Загнет(а).
7. Опечек, ошосток.	14. Голубня.

В 2014 г. вышла еще одна книга — «Школьный диалектный словарь Приамурья», сост. О. Ю. Галуза, Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец [Галуза, Кирпикова, Шенкевец 2013]. Материалом для него послужил говор русскоязычных деревень в Хабаровском крае и Амурской области. Объем словаря составляет около 1500 статей. Нужно отметить, что в словарной статье, помимо традиционных грамматических сведений, присутствуют самые разнообразные стилистические пометы: *специальное, новое, устаревшее; ироническое, уменьшительно-ласкательное, снисходительное, неодобрительное, презрительное; экспрессивное, уменьшительное, увеличительное*. Иллюстративный материал дается в орфографической записи, учитывающей некоторые особенности произношения: например, в статье *Кобылка* отражается стяжение, то есть объединение гласных на стыке основы и окончания личной формы глагола: *прибиватся* вместо литературного *прибивается* (см. рис. 5).

Толкования некоторых слов, обозначающих особенности жизни русского населения этого края, а также терминов, связанных с трудом и традиционными ремеслами, подробны (см. рис. 6), некоторые из них сопровождаются рисунками.

КОБЫЛКА, и, ж. Приспособление в борту лодки для упора весла при гребле, уключина (рис. 17, 3б). *Кобылка прибивается к борту лодки, ставится ручка, и надеешь весло* (Пашк. Облuch.). Хаб. – Ср. К ó з л и к.

Рис. 5. Статья *Кобылка* из «Школьного диалектного словаря Приамурья»

Fig. 5. Dictionary entry *Kobyllka* from the "School dialect dictionary of the Amur region"

СЛИВАН, а, м. Устар. Крепкий чай, заправленный сливочным маслом, сырыми яйцами, сливками или молоком. Чай присаливается и обычно выдерживается в русской печи, перемешивается путем «сливания» ковшом. Любимый напиток забайкальских и амурских старожилов.

Рис. 6. Статья *Сливан* из «Школьного диалектного словаря Приамурья»

Fig. 6. Dictionary entry *Slivan* from the "School dialect dictionary of the Amur region"

Особенностью этого словаря является подробное методическое приложение, где рассматриваются варианты использования словарного материала на уроках и во внеклассной работе, приводятся примерные задания, даются планы внеклассной работы, описывается тематика проектной деятельности. Нельзя не согласиться, что «привлечение местного материала позволит оживить уроки русского языка, сделать их более содержательными и интересными, побудит учащихся быть более внимательными к речи окружающих и к своей собственной речи, поможет почувствовать истинную красоту, силу и значимость народного слова» [Галуза 2015: 15].

Работа с диалектным материалом на уроках русского языка с использованием словарей может проводиться при изучении практически любой темы, и в первую очередь при изучении лексики ограниченного употребления.

Можно в качестве задания предложить «перевести» диалектные слова на литературный язык и наоборот. Зачастую это не так просто: то, что в диалекте называется одним словом, в литературном языке можно передать только словосочетанием, и не всегда просто отгадать значение слова, даже если однокоренные слова известны учащимся. Подобное задание стало основой для пользовавшейся популярностью интернет-игры «Вологодское словечко», проводившейся в 2015 г. Каждый день организаторы предлагали в качестве загадки одно диалектное слово, а участники пытались отгадать его значение.

Материалы областного словаря также могут быть использованы при изучении некоторых тем раздела «Лексика». Интересным представляется

сравнение ряда слов определенной тематической группы литературного языка и диалекта либо разных говоров. Например, слова, обозначающие родственные отношения, в говорах всегда представлены шире, чем в литературном языке. Помимо общеупотребительных, здесь можно найти более узкие наименования, значения которых в литературном языке нельзя выразить одним словом, например в «Вологодском словечке»:

Братан. *Двоюродный, троюродный брат.*

Сестрёница. *Двоюродная сестра.*

Нянька. *Старшая сестра.*

Божата. *Сестра отца или матери, тётка.*

Можно обратить внимание, что в современной речи, особенно среди городского населения, использование слов этой группы сокращается: все чаще слышим «сестра мужа» вместо «золовка», «отец мужа» вместо «свекор».

На основе подобных наблюдений можно познакомить учащихся с понятием «языковая картина мира»¹, обратить внимание на своеобразие диалектной картины мира родного края, которая зависит от окружающей природы, особенностей хозяйства и ремесел людей. В целом для диалектов характерна большая детализация видовых наименований в сферах, важных для жизни региона. Например, толковые словари литературного языка включают два слова, имеющих значение «топкое место»: *трясина* и *топь*. С помощью «Вологодского словечка» можно узнать, как многочисленны наименования топких мест среди носителей говоров Севера, живущих в болотистых местах:

Бочáжина, ы, ж. *Низкое, болотистое, топкое место.*

Вязúн, а, м. *Вязкое, болотистое место.*

Патóчи́на, ы, ж. *Топкое болотистое место.*

Пéндус, **Пéнтус**, **Пёнтус** и **Пéнус**, а, м. *Зыбкое, топкое место на болоте.*

Солотíна, ы, ж. *Вязкое, топкое место.*

Сузём, а, м. *Топкое место на болоте.*

Топíна, ы, ж. *Топкое место на болоте, трясина.*

Трясени́ца, ы, ж. *Топкое место на болоте, трясина.*

Чару́с, а, м. *Топкое место на болоте.*

Говорам южнорусского наречия такое разнообразие не знакомо.

Во многих диалектах дифференцированы наименования, связанные с животноводством, в частности названия детенышей животных разных возрастов.

¹ **Языковая картина мира** (термин введен Л. Вайсгербером) — это отраженный в языке способ видения мира, некая единая система взглядов или предписаний, заключенная в значении слов языка.

В «Вологодском словечке»:

Сёлеток, тка, м. *Жеребенок в возрасте до года.*

Годовик, а, м. 1. *Годовалое животное.*

Припусток, тка, м. 1. *Теленок первого года жизни.*

В «Словаре говоров староверов Эстонии»:

Кóленка, -и, ж. *Телёнок по второму году.*

При обращении к этим темам можно опираться и на научные работы, посвященные диалектной лексике, например, наименованиям жеребят разных возрастов посвящена статья О. М. Мораховской [Мораховская 1983].

Слова говора, наряду с общелитературными, могут служить примерами многозначности лексических единиц (как собственно слов, так и фразеологических оборотов). Среди таких диалектизмов легко найти примеры омонимов, возможно использовать диалектный материал при изучении синонимов и антонимов (отсылки на соответствующие группы слов присутствуют в словарной статье), сопоставляя диалектные и литературные варианты (см. рис. 7).

ГЛУШИ́НА¹, -ы, ж. *Крышка для самовара.*

Глушиной обыкновенно самовар закрываем, когда ён кипи́. МСРСГП, 1963.

ГЛУШИ́НА², -ы, ж. *Берёза с шершавыми листьями.*

Глушина – это дикарка, на мхах боле растёт, а бярэзка-вясёлка, так в ей листочки блестящише, шёлковые. МСРСГП, 1963.

ВИРА́ТЬ, несов.

1. *Бросать, совать без разбору.*

Не **вирай** куды попало, клади в кучку. МСРСГП, 1963.

2. *перен. Поспешно, жадно есть.*

Вирай в рот, не разглядывай. МСРСГП, 1963.

Рис 7. Пример омонимов (*Глушина*) и многозначного слова (*Вирать*) из «Словаря говора староверов Эстонии»²

Fig. 7. An example of homonyms (*Glushina*) and a multi-valued word (*Virat*) from "Dictionary of Estonian Old Believers' dialect"

Лексика, представленная в областных словарях, может использоваться на уроках и при изучении словообразовательных процессов³. На примере региональных слов можно показать различные словообразовательные средства, как специфически диалектные, так и общие для говора и ли-

² Источник — МСРСГП («Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики»), книга, в которой были опубликованы материалы по лексике Западного Причудья, собранные и систематизированные преподавателем Тартуского университета Т. Ф. Мурниковой [Немченко, Синица, Мурникова 1963].

³ Примерный план урока, посвященного диалектизмам, в частности диалектному словообразованию, на примере говоров Урала можно найти в статье М. Э. Рут [Рут 2017: 6–8].

тературного языка. Например, сравнивая способы образования названий ягод, можно отметить, что суффикс *-иц-* вологодской и псковской групп говоров соответствует литературному и южнорусскому *-ик-*:

«Словарь говора староверов Эстонии»	«Вологодское словечко»
ЗЕМЛЯНИЦА , <i>Земляника.</i> ЧЕРНИЦА , <i>Черника.</i> БРУСНИЦА , <i>Брусника.</i>	Земляница , <i>Земляника.</i> Кислица , <i>Красная смородина.</i> Голубеница , <i>Голубика.</i>

Таким образом, основной целью использования регионального языкового материала на уроках родного языка является формирование представления о языке своего региона как части общенационального языка, овладение умением распознавать местные особенности в речи населения родного края и в своей собственной речи, а также использовать эти знания в соответствии с ситуацией общения.

Не менее значимым является использование примеров диалектной речи, в том числе с привлечением диалектных словарей, и на территории распространения среднерусских говоров, на основе которых сформировался литературный язык. Для школьников крупных городов, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга, это прекрасная (а часто и единственная) возможность узнать о многообразии вариантов русского языка, понаблюдать за языковыми особенностями других регионов.

Использование школьного типа словаря, не перегруженного информацией, простого для восприятия, может быть удобным не только для учащихся, но и для широкого круга читателей, желающих познакомиться с языком того или иного края, его историей, культурой, бытом. В связи с этим очень нужным представляется создание школьных диалектных словарей в регионах, и особенно это актуально для южнорусских говоров, не имеющих подобных справочных изданий⁴.

Литература

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Школьный диалектный словарь: информативность и дидактический потенциал (на материале кубанских говоров) // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 3–8.

⁴ В Кубанском государственном университете готовится к выходу «Школьный словарь кубанских говоров». С его структурой можно познакомиться в публикациях его составителей [Борисова, Костина 2015].

- Галуза О. Ю., Кирпикова Л. В., Шенкевец Н. П. Школьный диалектный словарь Приамурья. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 268 с.
- Галуза О. Ю. Школьный диалектный словарь Приамурья как лингвокраеведческий источник // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2014. № 11. С. 241–248.
- Галуза О. Ю. О школьном диалектном словаре Приамурья: общая концепция, структура и содержание // Вопросы лексикографии. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2015. № 1 (7). С. 5–19.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. // Москва: Изд. общ-ва любителей российской словесности, 1863 – LIV. 627 с.
- Зорина Л. Ю. (ред.). Вологодское словечко. Школьный словарь диалектной лексики // Вологда: ВГПИ, 2011. 344 с.
- Зорина Л. Ю. (ред.). Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах // Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2008. 1536 с.
- Мораховская О. Н. Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни // Русские народные говоры: лингвогеографические исследования / АН СССР, Ин-т русского языка; отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1983. С. 121–132.
- Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. 362 с.
- Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008. 160 с.
- Паликова О. Н. Школьный словарь говора староверов Эстонии // Коренное русское меньшинство в Эстонии и Европе: доклады конференции. Таллин, 2009. С. 100–108.
- Рут М. Э. Диалектный словарь в школе: в помощь литературному русскому языку // Филологический класс. 2017. № 1. С. 7–2.
- Самотик Л. Г. Диалектизмы и толковые словари литературного языка // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 2. С. 252–256.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.
- ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru>
- Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2011. 1176 с.

References

- Borisova O. G., Kostina L. Yu. [School dialect dictionary: informative and didactic potential (on the material of the Kuban dialects)]. *Russkii yazyk v shkole*, 2015, no 8, pp. 3–8. (In Russ.)
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1863. 627 p.

- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of Primary General Education]. Available at: <https://fgos.ru> (accessed 11.06.2019).
- Galuzha O. Yu., Kirpikova L. V., Shenkevets N. P. *Shkol'nyi dialektnyi slovar' Priamur'ya* [School dialect dictionary of the Amur region]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2013. 268 p.
- Galuzha O. Yu. [School dialect dictionary of the Amur region as a Linguistic and local lore source]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2014, no 11, pp. 241–248. (In Russ.)
- Galuzha O. Yu. [On the School dialect dictionary of the Amur region: general concept, structure and content]. *Voprosy leksikografii. Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet*, 2015, no 1 (7), pp. 5–19. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of the Russian language]. Moscow, 2008. 1536 p.
- Morakhovskaya O. N. [Ways of naming foals in the initial periods of life] *Russkie narodnye govory: lingvogeograficheskie issledovaniya* [Russian folk dialects: linguistic and geographical research], 1983, pp. 121–132. (In Russ.)
- Nemchenko V. N., Sinitza A. I., Murnikova T. F. *Materialy dlya slovary russkikh starozhil'cheskikh gorovor Pribaltiki* [Materials for the dictionary of Russian Old Believers speaking on the territory of the Baltic states]. Riga, 1963. 362 p.
- Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii. Kniga dlya uchashchikhsya* [Dictionary of Estonian Old Believers' dialect. Book for students]. Tartu, 2008. 160 p.
- Palikova O. N. [School dictionary of Estonian Old Believers]. *Korennoe russkoe men'shinstvo v Estonii I Evrope: doklady konferentsii* [Traditional Russian minority in Estonia and Europe: conference papers]. Tallin, 2009, pp. 100–108. (In Russ.)
- Rut M. E. [Dialect dictionary in school: assistance in the study of literary Russian language]. *Filologicheskii klass*, 2017, no 1, pp. 7–12. (In Russ.)
- Samotik L. G. [Dialectisms and explanatory dictionaries of the literary language]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*, 2010, no 2, pp. 252–256. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, 2011. 1176 p.
- Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Modern Russian language]. Moscow, 2014. 800 p.
- Zorina L. Y. (ed.). *Vologodskoe slovechko. Shkol'nyi slovar' dialektnoi leksiki* [Vologda word. School dictionary of the dialect vocabulary]. Vologda, 2011. 344 p.
- Zorina L. Y. (ed.). *Zolotyie rossypi: slovar' ustoichivyykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh gororakh* [Goldfields: a dictionary of idioms on Vologda folk dialects]. Vologda, 2014. 304 p.